

29 марта 2017 года в Шуваловском корпусе МГУ имени М.В. Ломоносова начала работу международная научная конференция «Столетие Революции 1917 года в России». В организации форума принимали участие Московский университет, исторический факультет МГУ, факультет политологии МГУ, Санкт-Петербургский государственный университет (институт истории, факультет политологии СПбГУ), Российское историческое общество, Российское общество политологов, отделение историко-филологических наук РАН, Институт российской истории РАН, Государственный исторический музей, Государственный центральный музей современной истории России, Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси (институт истории) и Московский дом национальностей.

Пленарное заседание конференции вели декан исторического факультета МГУ д.иск., проф. И.И. Тучков и декан факультета политологии МГУ д.и.н., проф. А.Ю. Шутов.

Приветствие участникам конференции прозвучали от имени Ректора Московского университета академика РАН В.А. Садовниченко, Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко (зачитал член Совета Федерации ФС РФ д.и.н., проф. В.В. Кондрашин), председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина (зачитал ответственный секретарь РИО А.Е. Петров), председателя оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных юбилею Революции 1917 г. в России, ректора МГИМО(у), академика РАН А.В. Торкунова, академика РАН, академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, члена Президиума РАН, научного руководителя ИЭА РАН В.А. Тишкова.

С научными докладами на пленарном заседании выступили Председатель комитета Государственной Думы по образованию и науке д.и.н., проф. В.А. Никонов, директор Института российской истории РАН д.и.н. Ю.А. Петров, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки истфака МГУ д.и.н., проф. Л.С. Белоусов, заведующий кафедрой российской политологии факультета политологии МГУ, д.ф.н., проф. В.И. Коваленко, д.и.н., проф. заведующий кафедрой новейшей истории России СПбГУ М.В. Ходяков, член-корреспондент НАН Беларуси, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси А.А. Коваленя, профессор Карлтонского университета (Оттава) П. Дуткевич, доктор, научный сотрудник Института современной истории (Мюнхен) Ю. Царуски.

Свое видение Революции 1917 г. в России осветили председатель фракции КПРФ ГД РФ Г.А. Зюганов, председатель фракции ЛДПР ГД РФ В.В. Жириновский, директор Канцелярии Российского Императорского Дома к.и.н., доц. А.Н. Закатов.

Всего в работе конференции приняли участие более 350 специалистов. Среди них преподаватели и научные сотрудники исторического факультета и факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова, МГИМО(у), других ВУЗов и музеев страны, ученые научно-исследовательских институтов РАН, авторы школьных и вузовских учебников, учителя московских школ, зарубежные специалисты из Канады, Германии, Сербии, Китая, Бразилии, Италии и Беларуси.

30 марта 2017 г. конференция продолжила работу в 20 секциях и подсекциях, на которых было заслушано более 250 докладов и сообщений. Наибольший интерес вызвали темы, связанные с причинами, этапами, событиями Революции 1917 г., проблемами внешней политики, войны и Революции, социально-экономического блока. Особое внимание было уделено вопросам государственного строительства, национальных отношений, развитию культуры и искусства, деятельности церкви, проблемам историографии и источниковедения.

Ряд докладов был посвящен восприятию Революции 1917 г. в зарубежных государствах и ее влиянию на социально-политическое положение в мире.

Среди выступавших были такие видные ученые, как д.и.н., проф. С.В.Девятков, д.полит.н., проф. И.И. Кузнецов, д.полит.н., проф. А.А. Ширинянц, д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев, д.и.н., проф. А.Ю. Ватлин, профессор конституционного права Л. Мещетти (Италия). С интересными докладами также выступили к.и.н., доц. А.И. Остапенко, к.и.н., доц. М.И. Голубева, к.и.н., доц. Н.Н. Наумова, к.и.н., доц. Л.В. Жигальцова, к.и.н., доц. В.В. Алексеев, к.и.н., доц. Ф.А. Гайда, к.и.н., доц. Г.М. Запальский, к.и.н., доц. М.Г. Абрамова, к.и.н., доц. К.М. Андерсон, к.полит.н., доц., Б.А. Прокудин, к.и.н., ст. преп. О.К. Кайкова, к.и.н., преп. А.А. Вершинин и другие.

В сообщениях и докладах были использованы новые документы. Докладчики задавали вопросы и вступали в дискуссию по ряду ключевых вопросов. Заседания проходили в конструктивной научной атмосфере.

В фойе силами сотрудников библиотеки была организована выставка книг и экспонатов, связанных с Революцией 1917 г. в России.

Работа конференции освещалась в прессе и на телевидении. Ряд участников конференции дали интервью журналистам.

Участники конференции выражали благодарность организаторам форума.

Программный и Организационный комитеты благодарят всех, кто принял участие в данной конференции.

30 марта 2017 г.

Информация подготовлена к.и.н., доц. А.И. Остапенко, к.и.н., доц. М.И. Голубевой, к.и.н. преп. А.А. Вершининым.

29 марта (среда) 2017 г.

Пленарное заседание

(конференц-зал, Шуваловский корпус МГУ)

Приветствия участникам международной конференции

Виктор Антонович Садовничий, академик РАН, ректор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Приветствие участникам международной конференции «Столетие Революции 1917 года в России», 29 марта 2017 г.

Уважаемые участники конференции, гости и коллеги!

Сто лет назад свершилась Великая российская революция, разделившая историю России на «до» и «после» и оказавшая значительное влияние на мировое развитие в XX столетии.

Столетие – этот солидный срок отделяет нас от того времени. Однако, несмотря на такой внушительный юбилей, мы все еще далеки от объективного изучения этого, действительно, эпохального события. Сегодня, как и сто лет назад, споры о значении, итогах, последствиях революции не утихают, носят острый полемический, а порой, политически ангажированный характер. Они ведутся не только в тихих академических кабинетах, а на самых широких общественных площадках. Такой накал и ожесточенность современной дискуссии о событиях столетней давности яркое свидетельство того, что мы еще в начале пути осмысления уроков Великой российской революции.

Необходимо беспристрастно и всесторонне взглянуть на события вековой давности. Как сказал Президент Российской Федерации В.В. Путин в связи со столетием революции в последнем послании Федеральному собранию (1.12.2016 г.): «Российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий... Уроки истории нужны нам, прежде всего, для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь».

Безусловно, все это ставит перед академическим сообществом задачу поднять на качественно новый уровень проблемы исследования Великой российской революции. Для этого необходимы усилия исследователей самых разных областей научного знания: историков, философов, политологов, социологов, экономистов и других. Отрадно, что наша международная конференция не только объединила ученых со всей России и зарубежья, но проходит на базе двух факультетов Московского университета исторического и политологического и представляет широкий спектр ведущих специалистов различных направлений гуманитарных и общественных наук.

Революция – это сложное, противоречивое и многогранное явление, изучение которого требует комплексного междисциплинарного подхода. Не стоит забывать, что XX столетие стало эпохой революций, череда которых прокатилась по всем континентам мира. Они имели различный характер, движущие силы и итоги. Последовавшие за ними трансформации охватывали все сферы жизни человечества: политическую, социально-экономическую, научно-техническую, духовную и культурную. С начала XXI века прошло менее 20 лет, но мы уже неоднократно стали свидетелями этого сокрушительного явления во многих государствах мира. До сих пор в науке остаются открытыми важнейшие теоретические проблемы, в том числе, определение самого понятия революции, раскрытие ее природы и внутренних механизмов.

Великую российскую революцию 1917 г. как объект научного исследования следует изучать многомерно, с позиции разных дисциплин в нескольких плоскостях. С одной стороны, ее нужно исследовать в контексте и сравнении с другими историческими событиями и явлениями той эпохи. С другой – наша революция – уникальное явление, поскольку нигде в мире не было столь масштабного по своему размаху и последствиям социального катаклизма. Она должна получить историко-социологическое и историософское осмысление, оценку с правовой, духовной, этической и нравственной точек зрения. Необходимо найти новые методологические концептуальные подходы к исследованию проблемы.

Главным критерием в оценке революции должен быть принцип историзма. Рассматривая события 1917 г. следует избежать накладывания кальки современной этики и морали на события начала прошлого века. В истории Великой российской революции много лакун и дискуссионных проблем. По-прежнему актуальны вопросы о причинах и предпосылках революции 1917 г., периодизации

революционных событий, о движущих силах и характере происходивших изменений, и, конечно, оценки, значение и последствия этого перелома в российской и мировой истории.

Сколько же было революций в 1917 г. одна или две? Что дала революция 1917 г. нашей стране и что она потеряла? Даже сегодня, спустя сто лет вряд ли возможно найти окончательный ответ. Очевидно, что она имела как разрушительные, так и созидательные результаты и последствия. Великая российская революция стала поворотным событием истории не только нашей страны, но прямо или косвенно оказала значительное влияние на процесс развития многих государств мира.

Убежден, что спустя сто лет, надо не просто осмыслить этот драматический и противоречивый период нашей истории, но и принять его со всеми трагедиями и победами. Об этом справедливо сказал В.В. Путин в послании Федеральному собранию в декабре 2016 г.: «Недопустимо тащить раскол и злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь».

Надеюсь, что наша конференция положит начало глубокой научной дискуссии, которая, обозначит новый серьезный этап в изучении истории Великой российской революции. Столетие, отделяющее нас от революционных событий, достаточный срок, для того, чтобы дистанцироваться от той эпохи и объективно взглянуть в прошлое.

В завершении можно вспомнить слова выдающего государственного деятеля дореволюционной России графа Александра Христофоровича Бенкендорфа: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». (Сказано в 1836 г. по поводу «Философического письма» П.Я. Чаадаева). Конечно же, это касается не периода Великой российской революции, а той эпохи, которая вопреки событиям 1917 г. и последующих тяжелейших испытаний наступает в нашей стране.

Виктор Викторович Кондрашов, д.и.н., проф. член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

**Приветствие участникам конференции от Председателя Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации Матвиенко Валентины
Ивановны**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Участникам, организаторам и гостям
Международной научной конферен-
ции "Столетие Революции 1917 года
в России"

Приветствую вас по случаю открытия Международной научной конференции "Столетие Революции 1917 года в России".

Инициатива Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по проведению столь масштабного научного форума очень значима и востребована. На повестке дня вашей конференции, собравшей вместе видных ученых, политиков, общественных деятелей из многих стран, целый комплекс актуальных проблем, касающихся этой переломной для нашей страны и всего мира революционной эпохи.

Сегодня, как никогда, важно сохранить связь времен, бережное и уважительное отношение, особенно у молодого поколения, ко всем страницам и периодам нашей истории. Необходимо дать объективную оценку сложным и противоречивым событиям столетней давности, не допуская искажений и предвзятости в их освещении.

Память о революции 1917 года и ее роли в судьбе Российского государства

должна помочь нам извлечь верные уроки из прошлого. История должна не разделять, а связывать нас, служить согласию и консолидации. Наш общий долг — защитить историческую правду, твердо противостоять попыткам переписать историю. В этом — залог дружбы, добрососедства и взаимного уважения.

Убеждена, что проведение конференции поможет решению этой важнейшей задачи, будет способствовать развитию международного гуманитарного сотрудничества.

Желаю участникам конференции и гостям форума плодотворного общения, успешной работы и всего самого доброго!

В.И. МАТВИЕНКО

Андрей Евгеньевич Петров, ответственный секретарь Российского исторического общества

Приветствие участникам конференции от Председателя Российского исторического общества Сергея Евгеньевича Нарышкина

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

у л. Воронцове поле, д.13, строение 1, Москва, 105062

К открытию международной научной конференции «Столетие Революции 1917 года в России»

Москва, 30 марта 2017 года

Приветствую организаторов и участников международной научной конференции, посвящённой изучению и осмыслению революционных событий 1917 года.

Сто лет назад великие потрясения изменили жизнь Российского государства и повлияли на дальнейшую судьбу всего мира. Память о них не перестаёт волновать людей в разных странах, и тем важнее серьёзное, деликатное и беспристрастное исследование тех проблем, которые так драматически проявились в 1917 году.

Когда Российское историческое общество по поручению Президента Российской Федерации формировало оргкомитет по подготовке и проведению мероприятий, посвящённых 100-летию, а также план самих мероприятий, эта задача, безусловно, была ключевой.

Современному динамичному миру необходимо знание о 1917-м, необходимы достоверные факты и теории, построенные на базе этих фактов. Ис-

торическая наука, политическая наука в содружестве с представителями других дисциплин обязаны внести этот вклад в развитие общества. В том числе для того, чтобы помочь предотвратить трагедии в наши дни и в будущем.

Эта общая цель сегодня объединила в стенах Московского университета представителей разных государств и разных научных школ. Предстоят разноплановые, интересные, и убеждённые, плодотворные дискуссии.

Столетняя годовщина может и должна подтвердить: если революция разобщала, то память о революции способна объединять и примирять. Надеюсь, что нынешняя конференция будет содействовать как дальнейшим научным исследованиям, так и укреплению гражданского согласия, ценностей взаимопонимания и взаимного уважения.

Желаю участникам конференции успешной работы, а её организаторам всего самого доброго.

С.Е. НАРЫШКИН

A handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end, positioned to the right of the printed name.

**Приветствие участникам конферен-
ции от министра образования и
науки Российской Федерации
Ольги Юрьевны Васильевой**

**Участникам и гостям Международной научной конференции
«Столетие Революции 1917 года в России»**

От имени Министерства образования и науки Российской Федерации приветствую гостей, участников и организаторов Международной научной конференции «Столетие Революции 1917 года в России».

Революция 1917 даже спустя столетие является предметом активного обсуждения как среди ученых, так и в кругу широкой общественности.

События 1917 года в России стали переломным моментом для нашей страны и всего мира. Научный дискурс вокруг данной проблематики продолжается и это находит отражение в содержании преподавания истории в литературе, публицистике, в театре, на киноэкране, музейных экспозициях.

Научное изучение нашего прошлого в целом и трагических событий 1917г. в частности, должно способствовать извлечению исторических уроков, консолидации современного российского общества, укреплению его государственности и передаче в ходе образовательной практики подрастающему поколению нашей страны исторической памяти, которая обеспечит поиск путей примирения и согласия в обществе.

Уверена, что Международная научная конференция «Столетие Революции 1917 года в России» предоставит участникам возможность для обсуждения широкого круга вопросов, а также запомнится содержательными и полезными дискуссиями.

Высоко оценивая значимость проводимого мероприятия, желаю участникам конференции плодотворной творческой работы и интересного общения!

Министр О.Ю. Васильева

Анатолий Васильевич Торкунов, ректор МГИМО, академик РАН

Приветствие участникам конференции

Уважаемый Виктор Антонович! Уважаемые гости!

Разрешите от лица Организационного комитета прежде всего сердечно поприветствовать собравшихся по случаю начала работы столь представительной конференции и пожелать докладчикам и участникам предстоящей дискуссии плодотворных полемических обсуждений, открытого, я бы даже сказал, открытого диалога, стремления к объективности взгляда на непростые события вековой давности. Думается, что основой такого диалога может быть только вооруженный действительными фактами беспристрастный и разносторонний, но вместе с тем ответственный и в известном смысле деликатный подход к анализу нашего общего прошлого.

Несколько слов о возглавляемом мной Оргкомитете.

Организационный комитет - общественная структура, образованная под эгидой Российского исторического общества по рекомендации Президента России. Оргкомитет объединил авторитетных и молодых историков, деятелей культуры и просвещения, руководителей музеев, архивов, библиотек, средств массовой информации, представителей церкви и русской эмиграции. Всего 63 человека. Первое заседание Оргкомитета состоялось 23 января этого года.

При формировании Оргкомитета нами сознательно был избран именно такой - общественно-научный критерий определения его состава, поскольку смысл и предназначение планируемых мероприятий, а в конечном счете - наша с Вами, как историков, общая цель - объединение академического сообщества на принципах глубокого, деполитизированного осмысления революционных событий, ключом к которому может быть только очищенное от идеологических наслоений достоверное историческое знание.

Тема Революции, особенностей ее преподавания в школе уже прошла широкое обсуждение на различных площадках в рамках разработки концепции преподавания отечественной истории в средних школах. Я, как председатель Оргкомитета, как раз вижу его задачу в том, чтобы оказать посильное концептуально-методологическое содействие всем творческим союзам, университетам, исследовательским институтам, но прежде всего школам и общественным организациями при освещении тех событий.

Для России революционные события вековой давности - существенная и неотъемлемая часть национальной истории, на десятилетия определившая экономическое, научное и культурное развитие нашего государства.

Революция стала результатом чрезвычайного стечения обстоятельств, но вместе с тем имела в основе глубокие внутренние причины, отражала чаяния основной массы населения страны.

Более того, революционный процесс своими корнями уходил в цивилизационную специфику России с ее общинной основой, с ее стремлением стать вровень с Европой и в то же время с ее постоянной опаской чрезмерной вестернизации.

Много десятилетий в общественном и научном сознании имело место разделение событий 1917-1921 годов на Февральскую, буржуазно-демократическую революцию, период двоевластия, Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. В головах людей не только моего поколения, но и молодежи, особенно нынешнего студенчества, до сих пор прочно сидит тезис, а точнее политическая догма 1930-х годов о двух принципиально разных революциях - «ущербной» буржуазной в феврале и «настоящей» социалистической в октябре 1917 года.

Новая концепция этого процесса как Великой российской революции акцентирует внимание на том, что события февраля и октября 1917 года, падение монархии и установление республики, выборы в Учредительное собрание, Корниловский мятеж, установление советской власти и кровопролитную Гражданскую войну - все это были этапы единого революционного процесса, в силу разных причин достигшего крайней радикализации.

Предложенная трактовка, нацеленная на примирение сторонников и противников «красной смуты» и извлечение из событий 100-летней давности важных уроков, в настоящее время закреплена в Историко-культурном стандарте для общеобразовательных организаций и написанных на его основе современных школьных учебниках. Последнее крайне важно в контексте общего курса на восстановление единства и преемственности отечественной истории.

На мой взгляд, концепция единой революции 1917 г. вместо идеи «двух противоположных революций», вносящей разлад в общественно-политическую дискуссию, помимо прочего, способна иметь и известный «оздоравливающий» эффект, способствует примирению людей разных политических взглядов - от нынешних «либералов» (их исторические предшественники в лице партии кадетов оказались во главе революционных событий февраля 1917 г.) до коммунистов, считающих себя последователями большевиков, взявших власть в октябре 1917 году.

Революция, как известно, имела и колоссальный международный резонанс. Выдвинутые под влиянием ее идей принципы социально-политического и социально-экономического переустройства - так или иначе - затронули, пожалуй, каждый народ, каждое государство Запада и Востока.

Неоспоримая роль нашей страны в тот исторический период состояла в последовательной поддержке процессов деколонизации, закреплении в практике международных отношениях принципов суверенного равенства государств, их права на самостоятельное определение своего будущего. Трактовка Революции в качестве исторического события исключительной важности, имевшего всемирные последствия и являющегося частью общего исторического пути всего человечества - разумная основа для деполитизированных оценок 1917 года.

В духе продвижения и популяризации этих подходов Оргкомитетом сведен план памятных мероприятий. Он включает в себя реализацию образовательных и издательских проектов, проведение научных конференций, выставок в регионах России и за рубежом, производство кинофильмов и телепередач, мемориальные мероприятия.

Всего в Сводный план буквально на сегодняшний день с учетом проектов, предложенных региональными отделениями РИО, вошло 107 мероприятий. Хотел бы подчеркнуть, что этот план родился в инициативном режиме и продолжает расширяться. Хотел бы очень обзорно, назывными предложениями привлечь Ваше внимание к некоторым ключевым событиям, отраженным в плане.

В плане выделено несколько блоков. В первом блок - «Экспозиционные и выставочные мероприятия» отмечу открывшуюся буквально на днях - 21 марта - в Музее современной истории России чрезвычайно интересную выставку под названием «1917. Код революции».

Среди издательских проектов выделю готовящуюся к публикации по инициативе Архива социально-политической истории энциклопедию «Россия в 1917 году».

Одним из ключевых событий, посвященных изучению уроков революции станет Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук, которая впервые пройдет в Москве 29-30 сентября 2017 год с участием 150 представителей национальных объединений историков из самых разных стран мира. В рамках ассамблеи состоится открытие подготовленной Росархивом выставки «Ленин», а накануне Ассамблеи в МГИМО и РАН состоится международная научная конференция «Революция 1917 года и ее место в истории XX века».

Российское военно-историческое общество ведет работу по созданию памятника «Примирение», открытие которого запланировано на 4 ноября 2017 г. в Республике Крым у основания Керченского моста.

Очень интересный проект - буквально в эти дни - реализуется студентами и преподавателями МГИМО совместно с телеканалом «Культура». Речь идет о художественном чтении отрывков из опубликованных в феврале этого года от-

дельным томом «Размышлений над февральской революцией», в которые вошли четыре обобщающие главы каждой из частей «Красного колеса» Александра Исаевича Солженицына, который он не включил при издании в основной корпус текстов.

Наконец, в рамках ежегодного Санкт-Петербургского международного культурного форума 16-17 ноября 2017 г. будет организована серия тематических мероприятий с участием российских и зарубежных творческих деятелей, посвященная оценке феномена революции в отечественной и мировой культуре.

В заключение хотел бы еще раз выразить уверенность, что честный и непредвзятый анализ причин, событий и последствий революционного 1917-го года в рамках работы оргкомитета и при действенной поддержке профессиональной корпорации историков, в том числе на этой конференции, поможет нам избежать использования этой годовщины в конъюнктурных политических целях, будет способствовать преодолению противоречий в российском обществе, его консолидации на основе ценностей национального единства и гражданской солидарности.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Лев Сергеевич Белоусов, д.и.н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ (1917-1918)

Есть общее и особенное в отношении к русской революции правящих кругов ведущих капиталистических стран, воевавших друг с другом.

Первая общая черта, о которой стоит упомянуть – русская революция не стала большой неожиданностью для политического истеблишмента ведущих стран Запада. За назреванием политического кризиса в России внимательно наблюдали, строя догадки и предположения относительно того, как грядущие события могут сказаться на продолжении войны, что будет с армией, политическим и военным руководством России, останется ли она верна союзническим обязательствам, сможет ли их выполнять? Эти вопросы занимали умы политической элиты стран Запада, особенно остро волнуя истеблишмент после убийства Распутина в декабре 1916г.

Тем не менее, никто не предполагал, что революция произойдет так быстро. Судя по донесениям дипломатов, работавших в России, революция грянула внезапно и случайно. Неудивительно, что почти никто из высших представителей стран Запада, за исключением, пожалуй, президента США Вудро Вильсона, весной 1917г. не увидел в РР выражение неких общих тенденций новой эпохи. Они не насторожились, ибо считали, что Россия в силу своей культурной и политической отсталости не имела шансов на практическую реализацию марксистских идей, но имела шанс на формирование либеральной демократии. Поэтому они оценивали русскую революцию преимущественно как результат военных поражений и слабости царского режима, которые привели к «бунту рабской души», но не пытались объяснить феномен революции спецификой социально-экономических и институциональных проблем царской России.

Еще одна общая для всех западных стран черта – попытка осмыслить происходящее сквозь призму собственных, национальных в толковании элиты той эпохи, интересов и попытка воздействовать на процесс трансформации в России в выгодном для себя русле. Национальный прагматизм был основой политических оценок и позиции истеблишмента стран Запада. С учетом того, что ведущие европейские страны, а затем и США воевали по разные стороны баррикад, революционная Россия оказалась местом столкновения глобальных интересов держав. Все они пережили эволюцию от восторгов и поддержки новой революционной власти до борьбы против правительства большевиков. Поначалу им и в голову не приходило, что процесс, начавшийся в феврале в России, может каким-то образом подорвать их собственные позиции в своих странах. А после большевистского переворота практически никто из них не верил, что большевики долго продержатся. ВСЕ дипломаты западных стран, работавшие в России, писали о том, что режим большевиков скоро рухнет, ибо они не имеют ни опыта управления, ни опоры в массах. Когда эта иллюзия развеялась, общим знаменателем стало опасение того, что Ленин называл «искрой, которая может перекинуться на их крыши». Наконец, еще одна общая черта, как бы парадоксально это не звучало, – радость по поводу начала революции в феврале, но причины этой радости и надежды правящих кругов разных стран были различны.

Германия

Шумно восторгались произошедшем в России. И генералитет, и политический истеблишмент. Почему? Забрехала перспектива победы, ибо было ясно, что при любом развитии событий революционная, т.е. плохо управляемая Россия, во-первых, станет слабее, во-вторых, спровоцирует противоречия в стане Антанты. «Русская революция – это позитивное для нас событие, - пишет 24 марта 1917г. будущий министр юстиции Германии Иоганн Виктор Брендт, - ибо она приведет к пассивному сопротивлению крестьянства новой власти, остановится подвоз продовольствия в индустриальные центры, что приведет Россию к полному коллапсу». Канцлер Бетман-Гольвег в кругу приближенных обсуждает перспективу выгодного для Германии «ограниченного перемирия» с Россией, а будущий министр иностранных дел Вальтер Ратенау рассуждает на тему сепаратного мира России с Австро-Венгрией и Турцией, что позволило бы Германии, оставаясь в состоянии войны получать из России необходимое сырье.

Эти предложения кажутся тем более поразительными, что вину за происшедшее тот же Ратенау в письме Людендорфу возлагает на англичан, которые

помогали, в том числе финансово, Гучкову и Керенскому свергнуть царя, якобы склонявшегося к сепаратному миру с Германией. «Английское происхождение этого спектакля, - пишет он, - не вызывает сомнений,.. Однако нам это на руку, ибо ослабление России дойдет до стадии ее распада», и таким образом повышает наши шансы на победу. Весной 1917 г. о необходимости добиться выхода России из войны писали все крупнейшие немецкие газеты. Были даже предприняты попытки тайных переговоров с эмиссарами Временного правительства, с которыми встречался в Стокгольме один из лидеров либералов Эрцбергер, предложивший условия сепаратного перемирия.

Но были и иные голоса. Экспансионисты строили планы нового грандиозного наступления на Востоке. Умеренные предлагали дождаться окончательного распада Российской империи и ее армии. Военное руководство занимало промежуточную позицию, выжидая удобного момента для нанесения удара. По словам Гинденбурга, «наш план с самого начала заключался в том, чтобы не мешать естественному ходу событий, но быть начеку, чтобы он не помешал нам, точнее, не смешал нас самих с грязью», т.е. с революцией.

И если первоначальный расчет немцев на раскол Антанты не оправдался, то следующий сюжетный поворот российской драмы в октябре оказался для них настоящим подарком судьбы. В Берлине поначалу даже не поверили в подлинность Декрета о мире! Людендорф и Гинденбург демонизировали русскую революцию, но прямо заявляли о том, что переворот в Петербурге облегчил положение на фронтах и может дать возможность Германии с победой выйти из войны.

Приход большевиков к власти рассматривался правящими кругами Германии не как очередной этап русской революции, а как ее бесславное завершение, ибо большевики – это сила, враждебная стране, и потому обреченная на быстрое поражение. Однако на начальном этапе Германия стремилась поддержать правительство большевиков, побыстрее заключить с ними договор, но не настолько жесткий, чтобы их преемники от него не отказались. В декабре, когда начались переговоры о заключении сепаратного мира, граф Мирбах в своих донесениях писал о том, что Ленин и Троцкий не смогут дать населению хлеба, что главным козырем большевиков остается обещание немедленного мира, и что этим обязательно надо воспользоваться. Тем более, что даже если их в ближайшее время в России сменит другая власть, вернуться к состоянию реальной войны с Германией она не сможет, ибо в России нет армии.

Заключение мира вызвало очередной приступ эйфории в политическом и военном истеблишменте Германии. Еще бы! Восточный фронт закрыт, Россия должна платить, Украина обязалась поставлять зерно. При этом германская военщина оправдывала его грабительские условия именно тем, что мир заключался не с Россией, а с большевиками, которые и сами ни в грош не ставили интересы страны, а грезили мировой революцией.

Тем не менее, единства в правящем классе в отношении России не было и после заключения мира. «Ястребы» во главе с Людендорфом и Гинденбургом предлагали двинуться на Москву, свергнуть большевиков и посадить там марионетку типа украинского гетмана Скоропадского, который не только сохранил бы мир, но и объявил бы войну Антанте. Дипкорпус больше склонялся к тому, чтобы «сохранять политику *divide et impera*», поддерживая и большевиков, и их противников, в том числе финансово: к началу лета 1918г. на поддержку большевистского правительства и его политических оппонентов было выделено 40 млн. марок. Иными словами, либо ждать возвращения старого порядка без открытого вмешательства извне, либо вернуть его военным путем – в этом была суть конфликта дипломатов с военными.

Дипломаты одержали победу. Даже после убийства посла Мирбаха удалось сохранить мир. Смысл политики Германии в конечном счете сводился не только к тому, чтобы удержать захваченные территории, но избежать войны на два фронта. И сделать это было несложно, ибо большевики, говоря словами нового посла в Москве Гельфериха, «хватаются за нас с отчаянием утопающего» и понимают, что будут свергнуты без поддержки Германии. Такой подход давал Германии возможность оказывать влияние на развитие событий в России.

Франция

Тоже радовались, но по другим причинам. Во-первых, во Франции раздался глубокий вздох облегчения по поводу изменения образа союзника. До сих пор французам с их революционным прошлым и республиканским настоящим приходилось мириться с царским режимом, с самодержавием, и они не скрывали своих моральных мук, вызванных тем, что свободолюбивая Франция стала союзником автократии. А февральские события, по мысли французского истеблишмента, открывали для России путь к свободе и демократии. И премьер-министр Бриан отправляет приветственное послание Временному правительству.

Во-вторых, восприятие революции шло сквозь призму революционного опыта Великой французской революции, одерживавшей блестящие военные победы. Это рождало надежду на то, что русская революция высвободит «живые силы народа», который вдохновится свободой и одержит победы на поле брани. Даже не питавший особых симпатий к России Жорж Клемансо был поначалу воодушевлен появлением на Востоке «вооруженной нации», которая, как ему казалось, вдохновляется идеями свободы и разрушает образ русских как нации рабов, «преданной культу водки».

В-третьих, потому что, как полагали французские правящие круги, революция предотвратила возможный сепаратный мир с Германией, к которому слабого царя склоняла влиятельная часть его близкого окружения. По словам премьер-министра Рибо, «мы опасались, что они (царские министры) окажут на слабого царя давление, которое в определенный момент станет опасным для Франции».

В этой связи, главным вопросом для правящей элиты во Франции стал вопрос о верности России союзническим обязательствам и возможности продолжать войну. И если поначалу крушение монархии не внушало французам особых опасений в отношении боеспособности русской армии и ее активности на фронтах, то уже полтора месяца спустя премьер-министр Рибо высказывает в этом сильные сомнения: «Революция, которая произошла в России без всякого сопротивления (со стороны режима), едва ли будет способствовать энергичному продолжению войны», - пишет он. А тонкий и наблюдательный дипломат, посол Франции в России Морис Палеолог, крайне осторожно оценивал перспективы русской демократии вообще и предупреждал свое правительство о том, что «славные дни» марта – это лишь прелюдия к тем глубоким потрясениям, которые непременно произойдут в России, когда революция потребует решения коренных проблем русской жизни. И в интересах Франции, как утверждал Палеолог, чтобы это произошло как можно позже.

Прозорливость посла подтверждалась довольно быстрым погружением России в анархию и утратой боеспособности русской армии. Ощущение нарастающего хаоса вызывало во французских правящих кругах серьезные опасения за будущее русского фронта задолго до провального наступления в июле. Еще в апреле президент Пуанкаре жестко критиковал Временное правительство, в декларации которого от 9 апреля по настоянию Советов содержался пункт о необходимости заключения мира без аннексий и контрибуций. Этот манифест очень опасен, писал Пуанкаре, «ибо в Германии и Австрии его могут воспринять как признак готовности к немедленному заключению мира... для нас бе-

лый мир был бы равнозначен поражению и заложил бы основы новых войн в будущем».

Ощущение нарастающего хаоса разрушало и едва сложившийся во Франции дискурс русской революции. С лета 1917г. во французских правящих кругах быстрым темпом нарастает разочарование в ее демократическом потенциале. Клемансо склоняется к необходимости введения революционной диктатуры во главе с Керенским при опоре на Корнилова. Однако уже в сентябре после провала корниловского выступления Клемансо, а вместе с ним и большая часть правящего класса, окончательно утрачивают надежду на Россию как страну, идущую к свободе и демократии, и как военного союзника на востоке. С этого времени их интерес к событиям в России резко идет на убыль. Это происходит как вследствие растущего непонимания механизма происходящих в России событий, которые никак не вписывались в канву принятого во Франции дискурса о революции, так и вследствие непростого положения на фронтах.

В этой связи октябрьский переворот получил во французском правящем классе значительно меньший отклик, нежели свержение монархии в феврале. «Плохие новости из России, - написал Пуанкаре, - побеждают максималисты». По словам Клемансо, революция дезориентировала умы, «сформировавшиеся в восточной системе ценностей, внезапным переходом из состояния полного рабства к неистовым проявлениям ничем не ограниченной свободы». Иными словами, захват власти большевиками был воспринят как очередное проявление нарастающей анархии и породил реальные опасения военного краха России. Таким образом, французский правящий класс оказался слишком близорук, чтобы разглядеть в октябрьских событиях проявление тенденций новой эпохи.

Великобритания

То же самое можно утверждать и применительно к Великобритании. Более того, отношение правящих кругов Туманного Альбиона к русской революции во многом было сходным, если не сказать больше – идентичным, с позицией французского истеблишмента. Так, премьер-министр Ллойд-Джордж заявил в парламенте, что события в России знаменуют собой торжество тех принципов, во имя которых Великобритания вступила в войну. А посол Великобритании в России сэр Джордж Бьюкенен на встрече с князем Львовым высказался в том смысле, что русский народ, наконец, воздвиг «прекрасный памятник свободе». Разумеется, дифирамбы сопровождались жестким требованием продолжения войны до победного конца. Это было главной заботой британской элиты.

Как и во Франции, февральские события в России не стали неожиданностью для правящих кругов Великобритании, ибо сэр Бьюкенен был прекрасно осведомлен о реальном положении дел в стране, активно обсуждал ситуацию с окружением царя и с думскими лидерами, четко информировал свое правительство. Ллойд-Джордж имел все основания записать в дневнике еще до начала революции, что «жестокая рука войны быстро обнаружила банкротство царского самодержавия». При этом ставка делалась исключительно на Керенского, который, по словам того же Бьюкенена, «был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне».

Эту уверенность не поколебало даже нарастание хаоса и провал июльского наступления русской армии, хотя генералитет рекомендовал Военному кабинету сделать ставку на Корнилова, поскольку только успех его миссии, т.е. установление диктатуры, мог бы принести пользу союзникам, предотвратив полный развал русской армии. Этот вопрос обсуждался на заседании кабинета министров, однако было принято иное решение - воздействовать на ситуацию в России только через законную власть, т.е. через Керенского, которому было предложено договориться с мятежным генералом.

После провала мятежа события в России по-прежнему оставались в фокусе внимания британских правящих кругов, от которых не укрылась подготовка к большевистскому перевороту. Во всяком случае, сэр Бьюкенен своевременно информировал об этом Даунинг стрит, который в своей оценке происшедшего был не оригинален: большевики – это анархисты и экстремисты, для которых не было «ни родины, ни патриотизма, и Россия была лишь пешкой в той игре, которую играл Ленин». Это мнение Бьюкенена разделял и Ллойд-Джордж, который, однако, считал Ленина «единственной действительно сильной личностью, вознесенной русской революцией».

Тем не менее, позиция британского кабинета по отношению к большевикам, захватившим власть в Петрограде, поначалу была выжидательно-сдержанной, несмотря на то, что в ноябре было сделано официальное заявление министра иностранных дел Великобритании о невозможности признания большевистского правительства. Чуть позже министр иностранных дел лорд Бальфур в специальном Меморандуме от 9 декабря утверждал, что нам (Великобритании) «выгодно избегать как можно дольше открытого разрыва с этими мечтателями», поскольку только так можно воспрепятствовать движению России «в объятия немцев». Бьюкенен был еще более откровенен, заявляя, что вопрос жизни и смерти для Великобритании состоит в том, чтобы «отпарировать этот последний ход немцев», т.е. октябрьский переворот, который не мог осуще-

ствиться без их помощи. В противном случае, по мнению посла, русско-немецкий союз после войны будет представлять реальную угрозу британским интересам.

В этом контексте следует рассматривать и попытку установления «неформальных» контактов и линии связи между правительствами, когда небезызвестный Джон Локкарт был отправлен с этой миссией в Петроград, а Литвинов – в Лондон, а также резкую реакцию Великобритании на начало переговоров в Брест-Литовске, которые были расценены как откровенное предательство. С этого времени стал вырисовываться курс британского кабинета на вооруженную интервенцию в Россию, который обосновывался, прежде всего, военной необходимостью. Точнее, по словам Ллойд-Джорджа, стремлением «помешать Германии в захвате ею продовольствия и сырья из богатых нефтью и сырьем провинций России», а после окончания войны - необходимостью борьбы с антидемократической тиранией большевиков, но это уже мнение Уинстона Черчилля.

США

Отличительной особенностью отношения к событиям в России правящих кругов США является попытка их осмысления с точки зрения формирующейся претензии на глобальное лидерство Америки. Но Россия не находилась в центре военно-политических и внешнеполитических приоритетов США, и ей уделялось гораздо меньше внимания по сравнению с европейскими странами и Азиатско-тихоокеанским регионом. Поэтому неудивительно, что февральские события оказались для американского истеблишмента скорей неожиданностью, нежели ожидаемым событием.

Революция спровоцировала бурный восторг на всех этажах власти в США, поскольку в них увидели начало поворота тяжелого корабля российской государственности от авторитарного управления к либеральной демократии западного типа. Американцы усмотрели в этом начало процесса, в котором считали себя уверенными лидерами. Отсюда – представление о необходимости поддержать этот поворот, поскольку сама Россия, не имеющая опыта демократического управления, явно нуждается в демократическом патернализме. Иными словами, по мнению представителей правящих кругов, следовало активно воздействовать на процесс трансформации в России с целью канализировать его в нужном, т.е. в либерально-демократическом направлении. При этом все более-менее значимые фигуры в американском истеблишменте были абсолютно уверены в том, что ценности либеральной демократии носят универсальный харак-

тер, и потому должны продвигаться по всему миру, в том числе в России. Президент Вильсон вообще в тот период считал, что русская революция не может быть «плохой», т.к. «ее возглавил профессор».

В этом контексте следует рассматривать и быстрое официальное признание Временного правительства 22 марта, и предоставленные ему вскоре займы, а также отчасти и вступление США в войну 6 апреля 1917г. Однако наиболее информированные и дальновидные деятели, особенно дипломаты, работавшие в России, (посол Френсис, консул в Москве Саммерс) предупреждали от излишней эйфории. Их прогнозы, сформулированные в докладах в госдепартамент, были весьма настораживающими: Россия движется к хаосу, неизбежна гражданская война, Временное правительство долго не удержится, будет создана сильная военная диктатура, а «конечным результатом потрясений станет прогрессивная конституционная монархия». И главная причина такого исхода драмы, по мнению американских дипломатов, состоит в том, что многомиллионные массы россиян еще не готовы к жизни в демократическом обществе.

При этом контуры нового демократического мироустройства уже были обозначены в так называемых «вильсоновских» принципах справедливого послевоенного мира, который предполагал отмену тайной дипломатии, мир без аннексий и контрибуций, равноправие и самоопределение народов и т.д. Молодое российское государство рассматривалось как потенциальный союзник Америки в установлении этих принципов. «Это достойный партнер в Лиге чести», - заявил Вильсон в конгрессе 2 апреля 1917г.

Однако Временное правительство не демонстрировало особого стремления к демократизации военных целей союзников. Милюков неоднократно заявлял о «полном соблюдении обязательств» в отношении союзников. Поэтому уже с лета 1917г. американцы начали проявлять беспокойство по поводу внешнеполитического курса России.

Сообщение посла Френсиса о том, что «Ленин захватил власть» не повергло в шок американские правящие круги. Вильсон лишь подверг критике российских «радикалов», назвав их «глупыми мечтателями». Однако эти «мечтатели» грозили перехватить у Вильсона инициативу в установлении нового мирового порядка, поскольку их идеи, отраженные в Декрете о мире, почти дословно совпадали с принципами «вильсонизма». Более того, многие современники считали, что большевизм и вильсонизм смогут найти общий язык.

Сам Вильсон давал для таких заключений немало поводов, выражая публично солидарность с новой властью. Так, он говорил об «искренности» большевиков в Брест-Литовске, заявлял о праве России «принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики», обещал «радушный прием в сообщество наций при том образе правления, который она сама для себя изберет». В чем он категорически разошелся с большевиками, это вопрос об отношении к Германии, с которой Вильсон считал необходимым воевать до победного конца. Таким образом, на начальном этапе расхождения касались не столько стратегии в обустройстве мира, сколько тактики в ее осуществлении.

Отрезвление наступило довольно быстро: разгон Учредительного собрания, начало «красного террора», усиление курса на мировую революцию – все это выявило глубокое различие в видении мира большевиками и американским истеблишментом, который начал четко разводить понятия «Россия» и «большевистское правительство». Но даже в этих условиях Вильсон свою главную задачу видел не в свержении большевиков, а в обучении русского народа либеральной демократии. Именно так формулировались указания американскому внешнеполитическому ведомству. Много позже, размышляя над уроками русской революции, Вильсон назвал ее «выдающимся событием нашего века», «продуктом социальной системы» и результатом несовершенства капитализма. Таким образом, в понимании ее природы он пошел значительно дальше своих европейских союзников, что, впрочем, никоим образом не помешало американскому истеблишменту пережить страх перед искрами российского пожара. Уже в июне 1917г. в США был принят закон о шпионаже, через год – закон «О подстрекательстве к мятежу», на основе которого расследовались все виды «антиамериканской деятельности», подвергались аресту и высылке из США подрывные элементы, заподозренные в популяризации большевизма. Но это уже совсем другая страница истории.

Проф. Юрген Царуски

Научный сотрудник Института современной истории Мюнхен-Берлин, главный редактор журнала „Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte“ («Ежеквартальник современной истории»).

Российская революция в современной историографии и общественном мнении Германии

Несомненно Российская революция является одним из тех событий XX века, которые тесно связывают немецкую историю с российской и наоборот. Первая мировая война, в которой Германия и Россия воевались друг против друга, была решающей предпосылкой этой революции, а организованный германским Полевым генеральным штабом «импорт» революционеров, в том числе Ленина, оказало решительное влияние на её развитие. Брестский мир, советские попытки влиять на курс Ноябрьской революции в Германии, раскол социалистического движения, разрыв дипломатических отношений в 1918 г. и их восстановление в рамках Рапалльского договора 1922 г. – это только некоторые значительные аспекты интенсивной интеракции России и Германии в течение пятилетнего революционного периода. Они свидетельствуют о том, что история Российской революции в отношении немецкой историей является в высокой мере «историей переплетений» (*histoire croisée*).

Однако, несмотря на историческую значимость Российской революции для Германии, нельзя не признать, что сегодня в Германии эту проблематику изучается не очень активно. Нет например в немецкоязычном пространстве такого специализированного научного общества как американско-британский *Study Group on the Russian Revolution* и нет такого специализированного журнал как орган этой группы *Revolutionary Russia*, который выходит с 1988 года. Как не странно, именно тогда, когда во всей восточной Европе открылись архивы у нас закрылись немало кафедр этой ориентации. Поскольку число специалистов в Германии вообще не очень большое, не удивительно что среди монографий, посвященных Российской революции по крайней мере на книжном рынке первое место занимает фундаментальный труд британского историка Орландо Файджес «Трагедия одного народа» и что к числу новинок, которые выходят на немецком языке по поводу столетия революции принадлежит книга оксфордского профессора Стивена Смита.

Но несмотря на все ограничения, можно сказать, что в немецком историческом цехе никогда не перестали заниматься Российской революцией и что в последние два десятилетия вышли в свет и довольно значимые книги. В основном это обобщающие монографии о революции, труды по проблематике её восприятия в Германии, работы об оппозиции революции и эмиграции из России, а также по проблематике антисемитизма в контексте революционных событиях.

В рамках короткого обзора следует ограничиваться и называть только центральные мотивы самих важных этих сочинений.

Уже в 1989 г. вышла книга профессора Гёттингенского университета, Манфреда Хилдермайера, «Российская революция 1905–1921». Хронологические рамки указывают на то, что в интерпретации Хилдермайера революция является долгосрочным феноменом, а именно частью процесса модернизации, который начинался с реформами Александра II. Все элементы этого процесса, экономические, технические, социальные и политические, подчеркивает Хилдермайер, имели западные корни. Присвоение и развитие шли довольно успешно на технико-индустриальном плане, пока проекты – м. б. слишком амбициозные – создания парламентской или советской демократии не могли достигнуть устойчивые структуры.

В отличие от Хилдермайера, которого без сомнения можно считать представителем теории модернизации, Хельмут Альерихтер, профессор университета Эрланген-Нюрнберг, в книге «Россия в 1917 году: страна в поисках самой себя» вышедшая в 1997 году сознательно – как ислагается в первой главе – выбирает многоперспективного подхода. Автор признается в том, что впечатления которые он получил во время работы в советских библиотеках в конце 1989 года влияли на концепцию его книги. Выражается это не в последнюю очередь в её четвёртой части, в которой подробно описывается и анализируется стремлений к независимости на периферии Российской империи.

Коллективная монография профессора Базельского Университета Хайко Хауманна и его сотрудников, хотя и имеет общий лейтмотив, а именно концепция «жизненного мира», именно этим следует тенденции к «плюрализации» при анализе революции. В самое последнее время в центр внимания подвигался феномен роль насилия в революции. Особенно в многочисленных трудах профессора Гумбольдтского университета в Берлине, Йёрга Баберовского, вопрос взаимоотношения насилия и общественного и государственного порядка имеет важнейшее значение. При том его теория, что массовое насилие обусловлено отдаленностью от государственных структур вызвала не мало критики.

Противникам большевиков посвящена вышедшая в 1999 году книга нынешнего директора Германского исторического института Николауса Кацера, «Белое движение в России». Автор показывает, что белое движение вопреки стереотипа однородной, мрачной реакции имело разные, т.е. социалистические, либеральные, демократические и консервативные корни, хотя в ходе гражданской войны авторитарные тенденции взяли верх.

В виде тесных связей событий в России и Германии, восприятие русской революции в Германии бесспорно является важной темой. Её посвящен последний том так называемого Вуппертальского проекта, в котором непосредственно принимал участие его основатель, видный германист и невольный эмигрант Лев Копелев, который во время во время исследовательской поездки в западную Германию в 1980 году был лишён советского гражданства. В 1998 году вышел сборник «Германия и русская революция 1917-1924». Партнёр Копелева по этому проекту, Герд Кёнен, продолжил эту работу своей книгой «Комплекс России», посвященную в особенности дискурсам интеллектуалов о России. Сборник же изданный Копелевым и Кёненом в сокращённом виде был издан на русском языке в 2004 году Яковом Драбкином. Драбкин, незабываемый дуаин российских историков-германистов тоже принимал участие в проекте «Германия, Россия, Коминтерн», поддержан Совместной Комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Результатами являются сборник с обширными статьями из пер Драбкина, А. А. Галькина, Германа Вебера и Бернхарда Байерлейна и издание более 500 документов коминтерна, около 10 процентов из них из годов революций.

В последствии гражданской войны огромный поток беженцев хлынул в центральную и западную Европу. Первой волни советской эмиграции был посвящен проект Карла Шлёгеля, проведённый в первой половине 90-х годов. Сборники «Большой исход. Российская эмиграция и её центры 1917 – 1941 гг.» и «Российская эмиграция в Германии 1918 – 1941 гг.» были опубликованы в 1994 г. и 1995 г. относительно и дадут читателю широкую панораму политических организаций и культурных течений в изгнаний и также

В этом контексте также была написана диссертация Йоханнеса Баура «Русская колония в Мюнхене» (опубликована в 1998 году). В Мюнхене и вообще в Баварии расселились преимущественно эмигранты правой ориентации. Особый интерес представляют их отношения с ранним националсоциализмом. Правозэкстремистские балтийские немцы Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, 1923 погибший в ходе Гитлеровского пуча, и Альфред Розенберг, будущий Рейхсминистр восточных оккупированных территорий, фигурировали в роли связных между партией Гитлера и правыми рууским эмигрантам, в том числе и Великий князь Кирилл Владимирович, который устроился в Кобурге.

Особое значение в этой связи имеет стереотип «еврейского большевизма. В качестве «эксперта» этого «Феномена» и пропагандиста «с русским опытом» очень активно выступил Розенберг, опубликовавший целый ряд анитисемитских брошюр и книг, в том числе в 1922 году немецкое издание так называемых

«Протоколов сионских мудрецов». В своей книге «Майн Кампф» Гитлер изпольсовался подобными идеологемами, но уже связывал их с антиславянскими-рассистскими позициями.

Все равно антисемизм обогащался новым элементом с «российскими корнями». Этому феномену посвящена диссертация Улриха Хербера, «Образ врага "еврейского большевика". К истории российского антисемитизма до и во время революции». Этот тщательный анализ антисемитских дискурсов в России была опубликована 2009 г.

В целом, этот короткий, чуть импрессионистский обзор немецкой историографии после окончания холодной войны, показывает что в современной немецкой историографии российской революции и связанных с ней проблем преобладает тенденция трезвого, скептического отношения к предмету изучения. Миф Великой Октябрьской революции как звёздного часа истории человечества больше продолжает существовать только в узких кругах коммунистических сектантов. В отличие от этого близкое к Партии Левых Фонд Розы Люксембурга организует открытые дискуссии по этой тематике.

Миф о еврейском большевизме неожиданно снова получил актуальность в 2003, когда тогдашний депутат Бундестага от ХДС, Мартин Хоманн, в речи в маленьком городе Нойхоф коллективно обвинил нерелигиозные евреи в революционных преступлениях, в последствии чего он был исключен из партии. В спорах, вызванные его речью, Хоманн ссылался на книгу «“Еврейский большевизм“. Миф и реальность» Йоханнеса Рогалла фон Биберштайн, вышедшая спустя года. В рецензии же историка Леонида Люкса эта книга квалифицируется как «тенденциозный памфлет».

Пока еще рано для оценки «урожая» текущего года. Так например большая выставка «1917. Революция. Россия и Европа» в Германском историческом музее в Берлине открывается только 8 октября 2017 года. Может быть в связи с этим пока довольно спокойная дискуссия о столетии революции приобретает более оживленного характера. Несмотря на это наблюдается в сферах культуры, науки и образования общая тенденция растущего интереса для истории России и СССР. Во время сложных политических условий в Германии чувствуется потребность лучше понимать большого соседа.

Закатов Александр Николаевич, канд. ист. наук, доцент. Кафедра истории отечества, государства и права Гуманитарного факультета Московского государственного университета геодезии и картографии.

Осмысление причин и следствий Революции 1917 года

Российским императорским домом Романовых

Российский императорский дом Романовых до Революции 1917 г. не просто являлся первым и наиболее знатным и могущественным родом Российской империи, но имел статус государственного учреждения, из которого в определяемом законом порядке наследования происходили носители верховной власти. У него были все признаки государственного учреждения: выполнение управительных функций, наличие законодательной базы и внутреннего распорядка, штата вспомогательных учреждений, бюджета и делопроизводства.

После Революции 1917 г. дом Романовых лишился политической власти и подвергся у себя на Родине репрессиям и дискриминации, но сохранился в изгнании не просто как совокупность родственников, рассеянных по миру, а в статусе исторической институции, то есть корпорации (в данном случае – фамильной), обладающей несомненной преемственностью с момента возникновения на основе своих внутренних исторически сложившихся правовых установлений, идей и традиций¹. В этом качестве он признаётся другими царственными династиями (как царствующими, так и отрешенными от власти), Русской Православной Церковью и другими историческими институциями.

С 1991 г. начался процесс реинтеграции Российского императорского дома в общественную жизнь современной России. Избегая по принципиальным соображениям любых форм участия в политической борьбе, дом Романовых остаётся хранителем и символом исторической преемственности, вносит мощный вклад в возрождение традиций благотворительности и в укрепление религиозного, национального и общегражданского мира в России и ряде других государств, связанных с цивилизационным пространством бывшей Российской

¹ Аналогично Церковь, независимо от отношения к ней государства, сохраняется не только в сугубо религиозном понимании, но и как учреждение - историческая институция со своим каноническим правом, иерархией, таинствами, обычаями и обрядами. Подробнее: Закатов А.Н. Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы, 2016, № 1 (41). – С. 36-47. УДК 321.01 <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-suverenitet-istoricheskikh-institutsiy-istoki-i-sovremennost>

империи. В частности, императорская семья стремится способствовать объективному и разностороннему изучению общей всероссийской истории, всех её славных и трагических страниц. И, несомненно, в год 100-летия Революции представляет особый интерес отношение к ней династии, свергнутой в ходе именно тех событий вековой давности.

Принято считать, что идеология и общественная деятельность императорского дома и людей, поддерживающих его и разделяющих его убеждения, абсолютно противоположны всему, что связано с Революцией и порожденными ею последствиями. В советский период пропаганда приписывала уцелевшим Романовым крайние реставрационистские планы, вплоть до восстановления сословного общества, привилегий дворянства, помещичьего землевладения и даже крепостного права, а также стремление к реваншу и кровавой мести.

Эти обвинения были в высшей степени демагогическими. Конечно, в смуте 1917 г. и в том политическом режиме, который возник в её ходе, было много неприемлемого для императорского дома. Но, в то же время, отношение к Революции у династии гораздо более сложное, чем это кажется многим.

Чтобы глубже понять суть позиции императорского дома, необходим краткий экскурс в более давнюю историю.

Дом Романовых призван на царство Великим собором 1613 г. после своего рода «революции» - Смуты начала XVII в. С одной стороны, это была реставрация самодержавной монархии, принципа законной династической наследственности и многих прежних устоев государственной жизни России. Но с другой стороны, Смута произвела глубокие изменения в народном менталитете и разорвала ряд прежде существовавших связей. Национально-освободительная борьба усилила влияние служилых сословий, обновила и расширила административную опору монархии.

Примерно в тот же период в Европе начинается разрушение средневековых порядков и наступление Нового времени. Россия при первых Романовых еще в значительной степени отдалена от общеевропейских процессов, но отнюдь не изолирована полностью. Вопреки расхожему мнению, и до Петра I цари из дома Романовых не были чужды модернизаторским устремлениям, смелым (хотя и не всегда удачным) решениям в социальной и экономической политике, интереса к зарубежному опыту.

Петр Великий своей «революцией сверху», безусловно, затмил деда Михаила I, отца Алексея I и старшего брата Феодора III. Новый всплеск карди-

нальных преобразований происходит при Петре III и Екатерине II. И в последующие царствования при объективном рассмотрении, освобожденном от разного рода идеологических клише, трудно провести грань между «революционными» и «реакционными» начинаниями императоров. Социально-политическое экспериментирование, тяга к изучению и анализу учений и теорий, считавшихся передовыми, поведенческий демократизм были присущи большинству Романовых. Не случайно А.С. Пушкин в разговоре с великим князем Михаилом Павловичем позволил себе весьма вольную фразу: «*Vous êtes bien de votre famille, - сказал я ему, - tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs*» («Вы истинный член своей семьи. Все Романовы революционеры и уравниатели» (франц.)), а младший брат Николая I с юмором поблагодарил за это великого поэта: «Спасибо: ты меня жалуешь в якобинцы! Благодарю, *voilà une réputation que me manquait* («вот репутация, которой мне недоставало» (франц.))»².

«Революционность» Романовых была, естественно, иного рода, чем политические установки большинства революционеров, не видевших решения проблем без упразднения монархии, влияния Церкви и практически всех традиционных основ общественного бытия. Но несправедливо утверждать, будто государь и другие члены династии тупо противостояли всему новому и во всём были препятствием развитию страны. Идя эволюционным путем, они были способны и к довольно радикальным рывкам, и во многих случаях оказывались весьма эффективными модернизаторами.

Тем не менее, предотвратить разрушительную Революцию не удалось. Царствование Николая II оказалось самым противоречивым и драматическим и завершилось падением монархии.

Нельзя сказать, что власти пытались противопоставить революционному движению только «реакцию», т.е. встречное насилие. Но попытки перехватить инициативу у революционеров и возглавить стремление нации к обновлению не увенчались успехом.

В начале XX века все слои российского общества охватило ощущение неизбежности и желательности коренных перемен. В чем эти перемены должны заключаться, разные партии и группы понимали по-разному, но у большинства вышло некое общее чувство, что «так дальше жить нельзя». Насколько это было правильно – тема для нескончаемой дискуссии. Но как бы то ни было,

² Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 7. – 398 с., – С. 294; Дневник 1833-1835 гг. Запись за 22 декабря 1834 г.

даже императорский дом не остался в стороне от воцарившейся общественной атмосферы.

Не секрет, что значительная часть членов династии относилась к политике государя с разной степенью критицизма. Причем оппозиционные мнения высказывались не только какими-то членами императорского дома, имевшими поводы для обид, но и наиболее близкими и любящими родственниками императорской четы, например, матью Николая II вдовствующей императрицей Марией Феодоровной и родной сестрой императрицы Александры Феодоровны великой княгиней Елисаветой Феодоровной. Многие члены династии сходились в том, что существующий политический курс ошибочен и ведёт к Революции.

При этом, вопреки растиражированным слухам и сплетням, нет никаких достойных доверия доказательств наличия «заговоров», будто бы зревших в среде августейших родственников. Начальник Канцелярии Министерства двора и уделов, осведомленный и объективный мемуарист генерал-лейтенант А.А. Мосолов утверждал, что "заговор" великих князей существовал лишь в воображении света"³. Только великий князь Николай Николаевич не просто позволял себе эмоциональные критические замечания и салонные пересуды или направление императору записок с предложениями реформ, а реально участвовал в переговорах о возможном отстранении царствующего монарха от власти⁴. Но и он не решился примкнуть к заговорщикам, и его, в данном случае, можно упрекнуть лишь в недонесении о готовящемся государственном преступлении.

В ходе февральско-мартовских событий 1917 года, Революцию поддержали три члена династии.

Великий князь Николай Николаевич примкнул к организаторам переворота и в числе прочих командующих фронтами направил государю телеграмму с требованием отречения от престола, а потом присягнул не просто Временному правительству, как переходной власти, а какому-то «новому государственному строю»⁵ (хотя основы «нового государственного строя» еще только предстояло выработать намечавшемуся тогда Учредительному собранию). Однако его надежды играть одну из ведущих ролей при революционных властях не

³ Мосолов А. При дворе последнего российского императора, - М., 1993, - С. 35.

⁴ О чем довольно подробно писал апологет Николая Николаевича генерал Ю.Н. Данилов. См. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. - Париж, 1930. - С. 315. По ряду свидетельств, уже находясь в эмиграции, Николай Николаевич подтверждал факт этих предложений и выражал сожаление о своем отказе (см. Аврех А. Царизм накануне свержения. - М.: Наука, 1989. - С. 55)

⁵ Биржевые ведомости, 1917, 14 марта, № 16134

оправдались. Временное правительство не допустило его возвращение на пост Верховного главнокомандующего.

С радостью приветствовали Революцию великие князья Николай Константинович (сосланный в Ташкент за неблаговидное эпатажное поведение еще при Александре II) и Николай Михайлович (прозванный «красным великим князем» и «русским Филиппом Эгалите»). Оба они вскоре погибли⁶.

Так по иронии судьбы три Николая Романова поддержали низложение императора, который носил то же имя.

Несколько великих князей предпринимали попытки противодействовать начавшимся беспорядкам или хотя бы смягчить катастрофичность их последствий. Последний из здравствовавших на тот момент сыновей Александра II великий князь Павел Александрович и великий князь Кирилл Владимирович при участии великого князя Михаила Александровича прилагали усилия, чтобы «всячески, всеми способами сохранить Ники на престоле»⁷. Когда стало ясно, что силовое подавление мятежа невозможно, они решили пойти по пути частичных компромиссов и сотрудничества с умеренной, на их взгляд, думской оппозицией, в противовес радикальным революционерам. Для этого ими, при участии адвоката Н.И. Иванова, был подготовлен на подпись императору проект манифеста о предоставлении Государственной думе права «составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны», с последующим созывом «Законодательного собрания» для рассмотрения проекта новых Основных Законов⁸. Кирилл Владимирович, еще сохранявший контроль над Гвардейским экипажем, командиром которого он был, 1 марта привел его в Таврический дворец, предполагая, что «Временный комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями» действительно преследует цели, заявленные в его официальном названии. Все эти маневры потеряли смысл после подписания акта об отречении⁹.

Великий князь Борис Владимирович, бывший походным атаманом всех казачьих войск, импульсивно попытался лично направиться на выручку Николаю II, но не смог пробиться. За этот порыв он оказался единственным из чле-

⁶ Николай Константинович умер или был казнен при до сих пор не выясненных обстоятельствах 27 января 1918 г., а Николай Михайлович - расстрелян по приговору ВЧК в Петропавловской крепости 30 января 1919 г.

⁷ ГА РФ, Ф. 601, Оп. 1, Д. 2098

⁸ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 2095, л. 1 об.; ф. 5881, оп. 2, д. 369, лл. 10 – 11; Манифест великих князей. Из архива Н.И. Иванова // Путь. – Берлин, 1926, 19 декабря

⁹ Подробнее см.: Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. - М.: Издательский центр «Новый век», 1998. - 192 с.

нов императорского дома, помимо собственно царской семьи, кто подвергся аресту еще по приказу Временного правительства. Правда, спустя несколько дней его освободили.

Прочие Романовы изначально восприняли Революцию как-то пассивно и, можно сказать, обреченно, хотя, наверное, ещё не представляли масштабов предстоящих им бедствий.

Представлял ли их император Николай II, в точности утверждать невозможно. Но совершенно бесспорно, что, оказавшись фактически лишенным свободы и испытывая моральное давление со стороны организаторов переворота, 2 марта он подписал акт об отречении от престола, даже не пытаясь каким-то образом добиться для себя и своей семьи каких бы то ни было гарантий. Единственным личным моментом стало небесспорное с правовой точки зрения отречение не только за себя, но и за своего сына¹⁰.

Великий князь Михаил Александрович, следующий в порядке престолонаследия, не «отрекся», как часто неверно пишут, а отложил принятие верховной власти и объявил, что согласен взойти на престол «если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые законы Государства Российского»¹¹.

Все члены династии выразили солидарность с актом великого князя Михаила Александровича, последовали его указанию подчиниться Временному правительству и подтвердили отказ от претензий на удельное имущество (имущество, принадлежавшее Российскому императорскому дому как институции).

Никто их членов дома Романовых не принял участие в Гражданской войне. Имеются сведения о попытках присоединиться к антибольшевицкой борьбе великого князя Андрея Владимировича, но ему в этом сразу было отказано. Лишь «ассоциированный член» императорского дома – последний князь Романовский герцог Лейхтенберг

ский Сергей Георгиевич недолго воевал в составе Вооруженных сил Юга России, но был изгнан генералом бароном П.Н. Врангелем, будто бы заподозрившим его в «заговоре».

¹⁰ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л.5; Подробнее об отречении см. Александров М.А. Отречение от прав на престол по законам Российской империи. <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/3606.html> (дата обращения: 11 апреля 2017 г.)

¹¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100а. Л. 7; Биржевые ведомости, 1917, 5 марта, № 16120

После казни большевиками в 1918 г. Николая II, цесаревича Алексея и великого князя Михаила, т.е. всего мужского потомства Александра III, права на возглавление дома Романовых и, соответственно, на престол в случае восстановления монархии в соответствии со статьями 27-29 Основных законов Российской империи перешли к потомству Александра II. Старшим представителем старшей династической линии на тот момент являлся великий князь Кирилл Владимирович. В 1922 г. он объявил себя "Блюстителем Государева Престола", т.е. регентом, а в 1924 г., окончательно убедившись в смерти всех, кто был старше его в порядке наследования, принял титул императора в изгнании. Так осуществилось конституирование Российского императорского дома как исторической институции в новых для него постреволюционных условиях¹².

После кончины Кирилла Владимировича в 1938 г. ему наследовал его единственный сын великий князь Владимир Кириллович, которому было суждено в ноябре 1991 г. начать возвращение дома Романовых на Родину. После его кончины в апреле 1992 г. династию в силу ст. 30 Основных законов Российской империи возглавила его дочь великая княгиня Мария Владимировна, так как последний, помимо самого Владимира Кирилловича, член императорского дома мужского пола князь императорской крови Василий Александрович скончался еще в 1989 г. Наследником Марии Владимировны является ее сын от брака с принцем Францем-Вильгельмом Прусским (в православии – Михаилом Павловичем) великий князь Георгий Михайлович¹³.

Заявив о восприятии прав и обязанностей своих предков и вступив на путь общественной деятельности по защите идеала монархии, Кирилл Владимирович не мог не выразить своей оценки Революции и не сформулировать позицию относительно её причин, хода и следствий.

Глава дома Романовых, в отличие от многих эмигрантов, отчётливо понимал, что Революцию следует рассматривать не только как событие, но и как явление, и как процесс.

В Революции - событии, произошедшем в пространстве и времени, было много случайного и спонтанного. Но Революция – явление (т.е. событие в своей

¹² Подробнее см.: Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании – Исторический вестник. – Т. 3 (150), Романовы: династия и эпоха. – М., 2013, апрель. – 368 с. – С. 208-253; - Т. 6 (153), История - свидетельница времен. – М., 2013, декабрь. – 312 с. – С. 146-237

¹³ Подробнее см.: Закатов А.Н. Биографии императора Николая Александровича, императора в изгнании Кирилла Владимировича, главы дома Романовых великого князя Владимира Кирилловича и великой княгини Марии Владимировны и наследника цесаревича и великого князя Георгия Михайловича и статья «Дом Романовых. История продолжается» в книге: Дом Романовых. 400 лет. – М.: РООССА, 2014. – 1224 с. – С. 867-1198.

сущности) развивалась, в целом, по типичному сценарию подавляющего большинства революций. А Революция – процесс (т.е. последовательная смена состояний в едином непрерывном движении) уходит корнями в предшествующие эпохи, прошло стадии зарождения и трансформаций, достигла кульминации в двух переворотах 1917 г. и Гражданской войне и продолжилась в форме коммунистического режима.

Из такого анализа проистекает признание домом Романовых закономерности Революции. Кирилл Владимирович и его наследники проявляют понимание, что 1917 г. и его последствия – это не нелепая случайность, которой можно было избежать, а исторический этап, ставший неизбежным из-за накопившихся в прежние периоды причин.

Нисколько не отрицая наличие в Российской империи глубоких проблем политического, социального и экономического характера, дом Романовых считает, что главной причиной Революции были не они, а глубокий кризис народного сознания, наступившее разочарование во всей системе традиционных ценностей.

Поэтому для династии Революция в ее катастрофической, разрушительной ипостаси ассоциируется, прежде всего, не с преступлением, а с болезнью. Соответственно, поиск путей преодоления Революции мыслится не в виде пресечения и наказания виновных, а как комплекс мер по духовному и ментальному исцелению.

Императорский дом признает собственную ответственность за Революцию. Кирилл Владимирович в 1923 г. писал: «Не утаим и греха; много было его на Руси. За наши общие вины принесены величайшие жертвы; кара Господня вразумила нас, дабы впредь мы греха сторонились»¹⁴. Его внучка Мария Владимировна в 2017 г. формулирует данную мысль еще более конкретно: «На нашей династии, на аристократии и правящем слое в целом, на части церковной иерархии, на промышленных и финансовых кругах лежит значительная часть ответственности за развитие болезненных тенденций, подточивших организм исторической российской государственности. Императорский дом не отказывается от признания своей доли вины. Мы каемся в совершенных грехах и ошибках перед Богом и нашим народом и убеждены, что чтобы понять причины трагедии, следует не обвинять друг друга, а в совместном обсуждении постараться честно разобраться в том, что совершилось в 1917 году, что к этому привело, и

¹⁴ Воззвание Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей, Канны, 2/ 15 апреля 1923 г. (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

какие последствия повлекло за собой»¹⁵. Династия не пытается выступить в роли «безгрешного судьи», а призывает соотечественников к совместному поиску способов восстановления прочного народного единства.

Программу национального примирения, исходящую от дома Романовых, начал формулировать Кирилл Владимирович, причем с самых же первых своих обращений. Проекты этих актов поначалу готовились князем Д.М. Голицыным-Муравлиным, придававшим им неуместную пафосность при некотором дефиците содержания. Впоследствии язык обращений главы династии станет более современным. Но и в воззваниях периода блюстителства достаточно твердо выражены мысли государя о необходимости преодолеть «красно-белое» противостояние не на основе победы одной стороны над другой, а на пути синтеза всего жизненного и созидательного, что есть у обеих сторон.

В самом первом своем обращении от 8 августа 1922 года Кирилл Владимирович провозгласил лозунг изживания красно-белой вражды: «Нет двух Русских армий! Имеется по обе стороны рубежа Российского единая Русская Армия, беззаветно преданная России, ее вековым устоям, ее исконным целям. Она спасет нашу многострадальную Родину»¹⁶.

Глубоко неверно устойчивое представление, что Белое движение было преимущественно монархическим, а императорский дом ассоциировал себя в эмиграции с «белыми» в противовес «красным». На самом деле, Белое движение в основной своей массе противостояло большевизму под лозунгами Февральской революции, то есть было также революционным. В эмиграции у многих «белых» произошла монархическая эволюция взглядов, но и у них продолжали довлеть представления периода Гражданской войны. На это обращала внимание Канцелярия императора Кирилла в своих «Руководящих указаниях», выпущенных в 1931 г.: «То чувство, которое создается у "белых" (эмиграции) против "красных" (всего Русского народа) - понятно: оно есть следствие гражданской войны. Но это чувство уже давно надо было отбросить, ибо нельзя стремиться спасти Россию, тая в себе чувство мести и презрения к ее народу.

¹⁵ Интервью главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны газете «Монархист»: <http://monarhist.info/newspaper/article/97-98/4270> (дата обращения: 12 апреля 2017 г.)

¹⁶ Обращение Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича «К российскому воинству» с призывом к объединению «белой» и «красной» армий и их совместном выступлении для освобождения России от режима большевиков. Сен-Бриах, 26 июля/8 августа 1922 г. (Граф Г.К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович. – Мюнхен, 1922. – 31 с. – С. 27-28)

Нельзя и ныне продолжать верить в то, что эмиграция вернется в Россию силою оружия и там "наведет порядок"»¹⁷.

Возлагая надежды на слияние Красной и Белой армий на основе патриотизма, Кирилл Владимирович недвусмысленно и последовательно отвергал интервенционистские настроения, господствовавшие среди значительной части русских эмигрантов: «Я ни в коем случае не могу стать на точку зрения тех вождей, которые сочли бы возможным поддаться искушению воевать со своими соотечественниками, опираясь на иностранные штыки, - как бы еще ни заблуждались в данное время русские народные массы»¹⁸.

Что касается «заблуждений народных масс», то глава дома Романовых видел их отнюдь не во всем, что произошло после Революции: «Не нужно уничтожать никаких учреждений, жизнью вызванных, но необходимо отвернуться от тех из них, которые оскверняют душу человеческую»¹⁹.

В программном обращении от 26 января 1928 г. император Кирилл декларировал: «(...) не отвергая советской системы народного представительства, Я обеспечу свободное избрание в советы представителей всех хозяйственных и производительных слоев населения, а равно членов профессиональных организаций и специалистов, выдвинувшихся своим знанием и опытом в делах государственных. Советы сельские, волостные, уездные, губернские и областные или национальные, увенчанные периодически собираемыми Всероссийскими Съездами Советов – вот, что способно приблизить Русского Царя к народу и сделать невозможным какое-либо средостение в виде всеильного чиновничества или же иного, пользующегося особыми преимуществами, сословия»²⁰.

Лозунг «Царь и Советы» открыто провозглашала близкая к императорскому дому в 1920-е – 1930-е гг. Партия младороссов, являвшаяся одной из крупнейших организаций русской эмиграции.

¹⁷ Извлечение из Руководящих указаний Канцелярии его императорского величества // Младоросская искра, 1931, 15 декабря

¹⁸ Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича «Верноподданным русским людям», осуждающее ставку на иностранную интервенцию в борьбе с большевиками. 1/14 Января 1925 года (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

¹⁹ Воззвание Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей, Канны, 2/ 15 апреля 1923 г. (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

²⁰ Декларация императора в изгнании Кирилла Владимировича о принципах преобразований, планируемых им в случае восстановления обновленной народной самодержавной монархии в России. Сен-Бриак, 13/26 января 1928 года (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

Здесь уместно сопоставить позиции большевиков и дома Романовых. У В.И. Ленина встречаются весьма интересные и неожиданные признания. В интервью американской газете “The New York Herald” о «кронштадтском мятеже», опубликованном 15 марта 1921 г., вождь коммунистического режима заявил: «Поверьте мне, в России возможны только два правительства: царское или Советское»²¹. Эта фраза не вяжется с пропагандистскими утверждениями, что монархия полностью себя исчерпала, прогнила и ни на что не годна. Ленин, относясь к «царскому правительству», безусловно, враждебно, признавал, тем не менее, его жизненность как принципа власти. Наверное, не будет преувеличением сказать, что положение, отмеченное В.И. Лениным, в основных чертах сохраняется по сей день. Не случайно В.С. Черномырдин отозвался о современных политических конструкциях: «Какую партию ни возьмемся строить, всё у нас КПСС получается». Только происходит это от того, что современные политики подсознательно следуют большевицкой парадигме, жёстко противопоставляющей «царское» и «советское», и, видя несостоятельность в России либерально-демократических моделей, апеллируют к 73-летнему советскому опыту в том виде, в каком он на практике сложился под властью Коммунистической партии, не вспоминая о свыше чем тысячелетнем опыте дореволюционной России. Императорский же дом настроен на синтез этих систем: возрождение легитимной монархии в сочетании с очищенной от коммунистической идеологии и наделенной реальной властью системы народного представительства в форме Советов.

В своем последнем программном обращении от 24 марта 1938 г. император Кирилл, подтверждая неизменность своих прежних установок (к которым мы еще вернемся), выражал уверенность, что «установление устойчивой национальной власти» может быть обеспечено «лишь Законной Монархией, строительство которой сочетает преемственность управления с новым духом и требованием времени»²². Великий князь Владимир Кириллович говорил: «Монархия – это единственная форма правления, совместимая с любой политической системой, поскольку предназначение монарха – быть высшим арбитром»²³.

И тут вновь напрашивается параллель с непривычным для устойчивого советского восприятия монархии признания В.И. Ленина, на сей раз вполне со-

²¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 43. – М.: ГИПЛ, 1961. – С. 128 («О кронштадтском восстании. Краткая запись беседы с корреспондентом американской газеты “The New York Herald”»)

²² Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича с характеристикой деятельности коммунистического режима и изложением его видения программы государственного строительства после восстановления монархии. Сен-Бриак, 11/24 марта 1938 г. (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1; Бодрость, 1938, 3 апреля, № 171)

²³ Корона Российской империи // Огонек. 1990, 6-13 января. – С. 28-29. Первое интервью государя, опубликованное в СССР

звучного позиции дома Романовых: «Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии уживаться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства учреждение»²⁴. Правда за монархией Николая II такой способности В.И. Ленин категорически не признавал. Но если бы ему было суждено прожить подольше, он был бы вынужден признать, что, перефразируя Ш.М. Талейрана, Романовы ничего не забыли, но многому научились. Примечательно, что в канонической статье Большой советской энциклопедии²⁵, начав с обычного для марксистов утверждения, что «легитимисты» выступают с открытым требованием реставрации самодержавия, выдвигая кандидатом на престол «законного престолонаследника» бывшего великого князя Кирилла Владимировича Романова», автор М. Алехин отметил так называемую «левую эволюцию» легитимизма как организованного движения и направления общественно-политической мысли²⁶.

Из всего комплекса обращений, заявлений, интервью и других публичных выступлений Кирилла Владимировича, Владимира Кирилловича и Марии Владимировны явствует, что для императорского дома из черт установившегося в России в ходе Революции коммунистического режима неизменно неприемлемы богоборчество, обязательная и агрессивно навязываемая материалистическая идеология, тоталитаризм (то есть стремление государства жёстко контролировать не только политическую сферу, но все сферы человеческой жизни), террористические методы управления, теория классовой борьбы как главного фактора исторического развития, полное отрицание частной собственности, целенаправленное разрушение традиционных нравственных основ и уничтожение историко-культурного наследия, принесение интересов России в жертву утопической идее коммунизма и мировой революции. Нужно отметить, что все эти черты ныне осуждаются или, по крайней мере, приглушаются здравомыслящими представителями левого политического спектра.

В то же время, дом Романовых проявляет полную готовность принять, поддерживать и развивать идеи социальной справедливости, обеспечения и

²⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 20. – М.: ГИПЛ, 1961. – С. 359 (статья «Об избирательной кампании и избирательной платформе», опубликованная в газете «Социал-демократ» 18/31 октября 1911 г.)

²⁵ В первом издании БСЭ недвусмысленно признавалось существование российского легитимизма как социально-политического течения русской эмиграции, тогда как в последующих изданиях стало принято умолчание об этом и характеристика легитимизма преимущественно как зарубежного (главным образом, французского) явления. Противостояние в русском зарубежье легитимизма и «непредрешенчества» в марксистской исторической науке и коммунистической пропаганде начало сводиться к конфликту между сторонниками Кирилла Владимировича и Николая Николаевича

²⁶ БСЭ. Гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. – Т. 64. – С. 168

расширения народного самоуправления, гибкой национальной политики, постоянной модернизации системы политического управления, институтов гражданского общества и экономических отношений. Все главы династии в изгнании с самого начала отвергали присущие значительной части эмиграции идеи реституции экспроприированной собственности и какого бы то ни было восстановления сословных привилегий.

В первых обращениях Кирилла Владимировича, помимо общих слов о сохранении пореволюционных «учреждений, жизнью вызванных», признается безусловная необходимость правового закрепления за крестьянами перешедшей к ним земли, ограничения возможностей эксплуатации труда, расширения политических и гражданских прав и свобод, выстраивания новой системы межнационального сотрудничества.

В рескрипте учрежденному им «Совещанию по вопросам устройства Императорской России» ("Государеву совещанию") император Кирилл подчеркивал: «Долгое лихолетие и особое устройство, полученное некоторыми народами Империи за время смуты, настолько потрясли и изменили ее действенные силы, что духовно-нравственное возрождение и хозяйственное преуспеяние России может быть впредь достигнуто лишь на началах, соответствующих современным ее нуждам, с сохранением тех из происшедших изменений ее строя, которые усвоены населением и могут быть с пользой для него оставлены на будущее время»²⁷.

Совещанию было поручено анализировать советский опыт и готовить на случай восстановления легитимной монархии проекты относительно обеспечения всему населению полноценных возможностей участия в государственной жизни, соглашений с отпавшими от России народностями, юридического закрепления веротерпимости, расширения прав местных органов власти, подтверждения упразднения сословных привилегий, полноценного оформления прав собственности крестьян на земельные угодья, восстановления и модернизации промышленности и торговли, создания условий для инвестиций, совершенствования системы путей сообщения, новой системы образования, рабочего законодательства, страхования трудящихся и развития социальной сферы.

В программном обращении Кирилла Владимировича от 26 января 1928 г., кроме уже упомянутой декларации о признании советского строя и о готовно-

²⁷ Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания его императорским величеством государем императором Кириллом I манифеста 31 августа 1924 г. – София: Издание Представительства его императорского величества в Царстве Болгарском, 1925. – 96 с. – С. 62-63

сти его развивать, содержатся гарантии широкого областного самоуправления, отсутствия любых форм национального угнетения, правового закрепления земли за крестьянами с установлением обязанности использовать её по назначению, присвоения государству и общинам преимущественного права приобретения земли по рыночной стоимости в случае её продажи собственниками, содействия городским жителям в приобретении на льготных условиях неиспользуемой земли, поддержки механизации и интенсификации сельского хозяйства, сохранения 8-ми часового рабочего дня и законодательства об охране труда и социальной защиты работников, государственной помощи в улучшении жилищных условий, дальнейшего развития профсоюзного движения, недопущения возрождения сословных привилегий, возрождения основ судебной системы, созданной Александром II – «суда скорого, справедливого и милостивого, равного для всех».

В области экономики предполагалась дальнейшая индустриализация (но без крайних мобилизационных мер, создающих рабский, по сути, сектор, основанный на принудительном труде заключенных в лагерях) и восстановление частной собственности в сочетании с собственностью государственной и коллективной (причем приватизация предусматривалась только в случаях, «когда это не нарушит государственных интересов или интересов кооперации» и не распространялась на недра, крупные лесные хозяйства и «нефтеносные земли»). Кирилл Владимирович полагал, что «верховная собственность Государства» на недра и леса даст возможность «не обременять население чрезмерными налогами».

Также в обращении 1928 г. выделялись направления «широкого народного просвещения и насаждения профессионального образования, беспощадного искоренения хулиганства и праздности, уменьшения косвенного обложения и налогов на мелкие ремесла и промыслы, целесообразная свобода печати и общественной жизни, удешевления железнодорожных и почтовых тарифов, возможно широкая медицинская помощь всем страдающим тяжкими болезнями».

Еще более «просоветским» «зубры» эмиграции сочли обращение главы дома Романовых от 23 декабря 1931 г. В нем Кирилл Владимирович открыто признал, что «капитализм выродился в форму порабощения народных масс незначительным меньшинством», и это, по его мнению, оправдывало «борьбу против поработителей» прозревших народов. Но результатом этой борьбы он видел не победу защищающих капитализм «полицейских диктатур» и не торжество материалистического коммунизма, а появление «новой культуры», сочетающей традиционные ценности с требованиями современности.

Император выражал радость в связи с ростом трудового энтузиазма и успехами в хозяйственном развитии СССР: «Я от всего сердца желаю успеха в творчестве окрепшему и познавшему любовь к Родине русскому человеку. Я всей душой скорблю, что нынешняя власть создала нестерпимые и рабские условия труда, держит народ в голоде и нищете. Но еще немного усилий, немного настойчивости и терпения, и Русский народ расправит могучие плечи и сбросит обветшавшие одежды. Я приветствую нарождение новой жизни как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа Русского народа. Допустимо ли ему мешать в достижении полного торжества? Каждый русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию русской мощи мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю. Мои взоры всецело обращены к будущему. Я чувствую лихорадочное стремление Русского народа к обновлению. Я горжусь его жизнеспособностью и жаждой творчества и глубоко страдаю, видя, какие муки ему приходится терпеть в борьбе за лучшее будущее. Но близится час торжества, и недалек тот день, когда весь мир преклонится перед величием свободной России»²⁸.

Выступления главы дома Романовых не были обойдены вниманием в СССР. В коммунистической пропаганде принялись высмеивать "левую эволюцию" легитимизма. Например, в феврале 1932 г. в "Комсомольской правде" были опубликованы цитаты из обращения Кирилла Владимировича и вместе с ними такие стихи:

"Вот это открытие.

Редко да метко.

Откровение

От строки до строки.

А мы-то думали,

Что пятилетку

²⁸ Новогоднее обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича с изложением его взглядов на общемировую и советскую действительность и на перспективы освобождения России. Машинопись. Сен-Бриак, 10/23 декабря 1931 года (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

Организовали большевики!

А мы-то думали,
Что семья народов
Рабочих,
Трудящихся,
Крестьян –
Под руководством партии
В четыре года
Выполняет пятилетний план.

Мы думали
Ленинской партии сила –
Основа победы,
Пароль, девиз...
[А,] оказывается:
«Народ»
Под руководством... Кирилла
Строит социализм"²⁹.

Автор стихотворения откровенно искажает смысл обращения, в котором вовсе нет претензии на то, что советский народ достигает побед «под руководством Кирилла». При объективном рассмотрении понятно, что глава династии отвергает коммунистическую идеологию и практику, но радуется народным успехам. А это показывает, что Кирилл Владимирович не закоснелый реакционер и "враг народа", а, во всяком случае, более сложный субъект политической борьбы. Но, судя по всему, агитаторы были уверены: читатели не станут так глубоко вдумываться и ни от кого не воспримут идею, что народ способен творить самостоятельно и даже вопреки политике ВКП(б).

²⁹ Комсомольская правда, 1932, 15 февраля

Кирилл Владимирович приветствовал усиление Красной армии. Если в 1922 г. он говорил о возможности объединения "красных" и "белых" на общем принципе защиты Родины, то 10 лет спустя, когда "Белое воинство" перестало существовать, а его остатки переродились либо в мемориальные организации, либо в политические группы, императорское воззвание от 25 ноября 1932 г. адресовано исключительно к РККА: «(...) Русские воины. Я обращаюсь к вам. Ваша мощь – залог целости и нерушимости Русского государства. Став вооруженной силой России, будучи неотъемлемой частью ее народа, вы приняли на себя наследие многовековой славы Российских Армии и Флота, которые всегда стояли на страже Отечества и служили залогом международного мира. Ничто преходящее, наносное не может изменить сущности вашего воинского служения. Вы уже осознали себя защитниками родной Земли. Придет время, когда это сознание решит судьбу России. В настоящем вы должны готовить себя к будущему. России нужны сильные армия и флот. Они нужны ей для обороны ее границ и необходимы для освобождения от гнета коммунизма. Ваш долг усилить мощь Армии и Флота, возвышать их дух, закалять дисциплину, упорно трудиться над их техническим совершенствованием. Когда, Божиим соизволением, вы вместе с народом положите конец коммунистическому произволу, настанет пора зарождения подлинной Русской Государственности, в которую на Армию и Флот ляжет главной обязанностью ограждение себя от развала и защита единства Империи, для свободного развития народов, ее населяющих. Вы должны помнить уроки прошлого. Я – преемник Царей и Императоров, строивших Русскую Державу с помощью героических Российских Армии и Флота и утвердивших ее на шестой части земли, находившийся долгие годы в тесном единении с Русским воинством, говорю вам, что лишь верным служением Отечеству вы вернете себе право на тысячелетнюю нашу историю. Верю, что вы – воины возрождающейся России – будете достойны своего Отечества и надежной опорой народной Империи. Наш общий долг – в служении Родине, и мы выполним его до конца. Я заявляю, как некогда заявлял мой предок Император Петр Великий³⁰: ведайте, что мне жизнь не дорога, жила бы РОССИЯ во славе и благоденствии для благосостояния вашего»³¹.

Дому Романовых не только не свойственен дух реваншизма, но, напротив, в этой тенденции он усматривает страшную угрозу будущему России. «Пусть откажется каждый от кары и мщения, - писал в 1923 г. Кирилл Влади-

³⁰ Слова Петра Великого из его обращения к русским воинам перед Полтавской баталией 1709

³¹ Обращение императора в изгнании Кирилла Владимировича к воинам Рабоче-крестьянской красной армии. Машинопись. Сен-Бриаак, 12/25 ноября 1932 года (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

мирович. - Божьему предадим Суду: и кровь, невинно пролитую, и те преступления, что наваял на Русский Народ его совратитель»³².

Эти призывы зазвучали от императорского дома, когда взаимная ненависть противоборствовавших в Гражданской войне сторон и боль от причиненных друг другу ран были еще чрезвычайно остры. Но все главы династии в изгнании понимали, что без взаимного прощения невозможно восстановить народное единство.

Если применить метафору, в насилиях Революции дом Романовых видит некое коллективное безумие. Но преступления, совершенные в состоянии безумия, суть неменяемые деяния. Здесь требуется не возмездие, а лечение. В "социальном безумии", охватывающем массы, всё, конечно, намного сложнее, чем в психическом расстройстве частного лица. Но принцип, по существу своему, тот же.

Великий князь Владимир Кириллович придерживался несколько более консервативных взглядов, чем его отец. Но все основные его идеи он исповедовал в неизменном виде. На первом листе подлинника обращения своего покойного отца, обобщившего всё сказанное им ранее, новый глава дома Романовых уже во время II Мировой войны, 18 января 1940 года написал: «Основы, изложенные в настоящем акте Моего Отца от 24 Марта 1938 года, полностью отражают и Мои взгляды на будущее устройство Государства Российского. Владимир. S[ain]t Vriac, 18-I-[19]40.»

Во время Великой Отечественной войны великий князь Владимир Кириллович сумел пройти между Сциллой коллаборационизма и Харибдой соглашательства с коммунизмом. Коммунистическая идеология была для него категорически неприемлема из-за своего богоборческого характера, и он принципиально призывал к борьбе с ней в любых исторических условиях и обстоятельствах. Но при этом он никогда ни прямо, ни косвенно не одобрял сотрудничество с оккупантами и пособничество завоеванию родной страны, действия в интересах врага и в ущерб своему государству и его союзникам.

Находясь во Франции на оккупированной немцами территории, великий князь использовал своё знакомство с антинацистски настроенными германскими офицерами, чтобы оказать помощь советским пленным, содержащимся в концентрационных лагерях в г. Сен-Мало и на о. Джерси.

³² Воззвание Блустителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей, Канны, 2/ 15 апреля 1923 г. (АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 1)

Информация об этой помощи советским узникам содержится в воспоминаниях самого великого князя³³ и в архивных документах. Во время отпевания главы Российского императорского дома в Исаакиевском соборе 29 апреля 1992 года, возглавлявший богослужение святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своем надгробном слове особо отметил: «Характерно, что во время Второй мировой войны, находясь во Франции, Владимир Кириллович установил связь с немецкими офицерами, оппозиционно настроенными к фашистскому режиму, и благодаря этому деятельно помогал советским военнопленным. В 1944 году последовали его арест и депортация в Германию»³⁴.

Владимир Кириллович смотрел на возможность внутреннего освобождения от коммунизма народом СССР более скептически, чем его отец. Но и он прекрасно понимал: «Тщетно ждать спасение Родины от иностранцев. Другие народы могут являться нашими временными союзниками в борьбе, но каждый из них неизбежно будет преследовать свои национальные цели»³⁵.

Оставаясь убежденным антикоммунистом, глава дома Романовых никогда не переносил неприятие атеистической материалистической идеологии на своих соотечественников (чем грешат многие эмигрантские деятели, по сей день сохраняющие внутреннюю враждебность к "подсоветским" и "совкам", как они изволят выражаться, и продолжающие требовать от нас покаяния, не понимая, что нужно сначала покаяться самим). Об этом свидетельствуют заявления Владимира Кирилловича периода самого пика "Холодной войны", когда западный мир, а вместе с ним и русскую эмиграцию, захлестывали волны истерии, подменяющие антикоммунизм откровенной русофобией. Императорский дом свидетельствовал, что народ России остаётся великим народом, а сама Россия никогда не может утратить статус великой державы.

«Мы радуемся исключительным техническим достижениям, покрывшим славой русское имя, среди которых гордимся полетами в космос как Юрия Га-

³³ Владимир Кириллович, Великий Князь, Леонида Георгиевна, Великая Княгиня. Россия в нашем сердце. – СПб.: Лики России, 1995. – 160 с. – С. 61

³⁴ Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Слово перед отпеванием Великого Князя Владимира Кирилловича (29 апреля 1992 года, Исаакиевский собор, Санкт-Петербург) // Журнал Московской патриархии

³⁵ Пасхальное обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича к русским людям, провозглашающее бессмысленность ожидания помощи в борьбе с коммунизмом от иностранных держав и выражающее надежду на свержение богоборческого коммунистического режима собственными силами. Мадрид, 23 апреля/6 мая 1956 г. (АРИД, ф. 8, оп. 2, д. 1; Сборник обращений Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича / Сост. А.П. Волков. – Нью-Йорк, 1971. – 111 с. – С.37-39)

гарина, так и других русских смельчаков», – писал Владимир Кириллович в обращении от 25 декабря 1967 года³⁶. «Отмечаю наличие в России, во всех отраслях человеческого творчества, даже при теперешних условиях существования, целого ряда выдающихся деятелей науки, литературы, искусства, отважных исследователей сверхвоздушных пространств. До каких бы еще более совершенных и обширных творческих высот они все дошли бы при открывшихся перед ними возможностях свободного мышления и труда!»³⁷, – говорится в его обращении от 16 апреля 1973 г.

Характерные особенности менталитета главы дома Романовых отметил журналист В. Литвинский, отнюдь не придерживавшийся монархических убеждений, но описавший встречу с Владимиром Кирилловичем доброжелательно и объективно: "Меньше всего считает себя великий князь лидером монархистов, - пишет В. Литвинский, - постоянно подчеркивая, что для совместного труда на благо России достаточно быть просто русским. Будучи человеком вполне современным, он вполне отдает себе отчет в полной невозможности восстановления дореволюционного сословного строя России и в абсурдности реставраторских вожделий столь многих из старшего поколения монархистов. «Эти люди не способны признать тех колоссальных перемен, которые произошли в психологии народа за все эти годы; их жизнь остановилась в 1917 году, и они ничему не смогли научиться. Понять их по-человечески можно, но они принадлежат прошлому, а не будущему», – говорит он. (...) Мне было очень интересно отметить в нем одну любопытную особенность. В разговоре на политические темы, употребляя выражение «мы», он подразумевает не «мы, эмиграция», а «мы – русский народ»; получается это у него совершенно естественно, и без всякой рисовки, и мне понадобилось некоторое время, чтобы приспособиться к его образу мышления. По-видимому, своим сознанием, – либо врожденным, либо воспитанным в нем, он принадлежит России, причем России не отвлеченной, существующей в представлении столь многих эмигрантов, а самой настоящей, сегодняшней."³⁸.

Великий князь вполне отдавал отчет, что США является геополитическим конкурентом не только СССР, как коммунистической державы, но и России как таковой. "Когда я поинтересовался, - отмечает В. Литвинский, - почему он из-

³⁶ *Сборник обращений Главы Династии Великого Князя Владимира Кирилловича / Сост. А.П. Волков. – Нью-Йорк, 1971. – 111 с. – С. 75*

³⁷ АРИД, ф. 8, оп. 2, д. 1

³⁸ «Новое Русское Слово», 1954, 31 октября

брал своим местожительством Испанию, а не, скажем, Америку, он, в качестве первого соображения, сказал: «В Америке мне жить не пристало. Что бы мы ни говорили, Америка сегодня наш враг. Испания – маленькая страна, России ничем и никак не угрожает»³⁹.

Американский журналист, хотя и выходец из России, был шокирован некоторыми рассуждениями великого князя: "Когда зашел разговор о распродаже советским правительством национальных музейных ценностей, попавших в конце концов в американские музеи, он высказал мысль, что покупатели картин Рембрандта и Леонардо были не более, не менее, как скупщиками краденого, и что когда придет день, «мы все это потребуем обратно». И только после некоторого спора, он согласился, что «мы дадим возможность американцам продать нам картины назад за символическую цену»⁴⁰.

Когда в 1980-е гг. в СССР начались перемены, и коммунистический режим стремительно терял доверие населения, силу и опору, Владимир Кириллович занял чрезвычайно взвешенную и деликатную позицию. Он понимал, что "эффект маятника", антикоммунистический реванш, "белый большевизм" и иные подобные проявления губительны для страны. «Как глава Российского императорского дома и блюститель нашей многовековой исторической традиции, - заявил великий князь в обращении от 20 декабря 1990 г., - я всегда буду всячески способствовать всем созидательным стремлениям наших соотечественников и решительно отвергать все разрушительные выступления, **даже если они исходят от людей, заявляющих о своей верности нашему великому прошлому** (выделено мной - А.З.)"⁴¹.

Предостерегал глава дома Романовых и от увлечения западным опытом: «Благоденствие и процветание не придут вслед за подачками с Запада – пусть щедрыми, но никогда не бескорыстными»⁴², – написал он в своем последнем обращении 1992 года.

Великая княгиня Мария Владимировна, впервые прибывшая на Родину в апреле 1992 г., следуя за гробом отца, уже имела возможность беспрепятственно общаться с соотечественниками в самой России, лучше понять их мировоззрение и на собственном опыте постигнуть образ жизни, сформировавшийся за десятилетия после Революции.

³⁹ Там же

⁴⁰ Там же

⁴¹ http://monarhist.info/LEG/1990/Ot_Glavy-90.htm (дата обращения: 15 апреля 2017 г.)

⁴² Обращение главы Российского императорского дома к российскому крестьянству, апрель 1992 г. ⁴² Владимир Кириллович, великий князь, Леонида Георгиевна, великая княгиня. Россия в нашем сердце. – СПб.: Лики России, 1995. – 160 с. – С. 136

Объем данного доклада не позволяет охарактеризовать все аспекты идеологии императорского дома, сформулированные и развитые в течение последних 25 лет. Но можно в целом утверждать, что основные идеи остались неизменными: сохранение монархических убеждений и веры в то, что монархия как идея Государства-Семьи во главе с наследственным надпартийным Арбитром сохраняет свой потенциал и может быть востребована народом в будущем; при этом готовность быть полезными своей стране независимо от отношения к монархии на данном историческом этапе; патриотизм и лояльность существующей государственной власти как гаранту законности, порядка, территориальной целостности и международного положения России и ее поддержка в этом качестве; симфоническое сотрудничество с Русской Православной Церковью; сотрудничество с другими традиционными конфессиями России; внепартийность и неучастие в каких бы то ни было формах политической борьбы; открытость для диалога с соотечественниками любых общественно-политических убеждений; служение делу национального, религиозного и общегражданского мира; приоритетность социокультурных направлений деятельности; поддержание духовных и культурных связей между всеми народами, принадлежащими к цивилизационному пространству бывшей Российской империи и СССР; отстаивание положительного образа России с мире; неприятие любых разновидностей реваншизма (как "красного", так и "белого"), фанатизма и экстремизма.

В отношении Революции и ее последствий великая княгиня Мария Владимировна придерживается позиции, сформулированной её дедом и отцом, главные положения из обращений которых она нередко цитирует.

Мария Владимировна отвергает теорию "двух революций" 1917 г. и убеждена, что события февраля и октября следует рассматривать как закономерные стадии единого революционного процесса.

В эссе, написанном к 90-летию Революции, глава дома Романовых отстаивает мысль о том, что первопричиной Революции явился духовный кризис всех традиционных ценностей, прежде всего, упадок религиозности и патриотизма, а политические, социальные и экономические причины имели второстепенное значение. Монархия, по мнению Марии Владимировны, была свергнута не потому, что у неё не было способности к модернизации страны, и не потому, что у неё были сильные враги в лице революционеров и иностранных противников Российской империи, а потому, что во всех слоях народа, прежде всего в элите, ослабели механизмы защиты веры, исторического государственного строя и национального единства.

Великая княгиня указывает, что Белое движение не было монархическим, а также следовало логике революционного процесса и утопическим идеям, далеким от подлинных народных интересов. Это свидетельствует о глубинных причинах Революции, о том, что не пройти через это испытание было, к сожалению, невозможно.

Главной бедой, принесенной Революцией, Мария Владимировна считает богоборчество, искоренение значительной части исторического наследия и подрыв традиционных ценностей, братоубийство под лозунгом "классовой борьбы" и колоссальный ущерб генофонду нации, нанесенный массовыми репрессиями, насильственной коллективизацией и другими тоталитарными социальными экспериментами.

Наряду с этим глава дома Романовых признает огромную значимость достижений советского периода и уважает всех, кто внес свой вклад в эти свершения, в том числе и деятелей Коммунистической партии. Однако утверждения, что без Революции, без коммунистического режима и его идеологии наша страна не смогла бы ничего добиться, великая княгиня считает бессмысленными и унижительными для российского национального самосознания.

Независимо от существующих различий в трактовках прошлого, Мария Владимировна призывает и согласных, и несогласных с ней вынести эту дискуссию в научную сферу, а на общественном поприще в настоящем и будущем перестать обвинять друг друга и искать точки сближения и площадки для совместного служения своему Отечеству. "Хватит уже искать виновных - пишет великая княгиня в своем эссе 2007 г. - В наших бедах виноваты мы все без исключения. И мы не исцелимся, если вместо того, чтобы поставить диагноз и избрать правильные методы лечения, будем ссориться и нападать друг на друга. (...) Наша первоочередная общая цель – восстановить национальное единство, нарушенное революцией. Последний руководитель СССР М. Горбачев в 1987 году назвал свой программный доклад на партийном съезде «Октябрь и перестройка: революция продолжается». С тех пор прошло еще 20 лет. Дай Бог, чтобы революция, наконец, завершилась"⁴³.

Великая княгиня придает большое значение совместному поминовению на религиозных и светских мероприятиях потомками (физическими и идейными) "красных" и "белых" всех жертв Революции, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали. В обращении к участникам панихиды "по всем, в

⁴³ <http://www.imperialhouse.ru/rus/word/maria/3931.html> (дата обращения: 27 марта 2017 года).

годину смут убиенным и в изгнании скончавшимся", отслуженной по благословению святейшего патриарха Кирилла в храме Знамени в Романовом переулке, Мария Владимировна написала: "Главным итогом и уроком минувшего трагического столетия для нас должно стать осознание того, что никакая цель не может являться оправданием для безбожной и бесчеловечной злобы, взаимного истребления, ненависти и клеветы. У каждой из сторон в великой Смуте XX века были своя правда и своя ложь, свои идеалы и своя корысть, свои герои и свои негодяи. Но, в конечном итоге, от революции пострадали все – и побежденные, и победители. Вчерашние палачи назавтра становились жертвами, а многие из тех, кто выжил и даже видимо обрел власть и благополучие, оказались изуродованными духовно и нравственно. Мы не должны ничего забывать, чтобы не повторять ошибок. Мы должны постараться исправить совершенное зло. Но мы также должны уметь прощать и просить прощения. Ради будущих поколений нам необходимо научиться находить в прошлом и в настоящем в первую очередь не то, что разъединяет, а то, что сближает нас друг с другом"⁴⁴.

⁴⁴ Обращение главы дома Романовых по случаю празднования Дня Народного Единства и служения в этот день в московском храме Иконы Божией Матери «Знамение» в Романовом переулке панихиды по всем жертвам революции и Гражданской войны, 4 ноября 2009 г. <http://www.imperialhouse.ru/rus/allnews/news/1374.html> (дата обращения: 15 апреля 2017 г.)

30 марта (четверг) 2017 г.

Секционные заседания

Секция № 1

Революция 1917 года в России: причины, этапы, события и итоги

Подсекция А.

Руководитель:

д.и.н., профессор С.В. Девятов

Присутствовали и выступали: 20 человек. Среди них: 2 представителя исторического факультета и 1 представитель факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, 1 главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН и президент Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, 1 представитель Technical University of Crete, 1 представитель историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, 1 представитель историко-филологического факультета Марийского государственного университета, студенты и аспиранты исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гости.

С.В. Девятов – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России XX – XXI вв. исторического факультета МГУ имени Ломоносова, открывая работу секции, выступил со вступительным словом и поприветствовал участников заседания. В частности, С.В. Девятов отметил, что на современном этапе изучение проблем революции все еще остается много дискуссионных вопросов, касающихся принципиальных аспектов, таких как необходимость создания единого понятийного аппарата и хронологических рамок революции. В числе наиболее дискуссионных тем С.В. Девятов назвал причины и итоги революции 1917 г. и отметил, что многие проблемы до сих пор малоисследованы, например, финансовая сторона революции, изменения социальной структуры российского общества в период революционных событий, участие отдельных социальных групп в революции и др.

В своем вступительном слове профессор С.В. Девятков призвал участников заседания секции взглянуть на эти и другие принципиальные проблемы революции в свете новых методологических подходов и стремиться к созданию объективного понимания предпосылок, причин, событий и итогов Революции 1917 г. в России.

С.В. Девятков в своем докладе на тему **«Проблемы изменения социальной структуры российского общества от февраля к октябрю 1917 г.»** отметил, что эта проблема включает целый комплекс вопросов, который еще слабо исследован. В частности, социальные изменения, порожденные Первой мировой войной, которая выдвинула на первое место вооруженное крестьянство, и явилась катализатором глубоких социальных сдвигов. Кроме того, только в последние годы стала активно разрабатываться проблема раскола высшего общества в царствование последнего императора Николая II, который оказался губительным на фоне роста революционного движения и военных потрясений. К началу XX века сложилась ситуация фактического сосуществования двух дворов: императора с супругой и вдовствующей императрицы Марии Федоровны. При чем, второй был намного более многочисленный, чем первый. Один этот факт яркое свидетельство глубокой степени раскола русского общества.

Серьезные социальные сдвиги в российском обществе вызревали давно, но именно война и последовавшая вскоре революция завершили процесс вызревания новой социальной структуры. Со времен позднего Витте и раннего Столыпина общество делилось на внутрисословные группы, прежде всего, крестьянство. В мирное время финансовое разделение крестьянства позволяло нормально работать, но не в военное время. Существенная убыль дворянства и офицерства в ходе Первой Мировой. Стратификация внутрисословных групп, в частности крестьянства. Растёт число кулаков, с одной стороны, и бедных, малоземельных крестьян с другой стороны. После реформ Столыпина фактически перестает существовать община, в ходе войны массы крестьян получают оружие. Эта вооруженная сила слабо контролировалась и властью, и либералами. После Февральской революции возникает мощная политическая сила в лице Советов, зарождается новая управленческая элита на обломках Российской империи.

Таким образом, в межреволюционный период, с одной стороны, завершились давно вызревавшие социальные изменения, с другой – стали выкристаллизовываться дальнейшие сложные процессы социальных изменений. Вопросы социальной истории революции 1917 г предстоит еще долго и внимательно изучать.

Вопрос: Вы считаете, что у Февраля и Октября разное качество?

Ответ: Я думаю, что это логично. Мы имеем две разные революции. В одной начала меняться экономическая система и социальная структура общества, во второй она меняется окончательно и жестко, но классического народовластия не поучилось. Развивающаяся капиталистическая система, в основе которой лежали рыночные отношения, сменяется системой внеэкономического принуждения и директивной экономики. Государственной строй и архаическая социальная структура Российской империи сделали максимально болезненным качественный переход к новой организации общества и государства. Реальная альтернатива прихода к власти большевиков – дезинтеграция и распад Российской державы.

Г.М. Алексеев – д.и.н., профессор кафедры истории общественных движений и политических партий России исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова выступил с докладом «**Великий Октябрь – коренной поворот во всемирной истории человечества**». Г.А. Алексеев остановился на международном значении Октябрьской революции, отметил ее значительное влияние на развитие мирового революционного процесса и на ход исторического процесса XX столетия. Значительное внимание докладчик уделил достижениям СССР в различных областях социально-экономической жизни.

С.Н. Бабурин – д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник ИС-ПИ РАН, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, президент Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, заслуженный деятель науки РФ выступил с докладом «**Февраль 1917 – декабрь 1991: два омуты Русской цивилизации**», в котором сравнил события двух переломных моментов российской истории. С.Н. Бабурин сказал, что дважды за столетие Русскую цивилизацию толкнули в сторону небытия, разрушили её государственную форму, под угрозой оказался сам её духовно-нравственный стержень. Способствовали тому бездарность верхов и нравственная слепота низов. Не разобравшись с правдой о Феврале 1917, российское общество получило трагедию 1991 года.

Революционный захват власти большевиками, левыми эсерами и анархистами в Октябре 1917 стал возможен из-за глубинного стремления русского общества к самозащите, он отразил социальную реакцию народа на хаос и развал Февраля. С.Н. Бабурин отметил, что стоит рассматривать события Февраля и Октября 1917 г. как отдельные революции. Смещение Февраля с Октябрем ведет к сокрытию истинных организаторов Февраля и разрушения страны, к

полному затемнению того факта, что гражданскую войну в России начали «февралисты», не пожелавшие мириться с перехватом власти большевиками и левыми эсерами.

Вопрос о Февральской революции, её героях и антигероях, её движущих силах, легендах и тайнах, имеет далеко не академический интерес. Февральский либерально-буржуазный эксперимент, игнорировавший цивилизационную сущность России, был прекращен Октябрем 1917, заменившим его на эксперимент коммунистический.

В.В. Борисенко – к.и.н., доцент Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, декан историко-филологического факультета. Тема доклада «**Информационно-пропагандистское воздействие на население во время Великой русской революции (на примере революционного плаката)**». В своем выступлении В.В. Борисенко отметил, что особенно интересным представляются проблемы пропагандистского воздействия на широкие массы людей во время крупнейших исторических потрясений. События 1917 г. показали, что активное участие больших масс людей в столь масштабных событиях, их готовность идти до последнего, жертвовать своей жизнью во многом определялась грамотной мотивацией и помогла революционным силам захватить, а затем и удержать власть. Но в начале XX в. отсутствовали современные возможности для формирования общественного мнения, однако инструментарий такого воздействия на людей был довольно широк – печатные СМИ, пропагандистские плакаты, музыкальные произведения, художественная литература. На примере плакатов периода революции и гражданской войны В.В. Борисенко провел анализ информационно-пропагандистской работы с населением в годы Великой русской революции, выделив среди них три группы: показывающих неприглядность современной действительности, представляющих образ «светлого будущего» и, наконец, тех внутренних и внешних врагов, которые мешают избавиться от пороков настоящего и двигаться в будущее.

Я.В. Леонтьев – д.и.н., профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, в своем докладе «**Почему социалисты-революционеры уступили большевикам, и был ли их раскол неизбежен?**» показал, что процесс размежевания единой эсеровской партии весной – осенью 1917 г. был гораздо более сложным, чем это принято считать. Партия колебалась перед выбором нескольких траекторий движения. При том неустойчивом положении, в котором находилась ПСР, даже небольшое колебание ее ядра в лице ЦК могло послужить началом движения в совершенно ином направлении,

которое имело шансы изменить весь ход исторических событий. Если бы не раскол, то эсеры бы не проиграли. Раскол партии эсеров во многом был неизбежен, но он необязательно был долженлучиться слева. В расколе по-своему виноваты и левые, и правые представители партии эсеров. В заключении Я.В. Леонтьев отметил, что история альтернативна, поэтому нужно изучать эти альтернативы, чтобы лучше понимать логику развития событий и исторический контекст. Если бы не раскол эсеров, то могла бы быть крайне интересная комбинация.

Вопрос: У эсеров люди, которые пытались найти компромисс, проигрывали?

Ответ: В эпоху перемен побеждают радикалы.

Вопрос: Правда, что большевики приняли аграрную программу эсеров?

Ответ: Да. Закон о социализации земли эсеровский в своей основе. При военном коммунизме социализация земли была подменена фактической национализацией.

Димитриос Пателис – associate Professor Technical University of Crete выступил с докладом на тему **«Октябрьская революция 1917 года как классический пример ранней социалистической революции. О периодизации революционного процесса перехода к объединенному человечеству в свете логики истории»**. Докладчик предложил рассматривать Октябрьскую революцию как классический пример цивилизационной революции. Отметил, что, с его точки зрения, Октябрьская революция – попытка к объединению человечества. Д. Пателис сказал о необходимости изучения исторических закономерностей. Необходимо рассматривать общество как органическое целое, избегая метода аналогии, поскольку он ограничен. По мнению докладчика, опыт XX века позволяет по-новому пересмотреть идею построения коммунизма, которая, несмотря на критическое к ней отношение, не исчерпала себя полностью. Ничего не развивается без разрешения противоречий. Д. Пателис отметил, что имеет смысл переосмыслить и развить идеи марксизма с учетом исторического опыта.

С.В. Стариков – д.и.н., профессор кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета выступил с докладом **«Об основных этапах Великой Российской революции и большевистско-левосоциалистическом блоке в центре и на местах (октябрь 1917 – июль 1918 гг.)»**. По мнению С.В. Старикова Великая Российская революция охватила большой период, ее хронологические границы следует определить как 1917 – 1918 гг. Нижняя грань – февраля 1917 г., когда произошло свержение династии Романовых, верхняя – середины июля 1918 г.,

когда вопрос о власти был окончательно решен в пользу партии большевиков. Внутри этого периода докладчик выделил три этапа. Первый – февральский или либерально-демократический, то есть с февраля до начала июля 1917 г. Когда Временное правительство возглавили партии кадетов и октябристов. Но новая власть не смогла реализовать собственные установки и идеалы, повсеместно нарастало недовольство и максималистские революционные настроения. Второй – революционно-демократический или умеренно-социалистический (с июля по октябрь 1917 г.), когда ключевые посты во власти заняли умеренные социалисты (меньшевики и эсеры), стремившиеся достичь классового мира и единства либеральных и умеренно-социалистических сил и направить Россию по пути реформ с социалистической перспективой в далеком будущем. Но и им не удалось овладеть революционным процессом. Третий – радикально-социалистический или советский (с конца октября 1917 г. до начала июля 1918 г.), когда во главе революционной стихии встали большевики и левые социалисты (левые эсеры, левые меньшевики, эсеры–максималисты), сторонники власти советов и полного «социального переворота». Лишь принципиальные разногласия в левом советском блоке пустили под откос леворадикальную коалицию и открыли прямой путь к однопартийной диктатуре и однопартийной системе советской власти. Анализируя политические процессы в советской России в первой половине 1918 г. как в центре, так и на местах, С.В. Стариков пришел к выводу, что если в центре политический блок большевиков и левых эсеров на уровне Совнаркома был весьма кратковременным, то на местах он не только сохранялся в течение всей весны и даже начала лета 1918 г., но и приобрел реальные перспективы становления двухпартийной системы советской власти. Но с середины лета 1918 г. начался стремительный рост большевистской диктатуры и вопрос о власти был окончательно решен в пользу РКП(б).

Подводя общий итог работы секции, д.и.н., профессор С.В. Девятов подчеркнул актуальный и новаторский характер большинства докладов, конструктивный заряд дискуссий, развернувшихся на заседании и интересные перспективы для дальнейшего, углубленного изучения истории Революции 1917 года в России.

Секция №3.

Теория революции: исторический опыт, вызовы и альтернативы XX-XXI веков

Подсекция Б.

Руководители:

д.полит.н., профессор А.А. Ширинянец

к.и.н., доцент А.В. Гусев

На подсекции, которую вели д.полит.н., профессор А.А. Ширинянец и к.и.н., доцент А.В. Гусев, были представлены доклады, посвященные идеологическим аспектам и теоретическому осмыслению революционных процессов в России.

Д.полит.н., руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН И.И. Глебова в докладе «**Февраль 1917: о физике и метафизике революции**» обратилась к рассмотрению структуры и особенностей общественного сознания периода революции, показав сосуществование в нем различных элементов – как рациональных, так и носивших мифологический характер.

Д.и.н., профессор Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского Ф.А. Селезнев в докладе «**Революция 1917 г. в свете теории элит**» проанализировал революционные события при помощи инструментария классических и современных концепций элитологии. В качестве субъектов политического процесса накануне революции он выделил придворную «камарилью», господствующую элиту и оппозиционную и революционную контрэлиту. Как отметил докладчик, эти социальные группы и их внутренние подгруппы (внутриэлитная «фронда» и умеренный сегмент контрэлиты) вступали между собой в сложные взаимодействия, конечным итогом которых стало крушение царского режима.

В докладе «**Революции 1917 года в парадигме теории политики языка**», с которым выступил д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права **Казанского государственного энергетического университета Н.М. Мухарямов**, было рассмотрено отражение концептуальных подходов к истории революции в языке исследователей и публицистов. Использование тех или иных речевых оборотов и терминологии докладчик связал с «политикой языка» - воздействием на общественное сознание при помощи лингвистических средств с целью формирования определенных представлений о различных аспектах революции, утверждения позитивного или негативного восприятия участвовавших в ней политических сил и деятелей. А «политика языка» находится в тесной связи с государственной политикой и доминирующим в обществе идейно-политическим дискурсом.

Д.филос.н., доцент социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.Б. Рахманов в докладе «**Революция 1917 года в России и антиномии социальной теории марксизма**» обозначил ряд теоретических проблем, на дискуссии по которым в мировой социально-политической марксист-

ской мысли оказала влияние российская революция 1917 года. Эти антиномии, касающиеся, в частности, соотношения объективных и субъективных, природных и социальных, внутренних и внешних по отношению к конкретному социуму факторов в историческом процессе, по мнению докладчика, нуждаются в дальнейшем осмыслении. Для их разрешения необходим учет и анализ накопленного человечеством опыта, в том числе опыта революционных общественных трансформаций.

Два доклада на подсекции были посвящены идейно-политическим воззрениям главных большевистских лидеров периода революции – В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого.

Доклад **«Ленин о возможности осуществления социалистической революции в России»** представил **д.филос.н., профессор факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова И.А. Козиков**. Докладчик осветил ключевые особенности трактовки Лениным марксизма, охарактеризовал его концепцию социалистической революции. Основное внимание было сосредоточено на подходе большевистского лидера и идеолога к проблеме предпосылок пролетарской революции в российском социально-экономическом контексте начала XX века.

К.и.н. А.В. Гусев, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в докладе **«На пути к 1917 году: формирование и развитие теории перманентной революции Льва Троцкого»** рассмотрел троцкистскую концепцию революционного процесса в России, выделив основные этапы ее разработки, начиная с 1905 года. Было показано, что тезис о непрерывности революции Троцкий выводил из специфики соотношения социальных сил в России, обусловленного, в свою очередь, особенностями ее исторического развития. В политическом отношении эта теория вела, по мнению докладчика, к обоснованию диктатуры революционного меньшинства, которую установила в стране пришедшая к власти в октябре 1917 г. партия большевиков.

С оригинальным взглядом на российскую революцию познакомили участников подсекции польские коллеги из **Университета имени Адама Мицкевича в Познани** – **хабилюованный доктор философии, профессор Эдуард Елиньски** и **доктор политических наук Бартош Хордецки**. Их доклад **«Российские революции 1917 года в свете концепции катастрофизма Станислава Игнация Виткевича (1885-1939)»** был посвящен воззрениям выдающегося польского философа, писателя и художника, теоретика художественного авангарда 20-30-х гг. XX века, известного под псевдонимом Виткаций. Будучи непосредственным свидетелем революционных событий 1917 года в России, Виткевич неоднократно обращался в своем творчестве к теме революционных «катастроф», которые он считал проявлением духа современности. Под воздей-

ствием процессов, развернувшихся в постреволюционной России, Виткевич, как было показано в докладе, обратился к проблематике сохранения индивидуальности в эпоху массовых движений, которыми стремятся манипулировать новые элиты.

Подводя итоги работы подсекции, А.А. Ширинянц и А.В. Гусев отметили высокий уровень представленных докладов и развернувшейся по ним дискуссии. Обсуждение поставленных проблем высветило широкий спектр теоретических подходов и методов, каждый из которых по-своему способствует изучению истории революции 1917 года в России.

Секция № 5. ция 1917 года в России и война

Револю-

Руководитель:

к.и.н., доцент В.В. Алексеев

Присутствовали и выступали: 12 человек. Среди них: 1 преподаватель МГУ им. М.В.Ломоносова, 1 преподаватель МГИМО МИД России, 2 преподавателя Пермского государственного национального исследовательского университета, 1 профессор Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского, 1 сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, 1 представитель непризнанной Донецкой Народной республики.

И.Э. Магадеев – к.и.н., доцент МГИМО МИД России

«Кризис российской армии в 1917 г. глазами французских военных»

Доклад был построен на использовании методологии такого течения в исторической науке, как имагология. Свою задачу докладчик видел в том, чтобы выявить основные методики анализа и оценки состояния русской армии в течение Первой мировой войны иностранными наблюдателями. В центре внимания оказались оперативные донесения, дневники и мемуары представителей французской военной миссии, которые находились при различных штабах Российской императорской армии. И.Э. Магадеев обосновал, что французские наблюдатели достаточно объективно оценивали эволюцию состояния русской армии на разных этапах войны. На основании этих данных правящие круги Франции выстраивали свои взаимоотношения с союзником по Антанте. Вместе с тем на восприятие французами русской армии влияли некоторые устоявшиеся стереотипы о России, которые исторически сложились на Западе. В частности это касалось представлений о безнадёжной технической отсталости России.

**Л.А. Обухов – доцент кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета
«Роль «человека с ружьём» в революции 1917 года (по материалам Урала)»**

Л.А. Обухов осветил ситуацию в запасных воинских частях, которые дислоцировались в Уральском регионе в течение Первой мировой войны. Было отмечено, что ранее советская историография основное внимание уделяла борьбе политических партий за влияние на армейские массы в предреволюционный период. Но при этом практически не рассматривались стихийные тенденции, которые вызревали в войсках в 1917 г. Хотя большая часть солдатских комитетов на Урале весной-осенью 1917 г. консолидировалась с местными Советами рабочих и солдатских депутатов, они, тем не менее, имели самостоятельную позицию по ряду вопросов. Специфика военных тыловых частей заключалась в том, что отдельные подразделения были не обычными запасными образованиями, а работали непосредственно на оборонных заводах в качестве рабочих.

Что касается реакции солдат на политическую агитацию большевиков, то она в ряде случаев была отрицательной, что обеспечивало голосование на выборах в пользу представителей партий эсеров и меньшевиков. Отторжение прежде всего вызывала капитулянтская по мнению солдат позиция партии большевиков с точки зрения стоит ли продолжать войну далее в момент летнего наступления 1917 г. Отдельно докладчик остановился на том, каким образом на поведение гарнизонных частей и их колебания в политическом плане сказывалась неопределённость в действиях властных институтов на местах.

Н.В. Подпрятков – д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета

«Проблемы сохранения боеспособности армии в 1917 году в условиях ускоренной национализации воинских частей»

Чтобы восполнить значительные потери личного состава, высшее русское командование на завершающей стадии Первой мировой войны стало создавать воинские формирования, укомплектованные преимущественно этнически однородными по происхождению военными служащими из западных и кавказского регионов Российской империи. Причём целенаправленно происходило развёртывание отдельных этнических подразделений в соединения более высокого порядка – дивизии и даже корпуса. Докладчик выделил хронологические этапы в создании этнически-национальных частей, разницу в подходах со стороны русского генералитета к данному процессу, отметил конкретную специфику в разных случаях. Было продемонстрировано, что нередко влияние оказывали текущие тактические задачи, а вовсе не продуманная стратегия в этом вопросе. Особое внимание было уделено тому, каким образом революционная обстанов-

ка сказывалась на пробуждении национального самосознания и национальную самоидентификацию призванных в армию. Докладчик отметил, что в реальности боеспособность национальных формирований была низкой. В частности не оправдали ожидания украинские и армянские части, которые не проявляли должной стойкости в боестолкновениях. Очень часто в 1917 г. этнические военнослужащие попадали под влияние национальных политических партий. В целом это внесло свою лепту в общий развал русской армии.

Положения доклада Н.В. Подпрятова вызвали дискуссию относительно оценки степени дисциплинированности и боеспособности конкретных национальных формирований, успехов среди них большевистской пропаганды.

А.М. Попов

«Военная авиация и революция: кризис государственного управления как фактор февраля 1917 года»

Доклад, основанный на широком круге архивных материалов, в центр внимания поставил деятельность великого князя Алексея Михайловича, созданного им Отдела воздушного флота, деятельность подведомственной ему лётной школы по подготовке кадров военных лётчиков в ходе Первой мировой войны. При этом была показана та негативная роль, которую великий князь сыграл в торможении создания отечественной базы авиастроения, особенно препятствие производства тяжёлых бомбардировщиков «Илья Муромец». Также отрицательной оказалась попытка обособить, дистанцировать авиацию под предлогом её элитарности от других родов войск. Великий князь Алексей Михайлович по разным поводам оказывался в конфронтации с генералитетом. В совокупности это приводило к дискредитации государственных структур, что разлагающе действовало на лётный состав. Непродуманные кадровые назначения, которые делал Алексей Михайлович и его фронда по отношению к высшему военному командованию подрывали авторитет императорской семьи и объективно расшатывали устои монархии.

Докладчик ответил на ряд заданных ему вопросов, касающихся возможной коррупционной составляющей при лоббировании им интересов французских производителей аэротехники; степени профессиональной выучки русских лётчиков.

Е.В. Романова – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

«Революционная Россия как союзник в войне? Взгляд из Великобритании»

Были продемонстрированы разные взгляды и оценки британских военных и государственных кругов относительно места России в геополитическом раскладе Первой мировой войны. Специально было уделено внимание изменению

взглядов истеблишмента Великобритании в связи с начавшейся революцией. Докладчица показала, что в английской правящей верхушке не было единой точки зрения на происходящие перемены. Если парламентские деятели надеялись на положительный результат революции в России, государственное руководство и военный генералитет придерживались противоположного мнения, исходя из военно-политических интересов Великобритании и перспектив затягивании войны. Всё это влияло на оказание экономической поддержки и поставок вооружений России. Одновременно была прослежена динамика изменений во взглядах британских верхов в связи с конкретным ходом событий на Восточном фронте и общими политическими процессами в России.

О.В. Романько – д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета Крымского федерального университета имени

В.И.Вернадского

«Оккупации Крыма в 1918 и 1941-1944 годах как показатели изменений в германской «восточной политике»

О.В. Романько на основе методологии компаративистики предложил новый подход к рассмотрению методов и результатов хронологически разновременных немецких оккупаций Крыма – в 1918 и 1941-1944 годах. Они анализировались в контексте общих тенденций германской геополитики. Были выявлены различия в подходах к организации управления территорией Крыма в первом и втором случае. Во время первой оккупации довольно значимым фактором являлось наличие на территории полуострова немецких колонистов. Хотя насчёт их использования в политических целях имелись разногласия между германским военным руководством и МИДом. Конкретные мероприятия оккупационных властей определялись текущим моментом. Не вызывало противоречий только стремление ослабить влияние Турции на данный регион. Вместе с тем, марионеточный режим Сулькевича при немцах пользовался достаточно широкой автономией.

В период второй оккупации Германией Крыма в большей степени целенаправленно создавались обособленные структуры немецкой администрации. Налицо были иные приоритеты в сравнении с первой оккупацией. Также неоднозначно можно говорить о феномене коллаборационизма. В 1918 г. он был менее развит, что, вероятно, определялось неопределённостью ситуации на фоне развала Российской империи после революции 1917 г.

В.А. Стадник – ст. преподаватель Донецкого высшего общевойскового командного училища

«Политические движения в Донбассе: 1917-1920 гг.»

После свержения монархии, центральная власть ослабла и практически утратила своё влияние на регионы. В условиях начавшейся в ходе революции

1917 г. Гражданской войны на юге России развернулось повстанческое движение. По своей политической ориентации оно представляло конгломерат различных течений. Среди них можно выделить те, которые находились под влиянием большевистской, анархистской и украинско-националистической идеологии, а также откровенно уголовно-бандитские формирования. Наиболее влиятельную силу представляла группировка Нестора Махно, которая на пике своих успехов контролировала довольно обширную территорию на юго-востоке Европейской части России.

На методы и направления деятельности повстанцев влияли внутренние и внешние факторы. Так высокая степень концентрации промышленного производства на Донбассе предопределила распространение влияния большевиков на местный пролетариат. Результатом стал отказ подчиниться правительствам Центральной Рады и гетмана Скоропадского в Киеве, образование самостоятельной Донецко-Криворожской республики. Рабочие и шахтёры Донецкого угольного бассейна в условиях немецкого наступления 1918 г. вынуждены были преобразовывать добровольческие красногвардейские дружины в регулярные воинские части. Попытки донского казачества вовлечь Донбасс в орбиту Белого движения были отбиты.

Что касается движения батьки Махно, то оно имело в значительной степени стихийно-анархический характер. При этом его антибольшевистская направленность во многом проистекала из ошибок Советской власти, допущенных в решении аграрного вопроса. Были прослежены перипетии взаимоотношений Махно с Красной армией и советским руководством на разных стадиях Гражданской войны. В конечном итоге логика развития событий привела к тому, что различные течения повстанческого движения деградировали, выродились в примитивно-безыдейные уголовные банды к 1920-му году.

К.А. Тарасов – к.и.н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

«Наступление как «общее дело». Вопрос о пополнениях в Петроградском гарнизоне в 1917 г.»

Доклад был посвящён рассмотрению вопроса о том, каким образом революционная риторика влияла на настроения солдатского состава Петроградского гарнизона. Среди него имелись разные взгляды на дальнейшее продолжение войны. Лозунги Февральской революции о «революционном оборончестве» воспринимались слабо. Если маршевые роты, выделяемые из гарнизонных запасных полков для отправки на фронт, делали акцент на необходимости единения русского общества в военной обстановке, то остальные солдаты, особенно ветераны, выступали за посыл в воюющие части представителей силовых структур (полиции и жандармерии), новобранцев, «белобилетников», а также

«мародёров тыла» представителей буржуазных кругов и спекулянтов. Власти, несмотря на в значительной степени стихийность возникновения, вынуждены были учитывать, что в Петроградском гарнизоне налицо было отторжение «ура-патриотических» призывов, которые раздавались сразу после Февральской революции. Поэтому никаких организационных, и уж тем более репрессивных, мер в отношении уклонистов не предпринималось. Всё это ещё в большей мере способствовало расколу общества на противоборствующие слои и в дальнейшем предопределило провал военной политики Временного правительства, а также поворот частей Петроградского гарнизона в сторону большевистской агитации.

Секция №7.

Революция 1917 года в России и государство

Руководитель:

д.полит.н., проф. И.И.Кузнецов

В начале работы секции «Революция 1917 года в России» с вступительным словом выступил руководитель секции доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова И.И.Кузнецов. Профессор И.И.Кузнецов приветствовал участников работы секции и обрисовал круг вопросов, которые будут подняты. Он также подчеркнул актуальность изучения механизма смены государственной власти в ходе революции, изменения принципов государственного строительства, выборного законодательства и конституционного права на этапе революционного скачка. Профессор И.И.Кузнецов призвал участников секции активнее участвовать в дискуссиях и высказывать свое мнение.

Первым с докладом выступил **д.полит.н., заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова профессор А.И. Соловьев**. Его выступление «**Революции и перевороты: исторические смыслы и политические резонансы современности**» было посвящено общим вопросам закономерностям перехода власти в ходе революции. Он говорил о том, что ретроспективный анализ революционных событий 1917 года в России помогает осмыслить теоретические основы революционных процессов, в том числе и на современном этапе. Профессор А.И. Соловьев указал на общие черты революции как политического процесса, сравнивая его черты Российской империи в 1917 году и в настоящий момент на Украине, а также рассказал о важных особенностях развития событий каждой

революции. Такой подход вызвал интерес и поддержку профессора И.И. Кузнецова и профессора В.Г. Кошкидько.

Доклад **д.и.н., профессора Московского городского педагогического университета О.Г. Малышевой** был построен на широком круге архивных материалов по истории представительных учреждений в России в 1917 году. Массив источников по истории Московской городской думы вводится исследователем в научный оборот впервые. Профессор О.Г. Малышева обобщила результаты деятельности Государственной думы в 1917 году. Центральной проблемой ее выступления стал анализ причин, по которым Дума осталась в феврале 1917 года «на обочине истории». Исследователь поставил вопрос о взаимоотношениях Временного правительства, сформированного по инициативе Временного Комитета Думы, с формально продолжавшим существовать до октября законным органом представительной власти. В этой связи, профессор О.Г. Малышева говорила о роли Временного комитета Государственной думы в отречении императора и о разработке нового выборного законодательства в связи с вопросом об Учредительном собрании.

Близким по тематике к выступлению профессора О.Г. Малышевой был доклад **д.и.н., заведующего кафедрой регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова В.Г. Кошкидько**. В его выступлении «Деятельность Временного правительства по реформированию местного самоуправления (март - октябрь 1917 г.)» рассматривается деятельность созданного 25 марта 1917 г. для разработки нормативно-правового обеспечения реформы и её проведения Особого совещания при Министерстве внутренних дел. В нем анализируются нормативные документы, разработанные Особым совещанием. Эти документы должны были составить основу реорганизации местного самоуправления. Автор пришел к выводу о том, что задачи, поставленные Временным правительством в 1917 г., свидетельствовали о его стремлении с одной стороны укрепить самостоятельность местного самоуправления, с другой, создать надежную систему управления, которая способна оперативно обеспечивать на местах реализацию идей центральной власти.

Близкая проблема, по только несколько в ином ракурсе, была поставлена в сообщении **к.социол.н., доцента Российского государственного социального университета М.С. Байновой**. Она рассматривает выборы в Учредительное собрание как этап развития избирательной системы в России. Автор утверждает, что неудача, постигшая само учредительное собрание, требует дополнительной критической оценки процесса выборов.

Большой интерес участников работы секции вызвало выступление **к.и.н., доцента исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

М.И. Голубевой «Проблемы легитимности власти в революции». В центре него был поставлен вопрос об отношении различных сил, боровшихся за власть в России в 1917 году, и органов их представляющих к вопросу о собственной легитимности. Доцент М.И. Голубева говорила о различиях в позиции по данному вопросу Временного правительства всех составов, Советов в период с февраля по октябрь 1917 года и советской власти после Октябрьского вооруженного восстания. Она также коснулась неудачных попыток самодержавия сохранить свою власть с помощью юридических коллизий.

Дискуссионным оказалось утверждение доцента М.И. Голубевой о том, что большевики считали основой легитимности своей власти волю части народа, поддержавшего их в момент вооруженного восстания. По утверждению автора, II Съезд Советов стал новой советской конституантой, которая отвергла другую, абсолютно легитимную конституанту, Учредительное собрание.

Профессор А.И. Соловьев просил уточнить, в чем автор видит различия между легитимностью и законностью власти. Острое обсуждение вызвал также вопрос о том, как и когда советская власть превратилась в законную государственную власть в России. Доцент М.И. Голубева пояснила, что на ее взгляд, это – длительный и многоступенчатый процесс, завершившийся полосой международного признания СССР. Она также отметила, что проблема легитимизации власти в настоящий момент в исторической науке разработана слабо, и поэтому в нем больше вопросов, чем ответов. Председатель секции профессор И.И. Кузнецов поддержал докладчика в ее последнем тезисе и призвал коллег обратить внимание на этот острый вопрос.

Об одной из неизвестных страниц российской правовой мысли говорил в своем выступлении **директор института истории и политических наук Тюменского государственного университета, профессор С.В. Кондратьев.** Его доклад посвящен ныне почти забытому русскому правоведа, специалисту по общественной мысли античности и нового времени, музыковеду, профессору Константину Алексеевичу Кузнецову. К.А. Кузнецов, служа в 1917 году в Новороссийском императорском университете, создал целостный проект Конституции, который предполагал предложить на рассмотрение Учредительному собранию. Профессор С.В. Кондратьев отметил примечательный факт, что К.А. Кузнецов научно обосновал необходимость введения в России парламентской республики.

Завершая работу секции, профессор И.И. Кузнецов поблагодарил всех участников за интересные выступления. Председатель еще раз указал на актуальность проблем государственного строительства и права в период Революции 1917 года в России, а также подчеркнул, что эти проблемы носят междисци-

плинарный характер и должны стать предметом совместного изучения историков, политологов, юристов, социологов и философов.

Заседание секции «Революция 1917 года в России и государственность» прошло в конструктивной деловой атмосфере. Что отметили все участники работы секции.

Секция №8

Революция 1917 года в России и общество

Подсекция А. Революция 1917 года и идеологическое противостояние.

Руководители:

академик РАН М.К. Горшков;

к.и.н., доцент Л.В. Жигальцова.

На секции было представлено 11 докладов.

О.С. Березкина – к.полит.н., доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова выступила с докладом на тему: «**Советское общество как результат Октябрьской революции**». Основная проблема, рассмотренная в докладе - каков характер советского общества, сложившейся после Октябрьской революции и насколько было предопределено крушение системы, породившей это общество. Автор отмечает, социальная стратификация в СССР рассматривается историками в рамках разных концепций, среди которых, помимо официальной советской концепции, выделяются теории классового общества (номенклатура – господствующий класс) и теории неклассового (этакратического либо неэгалитарного слоевого) общества. Характер неравенства в СССР остается одним из наиболее острых дискуссионных вопросов. В рамках анализа социальной стратификации необходимо учитывать специфику сложившейся в СССР «эгалитарно-корпоративной» модели социального государства. Распространенные характеристики политической системы в СССР как тоталитарной или авторитарной не вполне адекватны. На практике попытки учесть революционные идеи в конкретных условиях обернулись построением режима «тоталитарной демократии». Автор выделил сильные и слабые стороны этой системы, и пришел к выводу, что падение этой системы не был предопределен. Основной причиной Березкина О.С. называет неадекватную политику высшего партийного руководства, свидетельствующая о деградации политической элиты.

В докладе **О.И. Митяевой – д.и.н. профессора кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова** на тему **«П.Н. Милюков как участник и историк Российской революции 1917 г.»**.

Автор в общих чертах характеризует биографию известного историка и политического деятеля. При этом Митяева О.И. подробно останавливается на следующих известных фактах его биографии: знаменитой речи, произнесенной в 1916 году «Глупость или измена?»; попыткам спасти царскую семью; стремлению, будучи министром иностранных дел Первого Временного правительства, довести Первую мировую войну до «победного конца». Интересны были выводы автора доклада, посвященные анализу позиции Милюкова П.Н. по следующим вопросам: причины полного краха монархии, жизнеспособность Временного правительства; причины успешной тактики большевиков.

Доклад **Н.П. Никитиной – к.и.н., доцента, декана исторического факультета Псковского государственного университета «Реализация проекта “волостное земство” в Псковской губернии в 1917 г.»** был посвящен весьма интересной проблеме - способности волостных организаций в условиях 1917 года решать насущные проблемы крестьянства. Никитина Н.П. подробно останавливается на следующих вопросах: разработка проекта всесословного органа местного самоуправления; практическая реализация этого проекта в мае-июне 1917; позиция крестьянства в этом вопросе; попытки решения продовольственной проблемы. На основе местного архивного материала автор пришел к интересному выводу. Неспособность новой структуры решать наиболее болезненные вопросы действительности, в особенности – земельного вопроса, привело к возрождению традиций общины.

И.В. Омелянчук – д.и.н., профессор Владимирского государственного университета представил доклад на весьма актуальную тему **«Контрреволюция, которой не было, или Почему монархисты не встали на защиту монархии в 1917 г?»**. Автор отметил основные этапы формирования монархического движения, указывая на его слабые стороны: отсутствие единства вследствие личных амбиций лидеров, должной поддержки со стороны правительства. Преодолеть разрозненность не удалось и в годы Первой мировой войны. К началу 1917 года реально действовали только три организации в Астрахани, Одессе и Петрограде. Таким образом, правые партии пройдя драматическую эволюцию с 1905 по 1917 гг. и будучи одной из ведущих политических партий в 1905 году, в 1917 году сошли со сцены без сопротивления. Среди главных факторов подобной трансформации Омелянчуком И.В. выделены: пассивность масс, отсутствие финансовых средств и государственного субсидирования, репрессии в отношении правых со стороны власти, пропаганда против правых.

К 1917 году у монархии не было социальной опорой кроме монархических партий. Однако у самих партий не было сил для возрождения и развёртывания активности.

Д.и.н., профессор Л.С. Леонова, заведующая кафедрой истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в своем докладе «**Российская революция 1917 г. в интерпретации П.Б. Струве**», справедливо указывает на то, что труды одного из виднейших политических деятелей требует дальнейшего изучения. Автор анализирует основные взгляды известного либерала на причины русской революции, главной из которых является «государственное отщепенство». Л.С. Леонова останавливается на основных положениях, выдвинутых П.Б. Струве в сборнике «Из глубины». Мыслитель и политический деятель оценивал революцию в России как глобальную катастрофу.

Два доклада, представленные в секции, были сделаны на схожую тему участия женщин в общественно-политическом движении накануне и в ходе революции:

В.Н. Романишиной – к.и.н., доцентом, помощником сенатора Совета Федерации ФС РФ «Женский фактор Великой русской революции» и Л.В. Жигальцовой – к.и.н., доцентом кафедры истории России XIX - нач. XX вв. исторического факультета МГУ им. Ломоносова “Женский фактор” в событиях 1917 г.».

В первом докладе «Женский фактор Великой русской революции», автор останавливается на известных фактах женского движения до революции: борьбе за право на высшее образование и профессиональную реализацию; политическую борьбу в ходе первой русской революции; деятельности женских организаций между революциями 1905-1907 гг. и 1917 г. В качестве особой вехи автор выделяет I мировую войну. Более подробно Романишина В.Н. останавливается на событиях Февральской революции и последовавших после этого основных действиях женских организаций, результатом которых было получение избирательных прав.

Во втором докладе – «Женский фактор» в событиях 1917 г.» - Жигальцова Л.В. поставила ряд проблем, существующих, на ее взгляд, в этой теме.

Первая проблема – признавая определенные изменения в положении женщин в годы Первой мировой войны, ее большую вовлеченность в производственную и общественную сферы, - насколько действительно можно считать

«женский фактор» важным в развитии протестного движения? При ответе на этот вопрос автор привел ряд фактов, объясняющих рост политической активности женщин: феминизация труда на производствах и одновременное сохранение неравенства в оплате труда, неполноправность в социальном обеспечении; увеличение количества женщин в медицинской сфере и решение ими таких сложных проблем, как борьба с эпидемиями, антисанитарией. Наконец, именно на их плечи ложится тяжесть сохранения семья и воспитания детей в отсутствии мужчин, отправленных на фронт. В условиях военного времени женщины оказываются наиболее слабо защищенной категорией. Женщины становятся участниками многих протестов, связанных, например, с дефицитом продуктов и растущей дороговизной. Женские бунты начались гораздо раньше, чем принято считать – с конца 1915 года. Вторая проблема, выявленная автором – насколько существовавшие женские организации были готовы участвовать в политической борьбе. Нужно отметить, что для женского движения в целом была характерна социальная ориентированность, стремление решать наиболее острые проблемы, касающиеся средних и низших слоев населения. Однако в движении накануне Первой мировой войны присутствовали все та же проблема, характерная для практически всех политических сил в России – отсутствие единства. Самые яркие фигуры женского движения демонстрировали различные политические убеждения. В связи с этим важно считаться с позицией ведущих политических сил в вопросе равноправия.

В докладе **к.и.н. Д.И. Пейча**, посвященного роли анархистов в революции 1917 года, уделено внимание серьезной проблеме – насколько реальным было участие анархистских сил в Февральской и Октябрьской революциях. Пейч Д.И. убедительно показал, что анархисты имели влияние на заводах, в рабочих ячейках, участвовали в демонстрациях, разворачивали наиболее радикальные лозунги, призывая к свержению любой власти. Рост их влияния был обусловлен рядом фактов: амнистией в отношении политических заключенных, объявленной Временным правительством; значительным числом анархосиндикалистов, прибывших в Россию из США в 1917 г. Автор останавливается на вопросе борьбы между большевиками и анархистами, указывая, в течение 1917 года последние имели высокий авторитет среди матросов и солдат. По мнению докладчика, одной из главных причин поражения анархистов в борьбе за влияние на массы в 1917 году стала плохая связь и слабые контакты между анархистскими организациями; слабое присутствие их в Советах.

В докладе **И.П. Петухова** – ст.н.с. Государственного музея политической истории России (Санкт-Петербург) – «От левых эсеров к большеви-

кам: “народники-коммунисты” и “революционные коммунисты” в Петрограде (1918 - 1920 гг.)» - освещены основные этапы развития партии эсеров после 1917 года. Автор останавливается на проблеме раскола партии, резкого снижения численности партии и причинах такового. Известно, что в 1918 г. начинается слияние части левых эсеров с большевиками. Петухов И.П. указывает, что причины слияния с большевиками прежде всего были идеологические, с их точки зрения для будущего успешного развития дела революции требовался синтез идей. Кроме того, был важен также фактор Гражданской войны. Также играли роль причины психологического свойства - в 1918 г. шёл спад политической активности, все труднее было рекрутировать новых людей.

В докладе **к.и.н., доцента кафедры истории общественных движений и политических партий России исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова С.А. Ермишиной – «Русские мыслители о революции 1917 г.»** - широко представлена палитра настроений русской интеллигенции после революции. Автор считает, что при поиске ответа на актуальный вопрос о причинах революции, стоит обратиться к рассмотрению взглядов интеллигенции начала XX века. Автор указывает, что сложившееся в историографии два традиционных определения позиции интеллигенции по отношению к революции – те, кто приняли и встроились в революционную парадигму и те, кто не смогли этого сделать – не является полной.

В докладе **Н.К. Морозова – д.и.н., профессора кафедры истории российской государственности Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ - “Источником слабости партии была её тактика”: причины побед и поражений партии социалистов-революционеров в 1917 г.»** - представлены весьма интересные суждения о причинах взлета и угасания популярности партии эсеров. Автор считает, что она в отличие от других партий значительно хуже понята и осмыслена советской и постсоветской историографии. Автор доклада озвучил тезис, выдвинутый зарубежными историками, - что единственная партия, которая могла стать платформой для объединения разнообразных сил - именно партия эсеров. Они были везде сильны, включая интеллигенцию низовых слоев. Позиция эсеров: без демократии и свободы социализм превращается в казарму. Именно это и должно было стать основой будущего общества. Однако этого не произошло. Главная проблема, по мнению автора, - отсутствие адекватной тактики, соответствующей задаче объединения различных политических сил, эсеры следуют тактике большевиков. Вторая причина - отсутствие общепартийного вождя.

Подсекция Б. Революция 1917 года и проблемы эмиграции

Руководители:
профессор С.А. Байбаков
доцент Л.П. Муромцева

д.и.н.,
к.и.н.,

В ходе работы секции из 10 заявленных докладов было заслушано 7. Их тематика отличается широтой диапазона: феномен культуры русского зарубежья; понимание патриотизма в эмигрантской среде; языковая культура первой волны русской эмиграции; иммиграционная политика советского государства; размышления о природе русской революции ведущих представителей общественной мысли русского зарубежья; современные трактовки закрепления итогов российской революции 1917 г. в первой советской конституции; воспоминания П.Н. Милюкова и Н.Н. Суханова как источник по истории российской революции 1917 г. Эти проблемы были представлены и обсуждены под различными ракурсами, поскольку в заседании участвовали не только специалисты по российской истории, но и источниковеды, историографы, политологи, философы. Каждому выступающему было задано от пяти до семи вопросов.

В докладе **М.И. Косоруковой** – к.и.н., доцента кафедры истории РЭУ имени **Г.В. Плеханова** отмечалось, что общим для российской эмиграции первой послереволюционной волны было противодействие процессам ассимиляции в инациональной среде, стремление создать за границей «малую» Россию. При всей разноплановости творений деятелей российской эмиграции в их произведениях была объединяющая основа, «стержень» в качестве которого выступало национальное самосознание, выраженное в русской идее. Однако отсутствие связи с Родиной привело к тому, что носителем культуры русского зарубежья было главным образом поколение эмигрантов. Следующие поколения, выросшие в эмиграции и лишённые национальной почвы, постепенно подверглись ассимиляции.

В докладе **Н.И. Голубевой–Монаткиной** – д.фил.н., профессора кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода МГУ имени **М.В. Ломоносова** рассматривались особенности русской речи потомков первой («белой») эмиграции во Франции и Канаде (по материалам магнитофонных записей, сделанных автором в начале и середине 1990-х годов). Были приведены результаты анализа словарного запаса информаторов. Автор сделала вывод о

том, что уже в 1990-х годах русский язык первой эмиграции переставал существовать: у третьего и четвертого поколений потомков эмиграции этот язык – не «язык из семьи», а язык выученный.

В докладе **С.А. Байбакова – д.и.н., профессора кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова** были проанализированы новые подходы в трактовке первой советской Конституции. Автор отметил такую особенность современной российской историографии как её политконцептуальность. В ходе коренного переосмысления конституционного оформления итогов российской революции учёные наряду с социальными завоеваниями трудящихся, обращают внимание на идеологические миражи романтиков революции, просчёты фанатичных вождей наиболее радикально настроенной части общества, склонной к насильственным методам борьбы и правовому нигилизму.

В плане междисциплинарного подхода рассмотрены два понятия, недавно введённых в научный оборот. Согласно одному из них, Конституцию 1918 г. предложено считать первым воплощением экстрасоциальной с частичным инструментальным компонентом модели тоталитарного социализма. Согласно другому – первым примером «номинального конституционализма», характерным для тоталитарных режимов.

В докладе **Л.К. Рябовой – к.и.н., доцента Института истории СПбГУ** в источниковедческом аспекте рассмотрен «Новый журнал», основанный в Нью-Йорке в 1924 г. М. Алдановым и М. Цетлиным. Он стал известнейшим в истории русской эмигрантской периодики «толстым» журналом, позицию редакции которого разделяли далеко не все за пределами Америки. Публикация серьёзных аналитических материалов ведущих представителей экономической, социологической, политической и общественной мысли русского зарубежья отличала журнал «Новый мир» от многих других эмигрантских изданий послевоенных десятилетий. В статьях М.М. Карповича, Н.С. Тимашева, А.Ф. Керенского, Ю.П. Денике, А.Н. Зака, А.Д. Билимовича, Д.Ю. Далина, Г.К. Гинса, Г.П. Федотова и других учёных и мыслителей русского зарубежья давались профессиональная аналитика предреволюционного развития России и «траекторий» развития после революции, комментарии «текущего момента», прогнозы и сценарии возможного политического развития.

В докладе **З.С. Бочаровой – профессора кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем, факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова** отмечалось, что сложилась Зарубежная Россия вне границ, жившая, по словам С. Лифаря, своей жизнью, дышавшая воздухом. Внетерри-

ториальная российская квазигосударственность за рубежом имела собственную инфраструктуру, реализовалась в попытках создания преемственного органа государственной власти, продемонстрировала беспрецедентные примеры самоорганизации, имела представительства в международных организациях. Как отметил Е.И. Пивовар, была сформирована основа «параллельной линии российского исторического процесса». А вместе с тем прошла линия водораздела и в понимании патриотизма.

Если Советская Россия воплощала революционные перемены, то Зарубежная декларировала отстаивание классических ценностей, заявляя, что изгнанники унесли с собой Россию на подошвах своих сапог, вместе с родной почвой, которая питает культуру, духовность, что она находится «не в изгнании, а в послании». Приверженность традиции, уверенность в скором крушении советской власти и возвращении на родину давала основания эмиграции говорить о преемственности с дореволюционной Россией, т.е. той Россией, которую мир признавал, а большевики разрушили, отстаивать идею своей миссионерской роли, о том, что подлинная Россия – в Зарубежье. Провозглашался разрыв не с Родиной, а с большевизмом.

Важнейшим структурообразующим элементом Зарубежной России являлась Русская Православная Церковь, несмотря на раскол в её верхушечной части. Она была мощной духовной опорой и собирательницей русского мира. Продолжали действовать не только прежние духовные и религиозно-нравственные начала, но и совокупность старых социальных норм, определявших общественное положение людей, иерархические традиции, взаимоотношения.

В докладе **О.В. Серова** – доцента МГПУ, имеющем источниковедческий характер, указывается, что Революция в России отражена в огромном количестве исторических источников и является предметом исследования многих учёных и научных школ. Казалось бы, большинство революционных событий известно и достаточно подробно описано в исторической литературе. Однако это не исключает различные трактовки одних и тех же революционных процессов, порой противоположных оценок исторических личностей, их роли и значения. Всё это напрямую относится к непосредственным участникам русской революции П.Н. Милюкову и Н.Н. Суханову. Павел Милюков – лидер кадетской партии, был не только всероссийским борцом с самодержавием, но и непримиримым врагом победивших большевиков. Николай Суханов (Гиммер) вступил в ряды социал-демократов на гребне революции в 1917 году и как Павел Милюков был одной из ключевых фигур Русской революции, являясь членом Испол-

нительного комитета Петросовета. В отличие от Милюкова Суханов был близок к большевикам, не иммигрировал, что, впрочем, определило его расстрел в сталинском ГУЛАГе. И Милюков, и Суханов написали воспоминания о своём участии в революционных событиях. Оба не скрывали своего личного отношения к происходящему, пытались понять и оценить случившееся. «Воспоминания» П.Н. Милюкова и «Записки о революции» Н.Н. Суханова являются ценнейшим источником, и кто бы ни брался описывать Русскую революцию, не сможет игнорировать эти мемуары.

Мемуары Милюкова и Суханова показательны не только тем, что авторы были в гуще событий, чрезвычайно информированными людьми, но и тем, что их оценки и выводы лежат в основе многих исторических концепций. Сторонники конспирологических теорий указывают на участие мемуаристов в тайных собраниях и заговорах, советские историки упирают на крах политической деятельности, на отображении роли народных масс в революции. Интересно, что оба мемуариста участвовали в формировании революционного правительства в Таврическом дворце, были лично знакомы и потенциально, оба имели шансы возглавить революцию, конечно же, находясь на различных политических платформах.

Одна из наиболее актуальных проблем в изучении революции в России, значение и оценка революционных событий. Милюков пишет о крахе революции, о «красном термидоре» и гибели России. Суханов, признаёт правоту большевиков, сожалеет о своём уходе со II Всероссийского Съезда Советов. Очевидна грандиозность революционных событий, потрясших основы старого миропорядка.

В совместном докладе **В.А. Волоха – д.полит.н., профессора Государственного университета управления** и **В.А. Суворовой – к.полит.н, доцента Государственного университета управления** был выделен комплекс нормативных актов, составляющих основу иммиграционной политики, направлений регулирования, создание легально контролируемого иммиграционного процесса. В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 Г. издавать законы имели право Всероссийский Съезд Советов, ВЦИК, СНК (ст. 31, 38, 49). НКВД 12 января 1918 г. объявил «Новые правила въезда в Россию из-за границы русских граждан». «Новые правила» упростили порядок получения въездных документов. Вместо двух инстанций право выдачи паспорта для въезда российских выходцев в советскую Россию из-за границы получили представители России в зарубежных странах. Они пересылали опросные листы непосредственно на пограничные пункты, только уведомляя об этом правовой отдел и Генштаб. В 1919 г.

в советских государственных учреждениях, в ВСНХ и Наркомземе, начались переговоры о переселении в Россию западноевропейских рабочих для работы на ряде производственных объектов в промышленности и сельском хозяйстве. Первый документ по этой проблеме был принят Совнаркомом РСФСР 7 августа 1919 г. В 1920 г. эта проблема продолжала обсуждаться правительством, после чего были приняты новые документы.

Секция 9.

Революции 1917 года и становление внешней политики новой России

Руководители:

д.и.н., профессор А.С. Манькин

к.и.н., доцент А.И. Остапенко

Вступительное слова руководителя секции проф. А.С.Манькина.

Е.М. Миронова – к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН
ский МИД на переломе эпох: год 1917»

«Россий-

Выступавший начал свой доклад с описание структуры внешнеполитического ведомства в начале XX века, выделив изменения, произошедшие сразу же после революционных событий 1917 года.

Докладчик подчеркнула, что в момент захвата власти связь между центральным ведомством и заграничными представительствами практически прервалась. Для зарубежных работников это был шок. Они отказывались признавать новую власть. Посольства плохо разбирались в ситуации, но быстро приняли решение не признавать большевиков. Дипломаты считали, что нужно продержаться какое-то недлительное время и в скором времени большевистская власть падет. В ноябре был создан совет послов с центром в Париже (консультативный орган). Дипломаты считали, что Петроград – это еще не вся страна. Помимо него есть Россия «истинная» и именно ее они будут защищать. Совет послов видел своей задачей формирование политики союзников по отношению к России.

В заключение Е. М. Миронова подчеркнула, что нежелание зарубежных представителей подчиняться пришедшим к власти силам сыграла определяющую роль в дальнейшей деятельности российского МИДа первой четверти XX века. Вместе с тем дипломатическая система русского Зарубежья просуще-

ствовала до Второй мировой войны, а некоторые представительства продолжили или возобновили свою деятельность по ее окончании.

А.И. Остапенко – к.и.н., доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Идеи мировой революции и формирования дипломатического ведомства Советской России в конце 1917 – начале 1918 г.»

А. И. Остапенко, рассуждая о формировании новой структуры российского НКИДа после революции, отмечал следующее: большевики считали, что революционный взрыв в России ознаменует собой начало революций и на Западе. Поэтому они не видели необходимости в разработке концепции отношений со странами Запада, так как настоящие их правительства рухнут.

После Октября внешняя политика делалась в Народном комиссариате по иностранным делам, функции которого фактически ограничивалась пропагандой революции.

8 ноября на заседании ЦИК Л.Д. Троцкий объявил о том, что ведомство начинает публиковать документы. Это не осталось незамеченным в странах Антанты. Они заявили, что, в таком случае все контакты с большевиками станут невозможными. В ноябре во всех подконтрольных большевикам изданиях был опубликован ряд секретных документов. Тем не менее угроза публикации документов Центральных империй была выполнена не полностью.

Основной вывод, сделанный докладчиком, сводится к тому, что структура НКИД (к. 1917 – начало 1918) была настроена в основном на пропагандистские цели и подталкивание мировой революции.

Г.Ф. Матвеев – д.и.н, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Советизация Польши во внешней политике РСФСР в 1919-1920 гг.»

Г. Ф. Матвеев, рассуждая о внешнеполитической линии, проводимой большевиками в отношении Польши, пытался сделать вывод об общей стратегии внешней политики революционного правительства. Пример Польши и ряда других стран Восточной Европы позволил Г. Ф. Матвееву сделать вывод о том, что советская сторона вела себя ситуационно – в зависимости от конкретной ситуации проводилась определенная линия. То есть общей стратегии внешней

политики фактически не было, большевикам приходилось фактические ежедневно изменять выбранные векторы внешнеполитической ориентации и буквально на ходу формировать политику взаимодействия с зарубежными государствами.

С.В. Листиков – д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

В. Вильсон и революционный кризис России.

Сергей Викторович начал свое выступление, отметив, что 1917 год является крупной вехой в отношениях России с США. В годы Первой мировой войны образ России у просвещенных кругов США улучшился. Февральские события были восприняты в США с радостью и некоторой эйфорией. Они считали, что это шаг России на пути к демократии, а русский народ за счет произошедших событий получит новый стимул для участия в войне.

Осенью 1917 года в российско-американских отношениях началось сближение. Таким образом, основной вывод, сделанный Сергеем Викторовичем, сводится к тому, что февральские и октябрьские события в России необходимо считать отправной точкой в формировании американо-российского диалога в XX веке. Вместе с тем захват власти большевиками и состояние «русской смуты» было тесно связано с поиском вильсоновской администрацией альтернативных вариантов действий на русском направлении.

А.А. Вершинин – научный сотрудник кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Миссия Альберта Тома в революционной России (апрель – июнь 1917 г.)»

Рассуждая о российско-французских отношениях в период революционных событий в России, докладчик подчеркнул, что французы плохо владели ситуацией в России. В январе 1917 года в Россию отправилась высокая французская миссия. Они были заинтересованы в том, чтобы понять, что же на самом деле происходит в России. Несмотря на данные французской агентуры о приближающейся революции в России, случившееся стало большим удивлением для французской стороны.

Французским представителем в России в то время был Альберт Тома. Он сравнивал энергетику российского народа с тем, что было во Франции в конце XVIII века. «Это есть живая энергетика российской демократии. И она ни чем не противоречит нашим идеалам». Он предлагал на нее делать ставку. В отли-

чие от многих западных представителей Тома собирался поддерживать Советы. Только таким образом, по его мнению, можно было спасти ситуацию и сохранить фронт. Тома выступал в духе масс. Его идеи были во многом правильны, опередив мысли англичан на полгода, и во многом определив отношение французского правительства к правительству большевиков. Итак, миссия Альберта Тома стала важным этапом нереализованной политики стран Антанты по «приручению» русской революции.

А.Ю. Тимофеев – д.и.н., доцент Белградского университета **«Воздействие русских революционных событий 1917 года на Сербию»**

Анализируя официальные документы внешнеполитического ведомства Сербии, докладчик рассуждал о влиянии революционных событий в России на Сербию.

Алексей Юрьевич подчеркивал, что сербов не сильно интересовала сама Россия и что у с ней будет. Их волновало – будет ли Россия участвовать в войне и каковы будут ее дальнейшие действия на Балканах. Интересно, что часто свидетельства сербских дипломатов своему правительству никак не соответствовали действительности и были ошибочными.

В советской историографии превалировало мнение, что разрыв отношений между Россией и Сербией произошел в Октябре 1917 года. Однако современный взгляд на события 1917 года позволил исследователю прийти к выводу о том, что реально разрыв между двумя славянскими странами наступил уже после февральской революции.

Мирослав Радивоевич – докторант исторического факультета Белградского Университета (Сербия) **«Сербия и Великая Революция в России 1917 года»**

В отличие от предыдущего докладчика его сербский коллега больше рассуждал о политике большевистского правительства в отношении сербской стороны. Он неоднократно подчеркивал, что после революции Россией руководили либо те, кто имел противоречивое мнение о Сербии, либо те, кто не интересовался ей вообще.

Приход большевиков к власти ставил точку в планах Сербии на дальнейшую поддержку России. Октябрьская революция изменила характер сербско-

русским отношений. Вместе с тем Сербия активно поддерживала белое движение, рассчитывая на крах большевиков.

А.М. Шеляг – первый секретарь МИД России **«Подходы к решению польского вопроса в 1917 г.: по материалам российской и польской историографии»**

Анна Марковна построила свое исследование на анализе польской и отечественной историографии, сделав акцент на первую. Во время выступления она отмечала, что в 1917 году у поляков были политические силы, которые имели свое представление о решении польского вопроса. Они ориентировались на поддержку Великих Держав. Все больше они склонялись к независимости Польши.

Главным для поляков было создание польского национального правительства и подчинения ему польской армии. К лету 1917 года стало ясно, что надежды на это все-таки не оправдали себя. После этого на авансцену выходят польские политики, ориентировавшиеся на Антанту. Большая часть вопросов стала решаться в Париже.

Сравнивая подходы советской и польской историографии к рассмотрению данного вопроса, А. М. Шелест отмечала: польские историки подчеркивают, что февральская революция значительно повысила ценность польских войск для России.

И.М. Вершинина – к.э.н., доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова **«О некоторых закономерностях и тенденциях революции периода империализма (опыт Мексиканской революции 1910-1917 гг.)»**

И. М. Вершинина построила свое исследование вокруг сравнения мексиканской и российской революций начала XX века. Революция в Мексике являлась самой крупной революцией в Латинской Америке. До сих пор нет единого вывода, что это было. В большей степени взрыв в Мексике был обусловлен внутренними причинами: пустая казна, большие задолженности, разрушенная промышленность. Демократические свободы были принесены в жертву централизму. Главными лозунгами для Диаса стали призывы к построению жесткой вертикали власти. Модернизация достигалась путем жесткой эксплуатации крестьян. Он не смог добиться решения аграрного вопроса, а это был главный вопрос.

Очень сильно мексиканская экономика зависела от иностранного капитала.

Сравнения с российской революции, И. М. Вершинина пришла к выводу, что общее в двух революциях заключается в причинах, а именно - в характере модернизации начала XX века, которая разрушала общинный строй.

Цуй Чжэн – к.полит.н., научный сотрудник Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (Шэнья, КНР) «Анализ исторических материалов о помощи китайского народа Советскому народу во время Великой октябрьской революции»

Основной посыл китайского исследователя сводился к тому, что вклад китайского народа в события 1917 года в России нельзя недооценивать. Поддержка китайцев сводилась в основном к трем направлениям: а)помощь рабочих (до 1 млн). Китайские рабочие участвовали в штурме Зимнего дворца; б)помощь китайских военных; в)Помощь пострадавшим

В заключение Чу Чжен отметил, что современные китайские ученые обращают больше внимания на Октябрьскую революцию, так как она имеет важное значение для создания Коммунистической партии Китая. Именно Октябрь имеет важное влияние на выбор китайского пути.

Б.В. Сафронов – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина «Формирование восточной политики Советского государства»

Докладчик говорил о восточном направлении внешнеполитической деятельности революционной России и влиянии восточных соседей на происшедшие в 1917 году в России события. Реализация новой политики по отношению к странам Востока началась сразу после победы в революции. Россия приняла решения о выводе своих войск с территории Персии и захваченных территорий Турции. Кроме того, советское правительство предпринимало конкретные шаги по оказанию реальной помощи народам Востока с целью разжигания мировой революции. При этом помощь не ограничивалась только продвижением революционных лозунгов. Она носила в том числе и военный характер.

Революция 1917 года в России вдохновила народы Востока и привели в конечном итоге к разрушению мировой колониальной системы и новому развитию мирового сообщества.

О.А. Чернов – к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета «Чарыков о событиях 1917 года в России»

Докладчик посвятил свое исследование фигуре одного из ярчайших дипломатов России периода революционных потрясений начала XX века.

Накануне революции Чарыкова тревожило усиление прогерманской партии. Он полагался на то, что Николай II проявит твердую позицию и сепаратный мир заключен не будет. Февральскую революцию Чарыков воспринял положительно. В марте 1918 года он наносит визит Милюкову. Он расценивал новый режим как патриотический и рассчитывал на успех в войне. Однако октябрьские события и приход к власти большевиков Чарыков отказался признавать и уехал в свое имение в Севастополе.

Политику большевиков Чарыков оценивал крайне негативно, полагая, что они сформировали систему аналогичную крепостному праву, при этом не установив четкого порядка в государственном управлении. Решением проблемы, по мнению Чарыкова, могло стать наделение крестьян политическими и имущественными правами, а также формирование демократической федерации в России.

Подведение итогов работы секции.

Секция № 10.

Революция 1917 года в России в общественно-политическом дискурсе стран Западной Европы и Америки.

Руководители:

д.и.н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Л.С. Белоусов

д.и.н., профессор А.Ю. Ватлин

Luiz Guilherme Arcaro Conci
«The Influence of the Russian Revolution in the labor movements and in the formation of the communist parties in Latin America: Brazil, Argentina and Mexico» (Влияние Русской революции на рабочие движения и формирование коммунистических партий в Латинской Америке: Бразилии, Аргентине и Мексике).

Во введении докладчик подчеркнул, что 1917 год это год больших изменений не только для России и стран Европы, но и для Латинской Америки. Русская революция оказала даже большее влияние на страны Латинской Америки, чем проходившая в те годы Мексиканская революция. Под влиянием кризиса 1914 года и Первой мировой войны рассматриваемые страны Латинской Америки охватил период крупных крестьянских волнений и выступлений 1919–1923 годов. Под влиянием известий о революционных событиях в России в странах Латинской Америки активизировались выступления рабочих, в Аргентине в особенности — левого крыла Социалистической партии. В итоге, как отмечает докладчик, в Аргентине, Бразилии и Мексике образовались Коммунистические партии. Но в итоге влияние революции в России не оказалось «эффективным», сущностным, так как не привело к радикальным изменениям социального устройства рассматриваемых стран.

Л.В. Байбакова

«Твердой поступью суровых репрессий»: правительство США против радикализации американских левых во время российской революции 1917–1918 гг.»

По мнению докладчика, нельзя недооценивать огромного мирового значения русской революции 1917 г. В том числе это касается и США. События в России Октября 1917 г. привнесли в Америку революционный импульс, который реализовывался через Социалистическую партию США. Причем если правые социалисты приветствовали революцию в России, но отвергали переход от одной формы государства к другой, ратуя за электоральный процесс, то левые социалисты активно выступали за революционный захват, всеобщую забастовку и другие нелегальные действия. В планах левых социалистов были экспроприация собственности, захват власти и приход к власти трудящихся. Власти США опасались экспорта революции, социального взрыва и пытались очернять действия левых, демонизируя угрозу большевизма, который проникает в США под личиной либерализма. Предлагалось жестоко подавлять выступления, депортировать всех представителей революционного лагеря. Вильсон призывал

«твёрдой поступью суровых репрессий» пресекать революционные выступления. Борьба с революционным движением началась с западных штатов. Отмечается, что принята серия законов против большевизма — об уголовном преследовании за подстрекательство к мятежу и свержению действующей власти, закон о шпионаже, законы, запрещающие саботаж, всеобщую стачку. Население заставляли покупать так называемые "облигации свободы". Власти провоцировали массовых психоз из-за возможной революции и проникновения коммунизма, в стране создана атмосфера травли всех левых, тысячи людей попадали в тюрьмы. В итоге с сотен тысяч до десятков человек сократилась численность социалистических партий. Докладчик оценивает это как беспрецедентный пример нарушения прав человека в США, который в некотором смысле стал предвестником маккартизма периода холодной войны.

В.И. Журавлева

«Разочарование в Русской революции: американские радикалы между образом и реальностью»

В центре данного доклада — рассмотрение радикального американского дискурса русской революции. Его представляли «джентльмены-социалисты». Анализируя их взгляды, докладчик приходит к выводу, что, в отличие от представителей либерально-универсалистского и консервативно-пессимистического дискурсов в США, для них ключевым было «ученичество, а не учительство от русской революции», это была «и революция, и реформация, и ренессанс». Джентльмены-социалисты считали, что русская революция может оживить американский реформаторский социализм. По их мнению, главная задача состояла в том, чтобы победить германский империализм, поэтому необходимо поддерживать своё правительство в период войны. Также в докладе подчеркивается, что многие джентльмены-социалисты разочаровались в революции после посещения России в 1917 году. Тем не менее, влияние русской революции на различные течения американской мысли, уже начиная с 1905 года, признается докладчиком очень значительным.

А.А. Манухин

«В борьбе за свободную Россию: Артур Баллард и Джон Спарго о подходе США к решению «русского вопроса»

В центре внимания докладчика — деятельность Артура Балларда, Джона Спарго и американского Комитета общественной информации (СРІ). Комитет делал ставку на широкую пропагандистскую работу в Россию. Рассматриваются сочинение А. Балларда «Русский маятник» и сочинение Д. Спарго «Россия как американская проблема». А. Баллард считал, что большевики слишком слабы. Над Россией, по его мнению, следует установить режим протектората. Большевики в новом коалиционном правительстве не должны быть представлены, а американский посол должен играть в нем одну из ведущих ролей, так как только США сможет предоставить России достаточную материальную помощь. Д. Спарго же выступал за изоляцию России, сдерживание большевиков и создание «санитарного кордона», целью которого должен был быть распад Российского государства.

Докладчик подчеркивает, что и А. Баллард, и Д. Спарго рассматривали Россию как объект, а не субъект международной политики, но А. Баллард видел перспективы трансформации большевизма, Д. Спарго же считал такой сценарий нереалистичным.

А.Ю. Ватлин

«Российская революция в откликах правящих кругов Германии 1917–1918 гг.»

Докладчик рассматривает две фигуры — Ленин и "красный барон", первый министр иностранных дел Веймарской республики Ульрих фон Брокдорф-Ранцау. Докладчик приходит к выводу, что высокомерное отношение как к России и революции, так и к В. И. Ленину со стороны германских элит, которое, в частности воплощал Брокдорф-Ранцау, стало фатальной ошибкой для них самих, так как они считали, что революция в России повышала шансы Германии на победу в войне. Также докладчик выделил несколько направлений в общественно политическом дискурсе Германии того периода — экспансионисты, центристы, социалисты. В результате наступления лета 1917 года Россия теряет союзников среди социал-демократов, так как стало ясно, что Россия остаётся на стороне Антанты. Решающим водоразделом в отношении социалистов к России стал разгон Учредительного собрания — это рассматривалось как возврат к «красному самодержавию».

Е.В. Корунова

«Кризис 1917 года в Швеции. Влияние революции в России на демократизацию партийно-политической системы»

В начале выступления докладчик подчеркивает, что в Швеции не любили Россию, и борьба с царизмом встречала сочувствие среди шведов. Поэтому революция в России приветствовалась, с ней были связаны ожидания демократизации политического режима. Февральская революция была встречена в Швеции как «коренной демократический прорыв, триумф демократии». В самой Швеции было тяжелое положение, она находилась в экономической блокаде, в связи с чем активизировались левые социал-демократы, подчеркивая, что, как и в России, голод в Швеции может привести к революционным выступлениям. 30 марта правительство Хаммаршельда ушло в отставку в результате политического кризиса. Против нового правого правительства выступили и левые, и социал-демократы. По Швеции прокатилась волна демонстраций — всего более 350 за 1917 год. Их организовывали левые социал-демократы. В итоге социал-демократы пришли к выводу о том, что есть два пути дальнейшего развития — революционный, как в России или путь мирных социально-политических реформ. На выборах 1917 года левые социал-демократы получили всего 8%, большую часть голосов получили либералы и умеренные социал-демократы. Фактически это стало началом формирования в Швеции современного парламентаризма. Октябрьскую революцию в Швеции поддержали только коммунисты.

Е.А. Сулопарова

«Октябрь 1917 г. в России в освещении британской прессы»

Докладчик подчеркивает, что если реакция на Февральскую революцию в британской прессе была восторженной, события октября вызвали замешательство. Приход к власти большевиков характеризовался как переворот, совершенный экстремистами. Консервативные издания считали, что переворот совершён на немецкие деньги. В то же время, Октябрь, как и Февраль, сравнивали с Великой французской революцией, то есть всё же подсознательно ощущалась значимость происходящих в России перемен. Докладчик подчеркивает, что консервативные издания делали акцент на субъективные причины Октябрьской революции, в первую очередь — слабость фигуры Керенского. Левоцентристские издания обращали внимание на объективную ситуацию, то есть продвигали мысль о том, что у революции были объективные экономические причины, также отмечалась роль событий июля 1917 г. и Корниловского выступления как

одних из причин Октябрьской революции, хотя ранее эти события оценивались как фактор, якобы укрепивший власть Керенского. В прессе разных направлений присутствовал скепсис по поводу возможности удержания большевиков у власти, так как считалось, что в России сработают инстинкты "патриотизма и национального самосохранения". В этой связи уделялось большое внимание развитию антибольшевистских движений на юге России. Как важный вывод представлялась в британской прессе идея о том, что в Великобритании такие события в принципе невозможны из-за устойчивости демократических традиций.

В целом же докладчик приходит к выводу, что, несмотря на некоторые различия в оценках Октября 1917 г., большевистский переворот не вызвал в британской прессе ни сочувствия, ни понимания.

Джорджио Скотони **«Колокольчик революции: исторический опыт первой социалистической страны и его влияние на развитие итальянского русофильства»**

В докладе рассмотрены отношения между СССР и Италией на протяжении XX века. По мнению докладчика, итальянское русофильство было вызвано в основном политическими симпатиями.

О.В. Дубровина

«Революционная Россия 1917–1918 гг. в представлениях итальянцев»

Докладчик отмечает, что к Февральской революции все политические силы Италии отнеслись положительно и видели в ней создание нового либерального государства, которое доведёт войну до победного конца. При этом новости о событиях в России поступали в Италию с опозданием и фрагментарно. С апреля–мая настроения в Италии поменялись, стали отмечать положительные моменты царизма (контроль властей над ситуацией, последовательность внешней политики). Вести об октябрьском перевороте дошли до Италии 9 ноября. О В. И. Ленине почти ничего не знали. Он воспринимался как теоретик, чуждый национально-культурным традициям России, его считали временной фигурой. Большевиков называли «людьми кайзера». В. И. Ленина поддержали только левые социалисты. Победа большевиков послужила поводом к дискредитации итальянских социалистов, их начали активно клеймить.

Лука Меццетти

«Россий-

ская и мексиканская революция 1917 года в сравнении: причины, этапы, события и последствия»

Докладчик подчеркивает, что российская и мексиканская революции оказали глубокое влияние на Северную и Южную Америку и Европу. По мнению докладчика, и мексиканская конституция 1917 года, и российская конституция 1918 года стали примером для конституций других стран (в частности конституций Эквадора 2008 года и Боливии 2009 года) и повлияли на Устав ООН 1945 года. Социальные и экономические права, утвержденные российской конституцией, оказали влияние на веймарскую конституцию 1919 года.

Докладчик приходит к выводу, что обе революции оказали сильное влияние на страны с самыми разными культурами и политическими режимами.

Н.Н. Наумова

«Революция 1917 г. в отражении французской прессы»

Докладчик отмечает, что сведения о событиях, происходящих в России, приходили во Францию в неполном, искаженном виде и с большим опозданием.

Докладчик подчеркивает, что в 1917 году во французской прессе все рассматривалось через призму того, как это отразится на фронте. Как революция, события в России не рассматривались.

К.Н. Цимбаев

«Влияние российских революций на Ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии»

Докладчик отмечает, что восприятие Февральской революции в Германии было сугубо негативным. Только независимые социал-демократы призывали прямо поддержать Русскую революцию. Соответствующие настроения были и на фронте. Захват власти большевиками получил полностью положительную оценку. Российская революция считалась следствием немецкой деструктивной работы. После падения монархии и провозглашения республики борьба развернулась между умеренными левыми, планы которых ограничивались ликвида-

цией монархии, и крайне левыми, ориентировавшимися на российский коммунизм.

Докладчик высказывает мысль, что основное значение для Германии имела именно Октябрьская революция. По мнению докладчика, Россия выступила для Германии «подопытным кроликом», и немцы поняли, что это гибельный путь.

Секция № 12.

Революция 1917 года в России: проблемы культуры

Руководители:

д.и.н., профессор Л.В. Кошман

д. полит. н., профессор Н.Н. Купчин

к.ф.н. Айвазян (Чердынцев) Михаил Арамисович

Первой выступала **Е.Н. Морозова** – профессор кафедры отечественной истории и историографии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского с докладом «**Революция 1917 г.: начало формирования культурной политики советского государства**». Доклад посвящен становлению культурной политики советского государства, которое впервые в мире начало целенаправленно её проводить. Хотя ещё в 1905 г. В.И. Ленин сформировал идею о «партийности литературы» (а схожие черты можно найти в сочинении Л.Н. Толстого «Об искусстве»), но отчетливой культурной политики до 1917 г. разработано не было. Автор подчеркивает утилитаризм большевистского правительства: перед новой властью вставала глобальная задача – речь шла об изменении ментальности, о создании нового человека, которое начинается с образования. В 1918 г. начался переход к единой трудовой школе, который шел в русле новаторских изысканий в Европе, но в нем был изъят такой предмет как история, которую заменило обществоведение, но в 1931-1932 гг. наблюдался возврат к «старой школе» А.В. Луначарский сравнивал политику в области культуры и образования с военными действиями. Советская власть создала конкретный механизм по руководству культурой, важным аспектом которого стала цензура. При этом власть активно привлекала к этому процессу самих представителей культуры. Многие из них пошли на сотрудничество с новой властью из-за совпадения поли-

тической доктрины нового руководства с идеями авангарда. В это же время шла внутренняя борьба между представителями героического реализма и авангарда, далее культура оказалась разделена на официальную и подпольную, на андеграунд. После доклада состоялась небольшая дискуссия по поводу того, выработала ли сегодняшняя власть новую культурную политику? Автор доклада отрицательно ответил на данный вопрос: принимаются долгосрочные программы по развитию культуры, но в них очень много неясных и неточных дефиниций.

Второй доклад **«Революция 1917 г. и развитие массовой культуры»** был сделан **И.В. Купцовой – д.и.н., профессором факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.** Доклад раскрывает роль революции в формировании массовой культуры. Автор предлагает рассматривать массовую культуру 1917-1918 годов в рамках культуры «карнавала». Массовая, карнавальная культура была рождена революцией («революция» и «карнавал» как модели изначально имеют много общего): с отменой иерархических различий и растворением индивида в коллективе. Но если в классическом карнавале инициатива шла снизу, то в карнавал 1917 г. инициатива идёт сверху. Революционный праздник объединил все формы искусства – музыка, скульптура, кинематограф и др. После 1917 г. праздничная культура рассматривалась властью как способ легитимации. Характерные черты массовой культуры в рамках карнавальной модели: эстетический плюрализм, наличие свободы творчества. Изменилось место самой массовой культуры, расширилось пространство массовой культуры, произошло количественное увеличение участников, значительную роль в активизации массовой культуры сыграло государство, оно стала участником формирования репрезентативного образа.

После доклада последовал ряд вопросов с целью конкретизации понятия «карнавала» в связи с концепцией М.М. Бахтина. И.В. Купцова заметила, что «карнавальная культура» как раз ставит цель примирить народную и официальную культуру. Если в эпохи Средневековья и Ренессанса смеховая культура является оппозиционной для официальной культуры, а в карнавальной культуре – попытка синтеза.

Третий доклад **«Историк и революция: социально-бытовые условия жизни учёных в первые постреволюционные годы»** был сделан **А.М. Скворцовым – доцентом кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного факультета.** Он был посвящён восприятию учеными (в первую очередь историками-антиковедами) условий своей жизни и работы в первые послереволюционные годы, на основе источников личного происхождения и делопроизвод-

ственных документов. Несмотря на общее увеличение количества университетов и численности обучающихся в них студентов, антиковедение оказалось не востребовано новым государством (из-за сокращения числа преподавателей этих дисциплин, перевод этих дисциплин в факультативы или их полной отмены). В представленный период подготовка историков не была приоритетным направлением – государству больше были нужны преподаватели обществоведения. Как представители буржуазии, историки были обязаны участвовать в принудительных общественных работах. Докладчик отмечает, что в источниках прослеживается надменное отношение к учёным, особенно гуманитарного профиля. Из-за этого часть учёных покинула Россию, однако многие оставались по разным причинам – как из-за дороговизны выезда в эмиграцию, так и из-за понимания неустойчивости новой власти, надежд на её свержение. В частности, жена историка С.Ф. Платонова практически каждый день записывала в свой дневник слухи о скором падении советского режима. Кстати, слухи в рассматриваемый период стали главным средством коммуникации – бесконечные многочасовые очереди были благоприятной почвой для их распространения. Учёные-историки пытались отгородиться от проблем внешней жизни, старались воспроизводить черты прежней повседневности. К примеру, в Петрограде был установлен сбор с зарплат учёных на обслуживание университетской церкви, снятой с баланса самого университета. Новой чертой жизни учёных стала каждодневная забота об обеспечении семьи, решением хозяйственных проблем в основном занимались жёны историков. В попытке достать средства для существования продавались драгоценности, предметы интерьера, одежда, даже домашние библиотеки (всё это, однако, давало достаточно мало денег). Это можно рассматривать и как символический акт прощания с прошлым. В качестве дров использовалась старая мебель и прочий подручный материал. Из-за холодов в университетах часто отменялись занятия. Появился феномен «странствующего лектора» - учёного, который ездил в провинцию на заработки и для добычи продовольствия.

После доклада председателем Н.Н. Купчиным был задан вопрос, как объяснить появление великой советской науки, раз были такие тяжелые условия. Докладчик заметил, что в докладе речь идет лишь о положении гуманитариев 1917-1922 гг. Далее состоялось краткое обсуждение условий жизни ученых в первые годы Советской власти.

Четвертый доклад был сделан **О.В. Козловым –д.и.н., профессором кафедры истории России Смоленского государственного университета – «Трансформация системы управления народным образованием в Запад-**

ном регионе России в годы революционных преобразований (1917–1920)». Он обратил внимание на то, что в период существования Временного правительства происходила ликвидация старых и формирование новых органов управления образованием, целью перестройки стала демократизация управления образованием. Для этого создаётся новое министерство народного просвещения, в ведение которого передаются школы и училища. В апреле 1917 г. директора и инспектора народных училищ были освобождены от обязанностей. В мае 1917 г. упраздняются городские, уездные и земские советы по народному просвещению, а их обязанности возлагаются на земства и городские думы. В Западной области страны (на материалах которой построен доклад) параллельно создаются общественные структуры: например, в резолюции Совета депутатов Брянского района в мае 1917 г. было выдвинуто требование бесплатного на всех ступенях образования. Вскоре была избрана культурно-просветительская комиссия для руководства народным образованием.

В июне 1917 г. эта комиссия обратилась к населению с воззванием, в котором предложило поддержать свои действия. Многократно возросла тяга населения к знаниям: многие взрослые люди подавали заявления (более 600 экз.) на прохождение обучения в вечерних и воскресных классах. Более планомерное преобразование началось после принятия Временным правительством постановления от 20 июня 1917 г. о передаче всех училищ в ведение Министерства народного просвещения. Министерству предоставлялось право установить порядок перехода этих учебных заведений в своё подчинение.

Процесс передачи носил долгий и затянутый характер – в Смоленске только в сентябре был представлен проект организации народного образования. Тем временем, власть в стране сменилась, и старые органы управления стали упраздняться. Смоленская земская управа была ликвидирована 10 апреля 1918 г. Первый этап строительства уже советской системы управления образованием можно обозначить как октябрь 1917 – апрель 1918 г. Большое значение в этом процессе имела местная специфика. В Западной области комиссариаты по народному образованию были созданы со значительным опозданием, в конце зимы – весной 1918 г. На первом этапе Советы нередко брали под своё руководство прежние советы земского образования. Иногда Советам приходилось силой разгонять аппарат земских органов, которые воспринимались как учреждения с контрреволюционным характером. Переход школьного образования под контроль Советов в основном закончился осенью 1918 г.

В некоторых уездах пришлось исправлять то, что эти учреждения попали в ведение комиссариатов другого профиля. Опять же, большое значение имела местная специфика: в некоторых уездах вопросы образования вверялись вновь

избранным учительским советам и родительским комитетам, в одном из районов был создан волостной комитет по народному образованию. По решению II съезда Советов Западной области в Смоленске было создано 14 отделов исполкома, в том числе – отдел по искусству и отдел по народному просвещению.

Третий этап создания органов образования в регионе, связан с административным переустройством – упразднением Западной области и создании Белорусской советской социалистической республики. В подотделах появляются секции, работа которых более была более конкретной. Это, безусловно, стоит оценивать положительно. К 1920 г. стало ясно, что необходима некая управленческая вертикаль, которая объединяла бы все структуры. Был создан организационный подотдел, однако он не смог плодотворно работать из-за банальной нехватки кадров. Образованных людей забирали партийные структуры и другие, считавшиеся более важными, отделы исполкомов. В итоге система образования в кадровом отношении комплектовалась по остаточному принципу. Следующий этап развития образования в Советской России относится уже к периоду новой экономической политики.

После доклада был задан вопрос об уточнении социального состава того нового слоя, на которого и были направлены реформы в сферы образования. Докладчик ответил, что это было беднейшее крестьянство, пытающееся занять своё место в новом обществе.

Пятым был заслушан доклад **А.В. Хорошевой – к.и.н., старшим преподавателем кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – «Физическая культура и спорт периода Великой русской революции»**. Автору показала изменение облика спортивной жизни после 1917 г., когда спорт и физическая культура впервые приобрели разное значение. Спорт называли буржуазным и противопоставляли ему физическую культуру, которую определяли как средство оздоровления, объединения трудящихся, а также как средство классовой борьбы. Физическая культура представлялась как часть общей культуры человека, важное средство формирования нового человека, его всестороннего развития. Таким образом, популяризация физической культуры являлось делом государственной важности. Это стало осуществляться через Всеобуч и Комсомол: цель – борьба с аполитичностью людей, вовлечение в занятие физической культурой. Существовала проблема кадров для обучения и привлечения масс. В Москве и Санкт-Петербурге создаются Институты физической культуры и образования, ключевыми для них были нацеленность на высокие показатели. Программа обучения специалистов включала самые разные курсы: анатомию, гигиену, психологию, оказание пер-

вой помощи, преподавание истории советского строительства и политической грамотности и т.д. Один из создателей Российского Олимпийского Комитета был привлечён к формированию новых резервов (был аполитичен, а потому подвергался критике со стороны партийных функционеров, репрессиям). В это время происходил поиск методик преподавания в зарубежной прессе, научных исследованиях. За период существования подготовлены 6000 специалистов, увеличение числа членов спортивной организации, массовая подготовка на допризывных пунктах. Стояла задача превращения физической культуры из навязанного обязательства в обыденность. Футбол подвергался критике за провоцирование излишней эмоциональности, тяжёлая атлетика за чрезмерную травмоопасность. Отдавались предпочтения по отношению к тем видам, которые были связаны с военной подготовкой (стрельба, велоспорт и т.д.), гимнастике. Подчеркивалась идеологическая задача, стоявшая перед физической культурой. Создание Красного Спортивного Интернационала при Коминтерне (1921) преследовало цель объединить и подготовить трудящихся к вооружённой борьбе во имя революции. В целях повышения показателей осуществлялось привлечение ученых, докторов. В период после 1917 были заложены основы совестной физической культуры, отличительными особенностями которой были тесная связь с военным делом, развитие на хорошей теоретико-методологической базе, обеспечивающей впечатляющие результаты.

Вопрос: Что сегодня с физической культурой? Почему привлекают спортсменов из других стран, неужели у нас все так плохо?

Ответ: Тогда стояла задача сформировать нового человека, обеспечить его всестороннее развитие, в том числе физическое. Сейчас спорт коммерциализировался.

Вопрос: Уточните хронологические рамки вашего исследования.

Ответ: 1917-1923 гг. - время существования Всеобуча.

Вопрос: Как в среде красноармейцев строилась подготовка в период Гражданской войны?

Ответ: Обучение проводилось, как уже было отмечено, на допризывных пунктах, а также в рамках военной службы. К тому времени четкая система еще не была выработана, но все равно проводились соревнования, прибегали к игровым видам спорта для достижения эмоциональной разрядки.

Вопрос: Можете ли вы рассказать про роль "сокольской" гимнастики до революции 1917 года?

Ответ: Она была включена в программу обучения (потешные занятия) до 1914, с началом военного времени от этой практики отказались. Затем рассматривалась как источник потенциальной опасности (развитие в их кружках революционных идей), хотя сам Николай хорошо к ней относился.

Шестым докладчиком выступила **К.А. Кокшенёва – к.иск., д.фил.н., руководитель Центра наследования русской культуры, Институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева («Институт Наследия») Министерства культуры РФ)** с докладом **«Театральный Октябрь» и концепции преобразования сценического искусства. 1917–1924».**

Докладчик рассматривает феномен «театрального Октября». Так называлась программа, выдвинутая Мейерхольдом, сторонниками выступили представители авангарда, футуристы, все они немедленно приняли революцию, следуя курсу времени объявили в театре Гражданскую войну. Театры были достаточно близки друг к другу, это была война за эстетику. В Петрограде были поставлены действия о третьем Интернационале и прочее в других городах. Лозунг массовости привёл к росту самодеятельности. Докладчик, считает, что ключевым словом для маркирования культуры той поры может стать не «карнавал», а «балаган». К октября 17 года театр пришёл с большим багажом, были МХТ, были частные театры, в театре был свой серебряный век, условный, символистской театр, серебряный век был веком «сальерианским». Чрезвычайно важным обстоятельством для понимания «театрального Октября» является власть пера, понимание современности как модерна. Сегодня это также «актуальное искусство». «Февраль», в отличие от «Октября» никаких существенных концепций не родил, но освободил от цензуры и табу. Первыми откликнулись фарсовые театры. Эти театры объявили бунт против приличий. Пошлость прикрывалась модным лозунгом разоблачения старого режима. Февральская революция в театре была прежде всего административной. Ров между прошлым и настоящим активно вырывали сами художники. Лозунг демократизации искусств привёл к травмам. Революция как тотальный сдвиг изменил смысл и задачи искусства. Для художников левого спектра творчески акт был предельно рационализирован. Отдельный спектакль должен был напоминать любое другое производство. Новый зритель стал картой, которую разыгрывали. Старый зритель предпочитал классические спектакли. В 1921 году «театральный Октябрь» был свернут, позже Луначарский выдвинул лозунг «назад к Островскому». Концепт «театрамитинга» не был принят.

На уточняющий вопрос, как докладчик относится к реконструкции мейерхольдовского «Маскарада» режиссером В.В. Фокиным, К.А. Кокшенёва ответила, что «много чего добавлено, спектакля как такого нет».

Седьмым стал доклад **А.Н. Еремеевой – д.и.н., проф., г.н.с. Института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева («Институт Наследия»)** Министерства культуры РФ, Южный филиал (Краснодар) – **«Проблема сохранения культурного и природного наследия в условиях революционных событий 1917 г.»**. Доклад поднимает проблему сохранения природного и культурного наследия, концентрируясь на ситуации в российской провинции. Проблема актуализировалась в годы Первой мировой войны курсом на мобилизацию ресурсов. Вернадский, Лаппо-Данилевский и другие выдающиеся деятели науки входили в комиссию по охране культурного наследия. Отмечается деятельность историка Шмурло, экспедиция в Трапезунд под руководством академика Успенского. Историко-этнографические и мероприятия по охране памятников культуры широко освещались в прессе, противопоставлялись политике западноевропейских государств в этой сфере.

Проблема охраны природы в условиях Гражданской войны отошла на второй план, но общественные организации, прежнего всего, провинциальные, продолжали беспокоиться о состоянии природных объектов (например, деятельность графини П.С. Уваровой). Все это свидетельствовало о развитом экологическом сознании провинциальной интеллигенции. В это время принимается закон о заповедниках, создаётся первый заповедник в Забайкалье. Февральская революция и ее разрушительная сила (уничтожение памятников царизму). Деятельность гражданских комитетов и архивных ученых комиссий (в провинциях они были главными интеллектуальными центрами) возымела силу. Временное правительство и его циркуляры об охране культурных ценностей. Ученые Греков и Вернадский приводятся в качестве примера миграции интеллектуальных кругов из столичных городов в провинции (они работали в архивной комиссии в Пскове). Природоохранная деятельность на Украине. Деятельность крымско-татарской интеллигенции совместно с петроградскими учеными в создании музея на основе Бахчисарайского дворца (1917)– важное событие в формировании крымско-татарского самосознания. Архивные комиссии и краеведческие общества стали в авангарде формирования коллекций памятников культурного наследия. Охранная деятельность стала особо необходима в условиях революции и Гражданской войны.

Вопросов задано не было.

Восьмым был заслушан доклад **И.В. Зимина – д.и.н., профессора, заведующего кафедрой истории Отечества Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова – «Эвакуация императорских сокровищ из Петербурга в Москву в 1917 гг.»**. Доклад был посвящен коллекции бриллиантов, коронационных регалий и кладовой императорского кабинета. Ранее уже были прецеденты вывоза ценностей – в 1812 г. часть сокровищ была вывезена на Белое море, делались распоряжения о подготовке к эвакуации и в 1854 г. во время Крымской войны. В июле 1914 г. коронационные регалии были перевезены из Петрограда в Москву, где хранились в Оружейной палате. Во время германского прорыва на фронте в 1915 г. было выделено финансирование и куплена баржа для перевозки ценностей. Зимний дворец в Петрограде перенёс февраль 1917 г. достаточно спокойно. Но 1917 г. – это год кризисов. В мае 1917 г. было принято решение об изъятии вещей из квартир Николая II и Александры Фёдоровны. Всё это было перемещено в специальное охраняемое помещение на первом этаже Зимнего дворца, рядом с гауптвахтой. После событий корниловщины пытались решить, что из ценностей принадлежит лично Николаю II, а что – государству. Было принято решение о продолжении эвакуации ценностей в Москву. В сентябре-октябре 1917 г. в Москву ушло для эшелона с упакованными ценностями (ковры, гобелены, изделия из драгоценных металлов и др.). 16 октября 1917 г. последовало распоряжение о срочной эвакуации в Москву ещё части сокровищ. Существуют разные точки зрения о масштабах возможного грабежа ночью Октябрьской революции и в первые дни после неё. Пострадали помещения фрейлин, кабинет Александра Второго, квартира поселенной в Зимнем революционерки Брешко-Брешковской, однако сами ценности оказались нетронутыми. А. В. Луначарский выразил благодарность полицмейстеру Зимнего дворца Алексею за самоотверженную работу по охране принадлежащих народу ценностей.

После доклада были задан ряд уточняющих вопросов, в частности о сокровищах, хранившихся в банках. Докладчик сообщил, что часть этих ценностей была национализирована по декрету, принятому в декабре 1917 г. Некоторые представители аристократии успели буквально выхватить свои вещи в последний момент, некоторые не успели. При этом инициатива в деле сохранения и эвакуации исходила от правительства, а не от общественных организаций. При этом вывозом сокровищ занимались специалисты камерального отделения, которых сопровождали сторожа камерального отделения, в основном это унтер-офицеры гвардейских полков.

Девятым стал доклад **С.А. Лимановой – к.и.н., м.н.с. Архива РАН – «Столичные памятники императорам и революция 1917 г.: коммемора-**

тивное противостояние». Автор подчеркнула, что конструирование коммеморативной традиции пришлось на 19 век, когда окончательно утвердилась идея преемственности, а установление памятника предшествующему императору его преемником стало традицией. Коммеморативная практика во времена Николая II претерпела некоторые изменения: неодобрение общественностью памятников (их формы, вида), хулиганство открытого свойства (открытая критика памятника в виде надписей на стенах), использование образа памятников в стихотворениях студенчества (в рамках протестного движения). Власть не реагировала, продолжала возводить новые памятники. Ранее памятник всегда пребывал на фоне происходивших событий, толпа двигалась без его задействования. Теперь же памятник начинает играть собственную роль: используется как трибуна (к примеру, к нему прикрепляется красный флаг). Дискуссии о сохранении памятников проходили в рамках общих дискуссий по охране культурного наследия. Памятники императорам не получают ценностной оценки со стороны новой советской власти. Появляется новый городской ритуал: демонстративная замена старых памятников новыми. В столицах тотального разрушения не было из-за их монолитности, требовавшей специальной техники (сбивались надписи, символы императорской власти). К тому же их могли использовать в иных целях (например, вместо бюста императора установить бюст Ленина).

После доклада были заданы вопросы о некоторых терминах (в частности, коммеморативность), а также было заслушано мнение докладчика о современных памятниках тем героям русской истории, чьи памятники были снесены советской властью.

Десятым докладчиком выступала **О.К. Кайкова –к.и.н., старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова** с докладом «**Московский Кремль и Революция 1917 г.: дискуссии и практика формирования нового статуса**». Докладчик рассматривает новую роль Кремля после революционных событий. Кремль всегда имел сакральный характер для истории России, а после октября 1917 г. вернул статус действующей резиденции. Судьба Кремля незамедлительно оказалась в центре внимания общественности, дискуссия началась с Февраля. Сразу после Февральской революции Московская городская Дума организовала комиссию по сохранению Кремля и дворцов, в неё вошёл весь цвет Московской общественности. В июне у них родился проект приспособления зданий Кремля под музейный город. Была идея сделать из Кремля новый Лувр или Эскориал. Высказывались предложения разместить в Москве все главные музеи – Третьяковскую галерею и иные. Также всерьез рассматривалась идея создания музея

текущей войны. После октября вопрос о новом статусе Кремля стал очень остро. Печальные события октября 1917 года вызвали отклик в общественности. Одними из первых отреагировали участники Поместного собора. Они создали небольшой документ о том, что теперь Кремль являлся собственностью народа, а всякое посягательство на него считалось преступлением. Предлагалось вывести всякие военные учреждения и предоставить площадки для культурных, благотворительных и иных целей. Вместе с тем начинает свою работу комиссия по охране памятников при Моссовете. Были выделены значительные средства для ликвидации повреждений. Вернулись к идее музея, активно началась муссироваться мысль об «акрополе искусства». В Кремль начали свозить реквизированные коллекции. Знаковым решением стало постановление А.В. Луначарского о том, что Кремль является собственностью Советской республики. Вехой стало решение о переезде в Кремль правительства. Это решение вызвало активный протест А.В. Луначарского. Дворец уже был заселён и не мог полностью быть обращён в музей, хотя изначально там активно проводились лекции и экскурсии. Все памятники были разделены на 4 группы: основные памятники; ценные в археологическом и художественном отношении; частично древние; не имеющие археологического значения. Впервые былработан подход о том, что можно расценивать Кремль не как единый комплекс. В новом плане выделялся способ использования. В конце двадцатых годов возобладал прагматический подход.

Вопросов задано не было.

Заключительным докладом стало выступление **Ю.Д. Артамоновой – к.ф.н., доцента кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова «Практики «производства очевидностей» и изменение самопонимания художников после Октябрьской революции»**. В центре внимания докладчика был вопрос о том, что заставило людей, первоначально не поддерживавших Октябрьскую революцию, включиться в культурные практики новой власти. По мнению автора, это стало возможным, в том числе, и через привлечение деятелей культуры к работе разного рода комиссий, комитетов, советов и прочих органов. В 1930-х гг. эти люди уже занимают государственные посты, стали депутатами. В результате включения во фрейм выбор человека сужается до двух вариантов – за или против. Резко противопоставлять себя новой власти было неразумно, поэтому люди и включались в деятельность этих общественных организаций. Затем советская власть начала приватизировать технические достижения, оказывать поддержку исследованиям, которые не получали поддержки в дореволюционной России (аэродинамические исследования, кинематограф). Приватизация технических до-

стижений с позиций Ролана Барта о формировании современных мифов способствует формированию лояльности молодёжи к новому режиму, который приобщает эту молодёжь к новой технике.

После доклада развернулась продолжительная дискуссия по поводу правомочности использования определенных терминов и привлечения для анализа большего круга материалов.

В конце были подведены итоги работы секции, было отмечено, что заседание прошло плодотворно, в конструктивной, товарищеской атмосфере.

Секция №13.

Революция 1917 года в России: проблемы искусства

Руководители:

д.иск.н., проф. И.И. Тучков

к.иск.н., доц. А.П. Салиенко

Ольга Константиновна Ментюкова (ГТГ).

Революция в письмах, документах и воспоминаниях художников.

Александра Ивановна Струкова (ГТГ, ГИИ).

Первые знамена революции. Петроградские художественные артели в 1917 году.

София Сергеевна Веселова (МГУ).

Судьбы русского садового искусства в 1920-е гг.

Виктория Владимировна Воскресенская (ГИИ).

Идеально-утопическое миростроение как преломление революционного «космизма»: художественное сознание и искусство в России 1920-х гг.

Ирина Анатольевна Вакар (ГТГ).

Беспочвенные и укорененные. Отношение художников к быту и собственности в эпоху революции.

Наталья Витальевна Злыднева (Институт Славяноведения РАН, ГИИ).

«Есть такая партия!»: о картине К.Ф. Юона и роли жеста в поставангарде.

Наталья Юрьевна Буданова (Институт Искусств Курто, Лондон).

Мотив андрогинности в постреволюционном искусстве: трансформация идеала.

Александра Петровна Салиенко (МГУ).

Испытание авангардом. Искусство революционной эпохи: от «пластического ощущения» к образу-символу.

Надежда Александровна Мусянкова (ГТГ, ГИИ).

Пролетарское искусство и супрематизм: опыт мастерских ИЗОРАМ.

Анастасия Сергеевна Гусева (МГУ).

Фотомонтаж в Советской России: к вопросу о форме и методе. Теория и практика Г. Клуциса.

Доклад **О.К. Ментюковой (ГТГ) «Февральская и октябрьская революция в письмах, дневниках и воспоминаниях художников»** основан на архивных материалах. Документы, использованные в докладе, частично собраны в архивах Москвы и Санкт-Петербурга (в т.ч. ОР ГТГ, РГАЛИ, ОР ГРМ) или выверены по хранящимся в них оригиналам, частично – дополнены уже опубликованными. В письмах, дневниках и воспоминаниях художники зачастую выступают как летописцы переворотов, при этом не оставаясь бесстрастными повествователями, но высказывая собственные суждения о происходящем, давая оценки новым политическим лидерам, делясь надеждами и делая прогнозы. В частности, о том, как февральскую революцию и последующие за ней события переживал Петербург, можно узнать из документов А.Н. Бенуа, Б.М. Кустодиева, К.С. Петров-Водкина, К.А. Сомова. В письмах М.В. Нестерова, дневниковых записях Н.А. Удальцовой описываются дни октябрьского переворота в Москве. М.А. Волошин в переписке касается событий, происходивших в 1917-1918 гг. в Крыму, вдали от «очагов» политической жизни России. В воспоминаниях Д.Н. Кардовского и его ученика А.Н. Самохвалова содержится информация о том, как февральская революция была встречена в Академии художеств. В мемуарах и письмах К.А. Коровина и В.Д. Поленова рассказывается, в числе прочего, о происходившем в деревнях. Эпоха преломляется в этих документах под разными углами, в зависимости от взглядов живописцев, их возраста, проблем их семьи, от того, что важно им в окружающей действительности.

Однако художники пишут не только непосредственно о революции, но также затрагивают другие события и явления, с ней связанные. Среди таких сквозных тем – рассказы о бытовых трудностях (в частности, о выросших ценах, голоде, отсутствии прислуги писали Б.М. Кустодиев, К.А. Коровин, К.С. Петров-Водкин). Еще одна важнейшая тема – война, о которой высказывали противоположные суждения как служившие художники (М.З. Шагал,

Ф.С. Богородский, В.А. Фаворский и И.С. Ефимов), так и другие живописцы и деятели искусств, наблюдавшие ее последствия в повседневной жизни (А.Н. Бенуа, В.Н. Аргутинский-Долгоруков). Отдельное место занимают размышления о предназначении искусства, о роли художников и художественных организаций в новой России, о сохранении культурного наследия (документы А.Н. Бенуа, К.С. Петрова-Водкина, Д.Н. Кардовского, А.Н. Самохвалова, Н.А. Удальцовой, В.Д. Поленова, К.С. Малевича и др.).

В своем докладе **«Беспочвенные и укорененные. Отношение художников к быту и собственности в эпоху революции»** И.А. Вакар (ГТГ) обратила внимание на то, что революция 1917 года и последовавшие за ней события не только изменили повседневную жизнь, но и высветили различное отношение к ней разных групп художников – условно говоря, традиционалистов и авангардистов. По поводу последних А.Бенуа заметил: «Они *абсолютно беспочвенные*, это уже сплошной и голый эстетизм, не имеющий никаких жизненных корней». В докладе И.А. Вакар рассматривается два типа художников: на одном полюсе – сам Бенуа и мастера его круга, а также художники другого социального происхождения (К.Коровин, отчасти К.Петров-Водкин); на другом – К.Малевич, В.Татлин, отчасти А.Лентулов, М.Ларионов, Н.Гончарова; уникальные примеры «безбытности» – П.Филонов и В.Хлебников. Интересны примеры «измены» семейно-бытовым традициям: с одной стороны Л.Бруни, Н.Пунин, Л.Попова, Н.Удальцова; с другой – «обуржуазившийся» И.Машков. Аскетизм или пристрастие к уютному и комфортабельному быту тесно связаны с отношением к собственности. По мнению Бенуа (коллекционера и эксперта), развитие культуры и искусства невозможно вне института частной собственности. Для художников авангарда, напротив, революция в искусстве несовместима с «приобретательством» (Хлебников) и не предполагает оплаты (Филонов). В конечном счете принципиально разное отношение двух типов художников к повседневной жизни (по Бенуа – источнику творчества, по Малевичу – «харчевому делу») лежит в основе непримиримого антагонизма предметников и беспредметников.

Новый поворот темы связан с конструктивистской тенденцией создания «нового быта», когда личный аскетизм становится концептуальной основой стиля, а «безбытность» как принцип должен распространиться на рядовых обывателей и преобразовать психологию масс. Напротив, некоторые авангардисты первого поколения в качестве альтернативы современной стандартизации прибегают к стилизации «старого быта» (П.Кончаловский, А.Экстер).

Предпринятое сопоставление должно хотя бы отчасти прояснить вопрос о хронологических и содержательных параллелях между искусством русского

авангарда и политической революцией 1917 года. С точки зрения докладчика объяснение следует искать не в социально-экономической, а в ментальной плоскости. Антибуржуазность авангарда – не следствие социального происхождения или политического выбора, а органическое свойство представителей «нового искусства», выделявшее их из привычной среды и зачастую превращавшее в изгоев, «выродков времени» (Малевич).

В докладе, озаглавленном **«Идеально-утопическое миростроение как преломление революционного «космизма»: художественное сознание и искусство в России 1920-х гг.»**, В.В. Воскресенская (ГИИ) выявляет в качестве ведущей тенденции отечественной художественной культуры первой трети XX века идею миростроения актуализировавшуюся в концепциях религиозных философов, символистов и мастеров авангарда и нашедшую выражение в проектах переустройства социума, человека, искусства. Различные ракурсы этой проблематики прослеживаются в экспозиции разных аспектов художественного сознания и искусства 1920-х гг. – не только в творчестве известных мастеров, но и на «фоне» эпохи.

Центральный утопический мотив программы авангарда – строительство нового мира – в России получает особую интерпретацию. В этом контексте неоднократно указывалось на смысловую и практическую корреляцию утопии и революции.

Перестройка сфер общественной и культурной жизни после 1917 года затронула все виды творческой деятельности. Изменения хорошо заметны на примере садового искусства, которое, сведя к минимуму частное садоводство, стало, наряду с архитектурой, носить ярко выраженный общественный характер. Оно, в значительной мере, оказалось связанным с деятельностью государственных органов управления, подчиняясь им и воплощая, как и агитационные формы искусства изобразительного, новый взгляд на мир, новые идеалы и символы. Этой теме посвящен доклад С.С. Веселовой (МГУ) **«Судьбы русского садового искусства в 1920-е годы»**.

В истории отечественного искусства XX века хорошо осмыслена роль парков культуры и отдыха, начиная с московского ЦПКиО им. Горького, открытого в 1928 г. и ставшего важнейшим образцом для подражания. В то же время ранний послереволюционный период развития садового искусства на сегодняшний день недостаточно изучен. Можно априори утверждать, что протекавшие в молодом советском художественном садоводстве и паркостроении процессы были непростыми и не подлежащими однозначной оценке. «Хрупкое» садовое искусство развивалось в суровых условиях. С одной стороны, к

садоводам предъявлялись серьезные идеологические требования, которым необходимо было следовать, создавая образцы советского по содержанию искусства. С другой, – ощущалась большая нехватка материальных средств, выделяемых на производство ландшафтных работ. В 1920-е гг. шел обостренный поиск новых форм, нового языка и новых приемов. В этих условиях по-разному складывались судьбы мастеров, вступивших на путь профессиональной деятельности еще до революционных событий 1917 года. Оставшиеся в России садоводы (В.Л. Бежанов, Э.Л. Вольф, Н.И. Кичунов и др.) стремились, используя свой прежний опыт, принести пользу молодой республике, прославить ее идеалы.

Раннее советское садовое искусство, дошедшее до наших дней преимущественно в документах своего времени, составляет важную часть российского художественного наследия, нуждающуюся в серьезном изучении и осмыслении. Благодаря сохранившимся источникам: прежде всего, изобразительным – графическим и фотографическим, а также публикациям в печати 1920-х гг., характерные детали происходившего в те годы могут быть «восстановлены». В результате сообщения, сделанного С.С. Веселовой, в научный обиход вводятся малоизвестные, а порой и забытые материалы.

К архивным материалам, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей, обращается **А.И. Струкова (ГТГ, ГИИ)**. Ее доклад **«Первые знамена революции. Петроградские художественные артели в 1917 году»** посвящен проблеме революционной эмблематики на раннем этапе ее становления, а именно изготовлению первых знамен теми, кто поддержал смену власти в России. В центре внимания докладчика находятся не только сами знамена (хранятся в Государственном музее современной истории России, Государственном историческом музее, Государственном музее политической истории России, Государственном Эрмитаже и ряде других собраний), но и художники, которые занимались их производством. Если сохранившиеся памятники имеют – пусть и не очень обширную – историю описания и изучения, то создатели этих знамен в большинстве случаев неизвестны.

Знамена, красноречиво свидетельствующие о смене власти и утверждении в стране нового строя и новых идеалов, были чрезвычайно востребованы. Десятки и даже сотни произведений, созданные знаменитыми впоследствии советскими художниками и вышивальщицами, имена которых неизвестны, использовались в многочисленных шествиях и других церемониях, организованных революционерами. Например, архитектор Л.В. Руднев вспоминал массовое торжественное прощание с жертвами революции 23 марта 1917 года, когда рабочие организации и другие общественные представительства несли траурные

знамена, многие из которых были специально изготовлены по этому случаю, их втыкали в землю на Марсовом поле.

Источники ранней революционной иконографии разнообразны. Это боги и герои Древней Греции и Рима, а также персонажи в античных одеждах с соответствующими атрибутами, которые были связаны и с традицией академического обучения художников, и с образами Великой французской революции (Прометей, разрывающий оковы, факелы, пальмовые ветви и прочее); аллегорические изображения в национальном духе (освобожденная Россия в образе женщины в крестьянском костюме) и переделанные знамена царской армии, а также церковные хоругви, и даже редкие примеры старинных цеховых знамен, которые использовались в новом контексте (с ними выступали члены финских общественных организаций) и многие другие. В отличие от символов и эмблем советского государства более позднего времени на раннем этапе преобладал несколько литературный подход, отвлеченные понятия были персонифицированы в образах людей.

Двумя крупными центрами, занимавшимися формированием ранней иконографии и эмблематики русской революции, были мастерские при Академии художеств (в частности, в них активно работали П.А. Шиллинговский, А.Н. Самохвалов, В.С. Рожновский) и группа мастеров-авангардистов, она объединилась в артель, главными участниками которой были В.М. Емолаева, Н.Ф. Лапшин, Е.И. Турова.

На материале живописи и графики конца 1920-начала 1930-х годов, преимущественно политической тематики, **Н.В. Злыднева (Институт Славяноведения РАН, ГИИ)** в докладе «**Есть такая партия!**»: о картине **К.Ф. Юона и роли жеста в поставангарде**» предлагает рассмотреть проблему жеста в живописи как способа визуальной коммуникации. Язык живописного произведения стал главной проблемой в искусстве рубежа веков, начиная с символизма. В авангарде произошло разделение на язык и речь: язык апеллировал к основам изображения как такового, а речью наделялся сам акт создания произведения искусства. Если письменное слово и буква функционировали в рамках синтагматической поэтики и выступали вещью *par excellence*, порывая связь с референтом, то речь реализовывалась посредством маркеров формы (мазок, соотношение фигуры и фона и т.п.). В фигуративной живописи конца 1920 - начала 1930-х годов дихотомия язык/речь проявились по-новому, отражая сдвиг художественной парадигмы в сторону прагматики: возник мотив человека говорящего, а центральным звеном мотива стал жест. В докладе будет представлен базовый набор знаков реализации речевой деятельности в живописи поставангарда – от жестикуляции персонажа-оратора до «говорящей» ладони на

плакатах. Задачей сообщения станет показать, как память об историческом авангарде определила глубинные смыслы повествовательных композиций, в которых традиционная иконография открывает завесу мифопоэтического плана означиваний, а также как тема революции стала спусковым крючком деконструкции классики. Материалом послужат произведения К. Юона, К. Малевича, К. Редько и других мастеров советского искусства, а теоретической базой – идеи Э. Панофского, труды Н. Тарабукина и его круга, исследования структуры текста в рамках Московского-Тартуской семиотической школы.

Символизм андрогинности, прослеживающийся в художественной культуре последних предреволюционных лет, оказался созвучен и пролетарскому искусству, занятому поисками идеала человека нового социалистического общественного уклада. На основе иконологического анализа произведений изобразительного искусства первых двух десятилетий существования Советского государства в докладе **Н.Ю. Будановой** (Институт Искусств Курто, Лондон) **«Мотив андрогинности в постреволюционном искусстве: трансформация идеала»** прослеживается метаморфоза мотива андрогинности от утопического идеала преображенной личности до составной части идеологемы «советского человека».

В докладе **А.П. Салиенко** (МГУ) **«Испытание авангардом. Искусство революционной эпохи: от «пластического ощущения» к образу-символу»** прослеживается связь советского искусства 1920-х гг. с наследием русского авангарда. Простейшие геометрические фигуры, предложенные в качестве основы языка искусства мастерами авангарда (квадрат, круг, крест, треугольник и др.) - «беспредметные, внеобразные, внеидейные» «чистые» «пластические ощущения» (К. Малевич) - рассматриваются как абстрактные пластические знаки, универсальные для искусства, ищущего новый художественный язык, способный выразить революционную эпоху. О «зрительно-графическом способе выражения понятий» упоминает П. Флоренский, в начале 1920-х гг. выдвигающий идею «строго научного метода обследования символического наследия» («Словарь символов»).

Помимо анализа произведений изобразительного искусства, на материале тонких иллюстрированных журналов «Красная нива», «Прожектор», «30 дней» и др., в которых репродукции картин и рисунки соседствуют с фотографией, докладчик выявляет определенные тенденции и закономерности искусства 1920-х гг., определяются художественные образы, ставшие символами эпохи. Тонкие иллюстрированные журналы, в свое время оставшиеся вне поля внимания озабоченных проблемами пролетарского искусства искусствоведов, стали

своего рода трансляторами того нового, что рождалось в искусстве из хаоса визуальных впечатлений, обрывков всевозможных влияний и новых тенденций и приемов, которые формировались тогда в изобразительном искусстве, фотографии и кинематографе. Очевидные пересечения дают основания говорить о «рефлексе восприятия действительности» (Н. Тарабукин), как будто «случайно» составленной формуле зрительного опыта, фиксирующей реальность в виде образа-символа. Хотя в искусстве 1920-х гг. еще не сложилась своя мифология, анализируемый материал позволяет предположить, что в тонких журналах уже сложился определенный «репертуар символов» и отобраны синтагмы, которые позже лягут в основу языка соцреализма.

Особое внимание в докладе уделяется одной из доминирующих в искусстве 1920-х гг. форм - форме круга (круг, шар, колесо, мяч и др.). На примере круга анализируется превращение пластического мотива в образ-символ. С этим символом могут быть связаны такие ключевые понятия эпохи, как «новое небо» и «новая земля». Доклад А.П. Салиенко – попытка установить значения этих зрительных образов и интерпретировать содержащиеся в них идеи. Однако в изучении нового языка искусства, (а именно на новизну претендовало искусство 1920-х гг.), возникают и такие ситуации, когда «слова не называют вещи и идеи, а как бы намекают на них», и в этих случаях «спасательным кругом» для интерпретатора становится введенное Ю.М. Лотманом определение «и еще что-то» (ст. «Символ в системе культуры»).

Сразу после революции 1917 года самими пролетариями стала развиваться идея создания пролетарского искусства. Одним из направлений практического воплощения этой идеи в жизнь стали мастерские изобразительного искусства, организованные в Ленинграде в 1925 году, получившие сокращенное название ИЗОРАМ. Этой теме посвящен доклад **Н.А. Мусьянковой (ГТГ) «Пролетарское искусство и супрематизм: опыт мастерских ИЗОРАМ»**. Среди преподавателей ИЗОРАМА были ученики К.С. Малевича – И.Г. Чашник, Д.Н. Санников, Э.М. Криммер, а в основе программы обучения лежали идеи супрематизма, что отражено в воспоминаниях одного из участников – рабочего Б.А. Белозерова (частный архив). Начинающие художники-простые рабочие в мастерских создавали крупные декоративные панно для оформления интерьеров и гигантские временные декорации для украшения площади Урицкого (Дворцовая) во время революционных празднеств (1931, 1932). Кульминацией развития мастерских стала выставка в Русском музее (1928), а затем в Третьяковской галерее (1929), последняя проводилась одновременно с персональной выставкой К.С. Малевича. В Коммунистической академии при участии А.А. Федорова-Давыдова и И.Л. Мацы была проведена публичная дискуссия о результатах де-

тельности ИЗОРАМ. После Постановления ЦК 1932 года о творческих объединениях, мастерские ИЗОРАМ продолжали существовать вплоть до 1942 года.

В докладе «**Фотомонтаж в Советской России: к вопросу о форме и методе. Теория и практика Г. Клуциса**» А.С. Гусева (МГУ) рассматривает фотомонтаж как революционный язык искусства, который стал результатом творческих поисков авангарда и соединил в себе технологические достижения начала XX века. Новые задачи агитационного искусства рассматриваются на примере творчества Г.Г. Клуциса. Занимаясь выработкой новых действенных методов в искусстве 1920х годов особенно интересен фотомонтаж в политическом плакате. Особую роль для понимания новых тенденций в искусстве после революции играют теоретические работы Г.Г. Клуциса («Мастерская революции», «О новых методах агитационного искусства») в которых обобщается практика становления нового направления в искусстве после революции. Сегодня революционные методы искусства начала 1920-х годов привлекают большое внимание среди исследователей по причине их недостаточной исследованности. Так и наследие Г. Клуциса после его расстрела в 1938 году было частично потеряно и сильно разрознено. Большая часть работ и архивов художника была изъята при аресте и оставалась недоступной для исследователей. Именно поэтому особый интерес представляют архивные материалы. Они открываются все новые и новые факты в биографии Г. Клуциса так и в его творческих поисках.

Секция №14.

Революция 1917 года в России и церковь

Руководители:

д.полит.н. М.М. Мчедлова

д.э.н., профессор В.В. Симонов

д.полит.н. А.В. Щипков

В ходе работы секции было прочитано 17 докладов. МГУ был представлен 7 докладчиками: 4 человека с кафедры истории церкви МГУ, 2 человека с других кафедр исторического факультета и еще 1 человек с философского факультета. Из других центров были представлены Институт всеобщей истории РАН, РГГУ, РУДН, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», МГПУ, ПСТГУ и др., один из участников приехал из Ярославского железнодорожного колледжа.

Для удобства доклады были разделены на 5 модулей. Первый был посвящен идейному, религиозно-философскому осмыслению феномена Русской революции; второй – государственной политике Временного правительства и советской власти по отношению к церкви; третий – внутрицерковным процессам, происходившим во время революции; четвертый – отражению Русской революции в других странах и в неправославных сообществах в России; пятый – отражению революции в дальнейших событиях XX века. После каждого модуля открывался обмен вопросами и дискуссия по прочитанным докладам.

Наиболее острая дискуссия развернулась при обсуждении докладов **Ф.А. Гайды «Накануне Поместного собора: Временное правительство и Православная Церковь весной-летом 1917 г.»** и **М.А. Бабкина «Духовенство Православной российской церкви и свержение монархии в 1917 году»**. Докладчики уже имели опыт полемики в научных журналах и Интернете и теперь получили возможность для очной дискуссии. Она касалась вопроса о том, участвовала ли Русская церковь в активной борьбе с монархией до и после Февральской революции.

Также продолжительную дискуссию вызывал завершающий заседание доклад **В.В. Симонова «Отзвуки 1917 года через столетие: современный кризис институционального христианства»**. Вопросы вызвали оценки масштаба кризиса современного христианства, соотношение понятий «постхристианское» и «постсекулярное» общество.

Секция №15.

Революция 1917 года в России: проблемы историографии и источниковедения

Подсекция А. Проблемы источниковедения.

тель:

А.Г. Голиков.

*Руководитель:
д.и.н., проф.*

Е.А. Агеева (Музей истории МГУ) – «Великая русская революция и старообрядчество (по эпистолярным источникам)». В докладе говорится о трудном и самобытном пути русского старообрядчества, для которого XX век стал новым созидательным этапом развития. Последователи старой веры участвовали в самых разных сферах русской общественной жизни. Февральскую революцию подавляющее большинство старообрядцев восприняло как становление России на новый путь. С большим воодушевлением ими было

воспринято воззвание Временного правительства от 9 марта 1917 г. «К населению и армии». Старообрядцы как поповцы, так и беспоповцы, начали работу с Временным правительством по детальному согласованию законодательства по старообрядческим общинам, новой форме присяги, положению воинов- старообрядцев и фронтовых священников. Был проведен Всероссийский съезд и Освященный собор, решения, которых рассылались по фронтам. Старообрядческая переписка и иные документы позволяют понять истинные позиции этого сообщества, что особенно важно в свете выхода ряда публикаций превратно и недостоверно трактующих роль последователей старой веры в Великой русской революции.

Д.А. Андреев – к.и.н., доцент МГУ имени М.В. Ломоносова «Отречение императора Николая II: об одной современной источниковедческой концепции».

В докладе были систематизированы получившие в современной историографии версии о том, что манифест императора Николая II об отречении от престола является позднейшей подделкой, проанализированы аргументы сторонников подобного взгляда на документ, показаны уязвимые места их аргументации. Вместе с тем докладчик подчеркнул, что проблема верификации данного исторического документа все же остается открытой, так как для внесения в этот вопрос полной ясности требуется комплексный анализ всего корпуса сохранившихся источников об обстоятельствах отречения Николая II. В частности, докладчик назвал некоторые документы, находящиеся ныне в архивохранилищах США, которые еще не введены в научный оборот и рассмотрение которых может уточнить некоторые обстоятельства, связанные с составлением манифеста.

О.В. Белоусова – к.и.н., доцент МГУ имени М.В. Ломоносова

В докладе дается представление о восприятии Февральской революции гр. С.Д. Шереметевым. Основным источником служат неопубликованные дневники графа, которые он вел с 1894 – 1917 гг., хранящиеся в российском государственном архиве древних актов (Ф. 1287). Шереметев известен как видный общественный деятель, организатор исторической науки, не занимая высоких государственных должностей, он был близок ко Двору и имел частые аудиенции у Николая II. Последнее царствование граф воспринимал крайне критически и называл «смутным временем». Будучи сторонником консервативных воззрений и сохранения самодержавного строя, он приветствовал события Февральской революции и искренне считал о передаче власти в.кн. Михаилу Александровичу, как о единственном пути спасения страны от анархии. Только

сильная личность монарха, коим он видел младшего брата царя, способна преодолеть революционный хаос. Его надеждам на избрание нового царя не суждено было сбыться. Консерватору сложно было поверить в крушение самодержавного строя и падение Дома Романовых, в незыблемости которого он был глубоко уверен.

Н.С. Ватник (ГСГУ (Коломна, Московская обл.) **«Ученическая печать как источник изучения общественных настроений школьной молодежи российской периферии в 1917 г.»**

Автор отмечает, что послефевральские газеты учащихся являются одним из малоизученных источников по истории событий 1917 г. в России, в связи с тем, что общественные позиции школьной молодежи находились на периферии исследований, малой тиражностью и плохой сохранностью источника. В 1917 г. на периферии издавалось не менее 70 ученических газет в 41 городе России (кроме Польши). География изданий – Минусинск, Красноярск, Омск, Тобольск, Якутск, Белёв, Воронеж, Иваново-Вознесенск, Камышин, Н. Новгород, Ржев, Тверь, Тула, Баку, Ереван, Кисловодск, Тифлис, Бердянск, Киев, Одесса, Полтава, Харьков и др. В качестве издателя выступали союзы учащихся и городские или региональные комитеты, иногда – ученики одной школы. Ученическая периодика обладала атрибутами «взрослой» прессы - форматом, шрифтом, указанием издателя, типографии и состава редколлегии. Газетные материалы содержат информацию о деятельности объединений учащихся - протоколы и отчеты заседаний ученических комитетов и бюро, повестки и обзоры работы Всероссийского и региональных съездов, резолюции по общеполитическим и академическим вопросам и комментарии к ним. Источники свидетельствуют о преобладании в ученической среде корпоративных интересов: основное содержание публикаций – реформа образования, создание «свободной школы в свободном государстве», изложение позиции школьников, учителей и родителей. Обсуждая характер ученического движения, авторы доказывали вредность политизации учащихся, подчеркивали свою «вне-партийность», призывали оставить политику «старшим» .

Галкин – «Земство и революция 1917 г.(по материалам британской прессы)».

Февральская революция рассматривалась в британской прессе как реакция населения на неспособность власти осуществлять эффективное управление страной в условиях военного времени. Формирование Временного правительства британцы восприняли положительно, считая, что это создаст условия для дальнейшей демократизации России. В большинстве публикаций британских

газет с весны до осени 1917 г. земства рассматривались как один из важнейших общественных институтов, находящийся «в авангарде» преобразований. Крайне негативно британские журналисты отнеслись к отдельным фактам арестов земских служащих представителями Советов депутатов, считая это «признаком анархии». Реформа Временного правительства, направленная на создание волостного земства и проведение выборов на началах прямого, равного и тайного голосования. Британские журналисты писали об участии земских деятелей в работе Всероссийского демократического совещания и особо подчеркивали, что земства выразили поддержку новому коалиционному Временному правительству, сформированному 25 сентября 1917 г., а многие земцы приняли участие в работе Предпарламента. Приход большевиков к власти земства не поддержали, и на ноябрьском совещании в Петрограде общественные деятели. Последним рубежом «спасения демократии» британские журналисты считали Учредительное собрание, но участие земцев в его работе и последующая ликвидация земств не получили широкого освещения в британской прессе.

О.И. Галкина – «Лидеры русской социал-демократии и революция 1917 года в освещении газеты «The Times».

Автор подчеркивает, что события Февральской революции в России вызвали большой интерес у общественности Великобритании. Ежедневная лондонская газета «The Times» выступала в качестве независимого печатного органа. Газета информировала общественность о положении дел в России, публикуя подробные корреспонденции и статьи, касающиеся отречения императора, состава Временного правительства, формирования Советов рабочих и солдатских депутатов. С учетом значительного усиления роли социал-демократов в политической жизни России, наибольший интерес газеты был прикован к лидерам РСДРП, вошедшим в состав Временного правительства и Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Корреспонденты писали о лидерах меньшевиков со слабо скрываемой симпатией, называя их «влиятельными мужчинами», настоящими марксистами и социал-демократами, способными усилить Временное правительство. Газета публиковала данные о суммах денег, которые переводились из Германии на счета большевиков через Стокгольм с целью поощрения их деятельности. По мнению журналистов газеты от деятельности именно этих «далеко зашедших» политиков, зависело будущее российской революции, которое выглядело «угрожающим» в том случае, если «экстремисты захватят власть».

А.В. Ганин – «Революционные события 1917 г. в освещении генерала А.Л. Носовича».

В докладе на основе впервые вводимых в научный оборот документов из личного архива видного военного деятеля эпохи Гражданской войны генерала А.Л. Носовича, хранящегося во Франции, раскрывается его видение революционных событий 1917 г. в Петрограде и на фронте. Особое значение имеют свидетельства Носовича о роли петроградских офицеров в поддержке Временного правительства в марте 1917 г. Офицер оставил наблюдения о переменах в личном составе в революционные дни. После Февральской революции Носович был направлен в Петроград в комиссию по преобразованию войск как делегат 7-й армии. Участие в этой комиссии и позволило ему стать очевидцем революционных событий в столице, что подробно изложено в его воспоминаниях. Позднее Носович во главе полка участвовал в печально известном последнем наступлении русской армии на Юго-Западном фронте в июне 1917 г., блестяще проявил себя и был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. В августе 1917 г. Носович был назначен командиром бригады 11-й пехотной дивизии. Что особенно важно, восприятие Носовичем событий 1917 г. позволяет реконструировать его отношение к революционным переменам и косвенно подтверждает причастность Носовича к работе белого подполья в 1918 г.

А.Г. Голиков – «Источниковедческие проблемы изучения революционных событий 1917 г. в России».

Автор отмечает, что историки изучают события 1917 г. на основе информации, которую зафиксировали источники. Корпус этих источников огромен. Значительная часть их выявлена учеными и уже введена в научный оборот. Для изучения заявленной темы актуальна проблема повышения их информационной отдачи. За истекшие сто лет сформирована представительная источниковая база, доступная исследователям. Если в распоряжении современников находились, главным образом, материалы периодической печати, то уже в 1920-е – 1930-е годы были написаны и частично опубликованы воспоминания участников и очевидцев событий, сформированы, поступили на хранение в архивы документальные комплексы, постепенно открывавшиеся для ученых. Было начато издание сборников документов, которое наиболее интенсивно велось в 1950-е – 1960-е годы. В 1990-е годы опубликованы ранее находившиеся на специальном хранении в отечественных архивах документальные материалы мелкобуржуазных и буржуазных партий. Изучение революционных событий велось как в России, так и за рубежом. Уже в 1920-е годы П.Н. Милюков опубликовал в эмиграции трехтомную «Историю второй русской революции». Основу источниковой базы работы составили материалы периодической печати и воспоминаний. Наряду с прослеживанием расширения источниковой базы изучения ре-

волюционных событий, в докладе на материалах отечественной периодической печати 1917 г. намечаются пути повышения информационной отдачи исторических источников посредством выявления в них скрытой (неочевидной) информации.

Зезегова - В дневниковых записях Владимира Владимировича Бирюковича, сделанных в 1917-1924 гг., отражены разнообразные реалии социально-экономической, политической и культурной жизни нашей страны. Выступая в качестве представителя корпорации интеллигентов, молодой человек описывал свое повседневное существование, сопровождавшееся лишениями, недоеданием, растерянностью. Факты общественной и личной жизни, отображенные на страницах дневника, пространственно локализованы в Петрограде, где разворачивались драматические события 1917 года. Бирюкович верил в возможность культурного обогащения народа, но это пробуждение народа, по его мнению, вызывало ненависть большевиков, которые в этом пробуждении винили интеллигенцию, создавали ей, как и царский режим, образ «врага народа», «эксплуататора народного труда», «поработителя народа». Оценка вождей Октябрьской революции с особой ясностью показывает отрицательное отношение историка к новой власти. Благодаря педагогической работе, Бирюкович смог найти свою социальную нишу в трансформирующемся обществе.

С.П. Костриков – «Отражение событий февраля-октября 1917 г. на страницах русской прессы».

С началом XX столетия пресса становится всё более заметным явлением в политической жизни России. Особенно возрастает ее значение с появлением партийно-политической печати. К 1917 г. в России имелось достаточно газет и журналов, отражавших весь спектр политической жизни во всех его оттенках. Февральская революция стимулировала процесс развития и радикализации русской прессы, выплеснув в общество огромное количество политической информации, которая и отражала взгляды, царившие в общественном мнении, и влияла на него. Автором были рассмотрены наиболее авторитетные русские издания: «Русское Слово», «Утро России», «Биржевые Ведомости», «Новое Время», «Московские Ведомости», «Русских Ведомостей», «Газеты Копейки» и популярные «толстые» журналы «Вестник Европы» и «Русское Богатство». Из партийных газет были изучены публикации центрального органа партии кадетов газеты «Речь», газеты партии большевиков - «Правда» и других издававшихся большевиками изданий, а также меньшевистские и эсеровские издания. Основное внимание было обращено на узловые вопросы политической борьбы, возникавшие в период от февраля до октября 1917 г.: оценка Февральской ре-

волюции и сложившегося двоевластия, кризисы Временного правительства, возрастание роли большевиков в революционном процессе, события на фронтах Первой мировой войны и их влияние на политическую ситуацию в России, экономический кризис, переходящий в разруху, нарастание контрреволюционных тенденций и Корниловский мятеж, потеря Временным правительством политической инициативы, нарастание нового политического кризиса и Октябрьская революция, оценка её причин и победы политическими оппонентами большевиков.

Подсекция Б. Проблемы историографии

Руководитель:

д.и.н., проф. **С.В. Мироненко.**

Н.Г. Абрамова – «Россия накануне великих свершений» (о книге профессора В.И. Бовыкина).

Книга профессора В.И. Бовыкина «Россия накануне великих свершений» была подготовлена к 70-летию Октябрьской революции. В книге рассмотрены основные направления изучения социально-экономических предпосылок революции, проанализированы спорные точки зрения. На основе исследований, посвященных отдельным процессам развития России, автор воссоздает общую картину российской действительности кануна 1917 года и пытается выяснить, что же представляла наша страна в реальности в социально-экономическом отношении на рубеже веков. В работе, ученый рассмотрел эволюцию аграрного строя, развитие промышленности, утверждение монополий, формирование финансового капитала и складывание кредитной системы, дал общее представление о российской экономике, основных показателях экономического развития страны в целом и развития по географическим районам Российской империи, характеристику основных черт российской экономики и попытался установить место, которое Россия занимала в мировой капиталистической системе.

Н.В. Гришина – «Актуальная рефлексия: Отражение революции в «малых формах» диссертационной культуры (1917 – 1919)».

Доклад опирается на концепцию диссертационной культуры. Важными оказываются «малые формы» – защитная речь диссертанта и тезисы диссертации, отзывы оппонентов, рецензии, отчеты о защите. В докладе говорится о диссертационных историях ученых-гуманитариев, завершившихся в 1917 – 1919 гг. (Яковлев А.И., Пичета В.И., Заозерский А.И., Бицилли П.М., Вернадский Г.В., Любомиров П.Г., Волков И.М., Добиаш-Рождественская О.А., Прес-

няков А.Е., Коцейовский А.Л., Курц Б.Г., Смирнов П.П., Сташевский Е.Д., Кагаров Е.Г. и др.). Организация диспутов обусловила включение оценочных суждений о происходящих событиях. Основные оценки: актуализация исторического прошлого; негативное влияние мировой войны и революции на научную культуру; размышления о содержании труда ученого, его востребованности; размышления об общественно-политических взглядах диссертанта и оппонентов, оказывающих влияние на ход научного диспута.

Р.М. Иванова – «Революция 1917 года в России: проблемы историографии и источниковедения».

В докладе дается представление о Российской революции 1917г. как объекте мировоззренческих и политических практик. Актуальность научного осмысления Российской революции 1917 г. крайне велика. В настоящее время ведется разработка понятия «Великая российская революция» (2013 г.). Существует широкий диапазон понимания Октября – «от цивилизационной катастрофы до Великой революции: по масштабам, социально-политическим трансформациям, последствиям и всемирному значению. В юбилейный год Февраль 1917 г. выделяется как ключевая историческая проблема историографии. Автор отмечает неправомерность резкого разграничения Февральской и Октябрьской революций. В историографии внимание исследователей в разных периодах русской истории было различным: от исторического забвения Февраля до его актуализации при «оттепели», «перестройке», в постсоветской России (Булдаков В.П. Бурджалов Э.Н, Волобуев П.В., Никонов В.А., Малинова О.Ю., Черняев А.С. и др.).

Л.А. Сидорова – «1917 год и проблема смены научных поколений в исторической науке России».

Характер отношений двух основных генераций историков, работавших в советской исторической науке в первые послереволюционные десятилетия, – «старой» и «красной» профессуры, был, в духе времени, не эволюционным, а революционным. Плодами пролетарской революции с начала 1920-х гг. все активнее пользовались именно молодые историки-марксисты. Ученые «старой школы» были вынуждены занять позицию наблюдателей за подготовкой следующей генерации историков. Предложенную М.Н.Покровским программу реформирования учебного процесса в Московском университете С.Б.Веселовский характеризовал негативно. Осуществление таких учебных планов с неизбежностью отражалось на положении преподавательского корпуса. В 1920-х гг. политизация высшей школы шла рука об руку с процессом создания марксистских

учебных заведений, которые. В реформе высшей школы лидер историков-марксистов делал акцент на классовом содержании образования и социальном составе студентов. Вступавшее в науку поколение историков воспринимало историческую науку как самую политическую. Поэтому «символический статус» дореволюционного ученого не давал гарантий сохранения авторитета в научном сообществе в целом и полнокровной исследовательской деятельности.. Их поколение в начале – первой половине 1930-х гг. находилось в прямой зависимости от научной экспансии молодых историков-марксистов. Условия, подрывавшие авторитет «буржуазных» историков, служили укреплению новой марксистской когорты.

О.В. Томашевич – «Великая русская революция в хронике одной жизни».

Доклад, построенный на основании архивных документов (архив ГМИИ имени А.С. Пушкина), впервые опубликованных автором, посвящен судьбе известного русского египтолога Владимира Михайловича Викентьева (1882–1960), оставшегося за границей в 1926 г.. Выпускник Московского университета получил место хранителя в Историческом музее имени императора Александра III. В годы революции выступил одним из создателей Института культур Востока, по мысли основателя «исследовательскую лабораторию и музей нового типа, где предметы не воспринимаются пассивно, а где на них подлинно и систематически учатся». Идея синтеза науки и искусства в начале XX в. воодушевляла интеллигенцию: в 1920 г. Викентьев входит в состав учредителей Дворца искусств. Понимая, что наступает эра актуальности совсем других тем, Викентьев, подобно В.В.Струве, пишет в 1922 г. статью «Революция в древнем Египте» для первого номера журнала «Новый Восток». Этой революции, «наметившей все основные линии современного социального переворота», Викентьев посвятил одну из своих публичных лекций в МИКВ. В 1922 г. Викентьев уезжает в заграничную командировку в Европу и Египет, где остается преподавать в каирском университете до своей кончины. Документы архива ГМИИ имени А.С. Пушкина дают свежий материал о сложных и ярких событиях в культуре и науке России эпохи Великой русской революции.

С.И. Яковлева - «Дискуссионные проблемы российской революции 1917 года в трудах П.А. Сорокина».

В докладе говорится о том, что несомненный интерес трактовка событий 1917 г. представляют труды П.А. Сорокина – непосредственным очевидцем и активным участником революции, с одной стороны, и учёным-социологом – с

другой. Российскую революцию 1917 г. Сорокин относит к числу великих, эпохальных, в каждой из которых как бы просматривается три типические фазы. Согласно мнению Сорокина, первая фаза характеризуется «радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ». На смену ей приходит вторая, деструктивная фаза. В третью, конструктивную фазу, русская революция вступила лишь в конце 1920 г. Таким образом, события 1917 г. автор рассматривает как составную часть единой революции, хронологические рамки которой – 1917-1922 г.г. В то же время он использует понятия «Февральская революция», «Октябрьская революция». В работе «Социология революции» Сорокин дает определение понятия революции. Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменения в биологическом составе населения, его воспроизводства и процессов отбора. В-третьих, это – деформация всей структуры общества. В-четвертых, революция приносит сдвиги в фундаментальных социальных процессах. Основываясь на бихевиористской методологии, он исследовал поведение людей в революционные периоды. Причины революции: растущее подавление базовых инстинктов; их всеобщий характер; дезорганизация власти и социального контроля. Причины победы большевиков он рассматривает не столько как их заслугу, сколько как слабость сил, противостоящих им – Временного правительства и умеренных социалистов, возглавивших Советы. В то же время автор признаёт, что политическая сила большевиков заключается в их способности поддерживать и использовать все жестокие, преступные и деструктивные инстинкты толпы, создавая условия для их разрядки, а потом обуздания их.

Секция №16.

Международный круглый стол

Революция 1917 года в России – в истории и историографии стран ближнего зарубежья

Руководители:

*к.и.н., доцент **О.В. Солопова***

*директор МДН **В.Б. Тарасов***

*председатель Комиссии по национально-культурному достоянию и этнокультурному развитию Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы, вице-президент Фонда общественной дипломатии, заместитель председателя правления некоммерческого партнерства «Русский центр «Иерусалим» **А.Ф. Бердников***

31 марта 2017 года в рамках Международной научной конференции «Столетие Революции 1917 года в России» по инициативе лаборатории истории диаспор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на площадке ГБУ «Московский дом национальностей» прошел Международный круглый стол «Революция 1917 года в России - в истории и историографии стран ближнего зарубежья».

2017-й – год столетия революционных событий 1917 года. И хотя дискуссии о событиях тех лет не прекращаются, исследователи сходятся в одном: революция имела всемирно-историческое значение и оказала влияние на судьбы всех народов мира.

Основная тема круглого стола - отражение событий 1917 года в истории и историографии стран ближнего зарубежья. Ученые-историки и политологи из таких стран как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Приднестровье, Узбекистан вместе со своими коллегами из России и дальнего зарубежья в ходе живой полемичной беседы постарались дать оценку революционным событиям 1917 года, которые, по мнению абсолютного большинства участников научного форума, изменили весь ход мировой истории.

Открывая заседание международного круглого стола декан исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Иван Иванович Тучков** отметил, что Революция 1917 года стала огромным рубежом для европейской культуры.

Приветствие в адрес организаторов конференции направил Руководитель Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы **Виталий Иванович Сучков**.

Пожелание успешной работы участникам круглого стола выразил Директор Государственного бюджетного учреждения «Московский дом национальностей» **Владимир Борисович Тарасов**.

С приветствиями выступили также Председатель Комиссии по национально-культурному достоянию и этнокультурному развитию Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы, вице-президент Фонда общественной дипломатии, заместитель председателя правления некоммерческого партнерства «Русский Центр «Иерусалим», кандидат юридических наук **Александр Федорович Бердников** и директор Института истории Национальной академии наук Беларуси кандидат исторических наук, доцент **Вячеслав Викторович Данилович**.

Работа круглого стола проходила в рамках пленарного и секционного заседаний.

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, экс-министр иностранных дел Республики Беларусь

Иван Иванович Антонович в своем пленарном докладе на тему **«Революция 1917 года в России: осмысление исторического значения»** попытался дать свою оценку событиям вековой давности и основным героям тех дней. По его мнению, цели, поставленные В.И. Лениным были достигнуты не в полной мере при его жизни. Однако полностью провалены его последователями. Иван Иванович, говоря о мировом значении революции 1917 года отмечает, что опыт СССР применяется не только в странах социалистической направленности, как Китай, но и черты федерализма Советского Союза угадываются в установочных документах Евросоюза.

Доктор филологических наук, профессор, директор Института языкознания РАН, член-корреспондент РАН Владимир Михайлович Алпатов в пленарном выступлении на тему **«Революция и национально-языковая политика»** заметил, что Октябрьская Революция впервые в мире попыталась изменить языковую политику, принятую в мире. Традиционно она была направлена на удовлетворение потребности взаимопонимания, в большинстве государств вводился единый официальный язык, иногда с помощью жёстких мер, как в царской России. После 1917 года была поставлена задача обеспечить для нашего народа государство использовать во всех сферах жизни, включая административные и культурные, свой родной язык. Многие языки для этого были недостаточно развиты, поэтому шло активное языковое строительство, на высоком научном уровне создавались письменности и литературные нормы для десятков языков. Однако недооценивалось необходимость взаимопонимания, которая в пределах страны могла удовлетворяться лишь на русском языке. Поэтому с середины 1930-х годов языковая политика при сохранение прежних лозунгов склонялась в сторону большего увеличения значения русского языка.

Завершила пленарную часть **доктор исторических наук, профессор факультета политологии Федерального университета Рио-де-Жанейро Беатриз Биссио** с докладом **«Первый конгресс народов Востока 1920 г.: обсуждение национальных и колониальных вопросов»**. Особое внимание при изучении Первого конгресса народов Востока Беатриз уделила роли женщины и тем правам, которым были ими получены в результате революции 1917 года. Она так же подчеркнула, что революция 1917 года в России имела колоссальное значение для народов Латинской Америки, впервые вывела такие вопросы как равенство полов, право народов на самоопределение на международную повестку дня.

В рамках пленарного заседания также прошло вручение Благодарностей членам Пресс-центра «25» при ГБОУ Школа №1440 г. Москвы «За активное участие в освещении этнокультурных и межнациональных мероприятий на Информационно-аналитическом портале «ДРУЖБА НАРОДОВ. Палитра москов-

ских диаспор, землячеств, автономий, национально-культурных общественных организаций» в 2016 году».

После обеда работа международного круглого стола продолжилась в двух секциях.

Модератором первой секции выступила **заместитель декана-ученый секретарь, руководитель лаборатории истории диаспор, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель РОО «НКА «Белорусы Москвы», доцент, кандидат исторических наук Оксана Вячеславовна Солопова.**

Заседание секции открыла **Президент Фонда сохранения культурного и исторического наследия России за рубежом «Русский Очаг», Президент РОО по сохранению культурного и исторического наследия Москвы «Москва и москвичи», председатель Комиссии по развитию международных отношений, межрегиональных связей и этнотуризма Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы Галли Германовна Монастырёва с докладом «Русская эмиграция. На пути к 100-летию Великого Исхода».** По ее мнению, отличительной особенностью последствий этой эмиграции стало заметное развитие образования, культуры и науки во всех странах, принявших российских подданных. Русские офицеры были востребованы прежде всего, как инженеры, картографы, геодезисты, а их жены открывали в местах поселения школы, университеты, устраивали картинные галереи, музеи, строили православные храмы.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, генеральный директор Российского федерального Информационного аналитического агентства "Вестник Кавказа" Исмаил Аловсат оглы Агакишиев в своем докладе «Русская революция 1917 года и столкновение альтернатив в Закавказье 1917- 1920 гг.» отметил, что все основные общероссийские партии были представлены в крупных городах Закавказья. Эпицентрами политических событий, по его мнению, были Тифлис, Елизаветполь. Как подчеркнул Исмаил Аловсат оглы сторонники революции были готовы к тем событиям, которые последовали после отречения императора, но они не имели широкой поддержки среди населения ни в одной из губернии Закавказья.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатии Ереванского государственного университета Григор Александрович Баласанян в докладе «Великая русская революция и Армянский вопрос. 1917-1918 гг.» подчеркнул, что 1917 год был судьбоносным для всего мира и, в частности, для армянского народа. 27 мая 1917 года правительство, как напомнил Григор Александрович, издало декларацию, в ко-

торой одним из своих первоочередных задач объявило освобождение не турецкого населения азиаткой Турции, 26 апреля 1917 года было обнародовано "решение Временного правительства о Турецкой Армении", в котором обозначены четкие границы Турецкой Армении, войска остановились, а самое главное выделились средства для репатриации армян. По словам докладчика, в принятом 29-ого декабря 1917 года декрете о "Турецкой Армении" Совнаркома РСФСР, идея сохранялась, однако не войска, не финансы не выделялись, и кроме этого не было обозначены граница этого объединения, а в марте 1918 в Брест-Литовском мирном договоре Россия возвращала все эти земли Турции и этим вопрос "Турецкой Армении" был захоронен.

Кандидат исторических наук, доцент, Президент национального комитета византистов Грузии Эрекле Гайозович Жордания в докладе «**Новейшая грузинская историография о революциях 1917 года в России**».

В докладе кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института всеобщей истории Российской академии наук **Ирины Анатольевны Кукушкиной** на тему «**Великая русская революция в судьбе Литвы и Украины (сравнительный анализ)**» даётся сравнительный анализ влияния революции 1917 г. В России на народы Литвы и Украины. Сравнение даёт возможность проследить общее особенное в судьбе двух народов, ранее входивших в состав Российской империи. Русский Февраль, как отметил докладчик, дал толчок подъёму национально-освободительного движения на литовских и украинских территориях. По словам Ирины Анатольевны, современные украинские историки не отрицают огромного влияния Русской Революции (февраль 1917- январь 1918) на украинские события, но считают, что Украинская революция выходила за рамки Российской империи. Историки Литвы не уделяют большого внимания исследованию указанных вопросов, рассматривая революционные события В России и Литве параллельно.

Доктор исторических наук, профессор, первый проректор Учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» Дмитрий Сергеевич Лавринович в докладе «**Современная белорусская историография о Русских революциях 1917 года**» отметил, что В 20-х годах XX века в бел. нац. историографии важнейшим событием для формирования государственности рассматривалась Первая мировая войны (В. Игнатовский, М. Довнар-Запольский). Затем возобладали ленинско-сталинские оценки, согласно которым в центр бел. истории были поставлены события 1917 г. и деятельность большевиков. Пересмотр интерпретаций событий рев. Эпохи начинается в конце 80-х гг. XX в. Авторитетнейший специалист по истории революции в Беларуси академик И.М. Игнатенко главной причиной февраля 1917

года назвал Первую мировую войну, но отметил что данная революция решила только вопрос о передвижке власти. Решающую роль он по-прежнему отдает Октябрьской революции 1917 г. В историографии 90-х годов расширился круг тем, которые историки стали рассматривать: белорусские национальные партии и организации, Первому Всебелорусскому съезду, проводившийся 25 марта 1918 г., Белорусской народной Республики. Революции 1917 года стали считать «русскими революциями», для Белоруссии – важнее Первая мировая войны – основа для решения вопросов. В современной историографии преобладает другой подход: суверенитет Республики Беларусь – конечный итог. Таким образом, именно революция начала XX века является решающим фактором формирования белорусской государственности.

В докладе доцента, кандидата исторических наук, заведующего кафедрой всеобщей истории, археологии и этнологии факультета общественных наук Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко Вячеслава Анатольевича Содоля в «Великая российская революция 1917 г. в историографии Приднестровья» Представлен опыт изучения приднестровскими учеными-историками революционных событий 1917 г., происходивших на территориях Среднего Поднестровья в границах современной Приднестровской Молдавской Республики. Были выделены и охарактеризованы основные этапы научного осмысления революционных процессов приднестровскими учеными. Акцентируется внимание на анализ научных статей коллективных монографий, учебников для школы, созданных в период после возрождения приднестровской государственности в 1990 года. Отмечены характерные черты, данных исследований, выразившиеся, во первых в освещение революционных событий на территории Приднестровье как части революционных событий на территории Приднестровья как части революционного процесса России; и во вторых в особое внимание к изучению вопросов национальных взаимоотношений складывавшихся в регионе в 1917г. Было охарактеризовано своеобразие политической обстановке, сложившийся в крае в марте – октябре 1917 г., продемонстрирована дифференциация подходов приднестровских ученых в оценке происходивших в то время событий.

Доктор философии по экономическим наукам, доцент, ведущий научный сотрудник Института кавказоведения Национальной академии наук Азербайджана Лилия Фридуновна Мирзаде совместно с преподавателем истории средней школы №6 города Хачмас Азербайджанской Республики Гюльшан Шаировной Оруджевой представили доклад «Роль Великой русской революции в эволюции национально-политического самосознания в Азербайджане». По их словам, тяжелый, кровавый путь прошел Азербайджан в период революционного движения и свершившийся Революции

1917 года. В процессе борьбы за свои права, национальные свободы, азербайджанский народ все более осознавал свою роль и место в Всемирной истории, происходила консолидация наций моноэтнического Азербайджана. В условиях распада кабального порядка, как со стороны местных беков, так и с русского царизма, азербайджанцы формировали собственную идеологию и идею, которая в современной обстановке уважения и других культур и наций, страны процветающее светское, демократическое государство.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Переханум Ферезуллаевна Рагимова в докладе «Русская революция 1917 года и национальный вопрос» акцентировала внимание слушателей на том, что многие народы России не имеющие письменности, к примеру народы севера, в первые десятилетия советской власти получили собственную письменность, некоторые национальные регионы до революции 1917 по своему культурному уровню сильно отставали от передовых регионов России. Советская власть дала возможность повысить культурный уровень народов с отстающей культурой и наконец, революция 1917 году, дала возможность многим народам России получить бесплатное, обязательное общедоступное образование. На мой взгляд самое большое достижение революции 1917 года.

Завершающим выступлением в первой секции стал доклад кандидата исторических наук, заместителя декана - ученого секретаря, руководителя лаборатории истории диаспор, доцента кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председателя РОО «НКА «Белорусы Москвы» Оксаны Вячеславовны Солоповой на тему «Белорусские беженцы Первой мировой войны: формирование национального самосознания в условиях революционных событий 1917 года». По словам Оксаны Вячеславовны, жертвами первой мировой войны кроме павших на поля сражений солдат, стали также миллионы мирных граждан, которым пришлось примерить на себя роль беженцев. После революций 1917 года ускорилось развитие белорусского национального движения. Как отметила докладчик, важной особенностью сознания белорусов-беженцев заключалась в том, что они являлись не просто этнокультурной группой, проживающей на другой территории и демонстрирующей социально-политическую активность, а в том, что в рамках этой политической активности белорусы демонстрировали собственную национальную волю.

Интересная, захватывающая научная дискуссия развернулась в рамках работы второй секции, модератором которой выступил **Председатель Комиссии по национально-культурному достоянию и этнокультурному развитию Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы, вице-**

президент Фонда общественной дипломатии, заместитель председателя правления некоммерческого партнерства «Русский Центр «Иерусалим», кандидат юридических наук Александр Федорович Бердников.

Работу данной секции открыло два заочных доклада. **Доктор исторических наук, профессор, почетный профессор РАН, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва Алексей Егорович Загребин** заочно представил доклад на тему **«Проблемы историографии истории финно-угорского мира: мир историка и исследовательская культура (на примере Русской революции 1917 года)»**, по его словам, Великая Октябрьская социалистическая революция нередко считается стартом новой жизни народов России. Во многом данное утверждение применимо и для Удмуртии. В результате революционных событий, деятельности всероссийских съездов Удмуртов, осознания важности решения национального вопроса советскими властями, наличия у удмуртского народа личностей, готовых бороться, в том числе и с оружием в руках, за победу идей, в которые они искренне поверили, была создана отдельная административная единица, объединявшая земли с удмуртским населением, позднее преобразованная в Удмуртскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Таким образом, события 1917 г. одновременно с негативными последствиями для всего государства оказали позитивное влияние на положение нерусского населения.

Также заочно был представлен доклад кандидата исторических наук, доцента, декана факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета **Вадима Францевича Гигина** на тему **«Беларусь в Революции 1917 года: проблема трактовок»**. Как отметил докладчик, советская историография вопроса прошла три этапа развития: «пролетарский революционаризм» (20-30-е годы), «сталинский догматизм» (30-50-е годы), «советский академизм» (60-80-е годы). Для этого периода характерна значительная эволюция трактовок при сохранении общего идеологического базиса. В 90-е годы, после крушения коммунистической системы, для историографии вопроса, как и для исторической науки в целом, характерен плюрализм мнений. Белорусская эмигрантская историография объясняет поражение национально-демократических сил крайне неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой. Настроение западной историографии в отношении белорусского национального движения в революционную эпоху можно определить как вполне скептическое. История Революции 1917 г. в Беларуси требует нового комплексного осмысления, а порой и значительной ревизии взглядов.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин историко-филологического факультета

Могилёвского государственного университета им. А.А. Кулешова Александр Григорьевич Агеев представил доклад «**Революция 1917 года и формирование белорусского политического движения в Могилеве**» подчеркнул, что можно утверждать, что создание и деятельность Могилевского Белорусского комитета – это первый в XX в. На территории Восточной Беларуси выход на политическую арену общественной организации, которая являлась носителем идеологического движения по достижению и закреплению автономии, единства и индивидуальностей белорусской нации. Революционные события 1917 г. способствовали формированию белорусского политического движения в Могилёве. Политические взгляды деятелей комитета эволюционировали от идеи государственной автономии Беларуси в составе Российского государства в 1917 г. до одобрения создания Белорусской народной республики в 1918 г.

Доктор исторических наук, профессор Московского финансово-юридического университета Эльвира Борисовна Ершова в докладе «**Великий Октябрь и национальная культура Белоруссии**» заметила, что Революции 1917 года оказали большое влияние на развитие белорусской культуры, в основе которой объединялись традиции и особенности культур тех народов, которые проживали на территориях губерний Северо-Западного края России. Во всех крупных городах Белоруссии начали создаваться различные учреждения культуры: театры, оркестры, хоровые коллективы, музыкальные школы. Большую роль в этом сыграли художники Марк Шагал, Каземир Малевич, поэты Якуб Колас, Янка Купала, композиторы Л. Роговский, Н. Соколовский и др. Со временем многие самодеятельные коллективы стали профессиональными государственными и основой их деятельности было возвращение национальной идентичности всей белорусской культуры, многоликой по своему характеру народов, проживавших на этих территориях.

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт славяноведения Российской академии наук Дарья Александровна Короткова в докладе «**Белорусский вопрос: от Февраля к Октябрю**» отметила, что Вопрос о самоопределении Белоруссии в период от Февраля к Октябрю 1917 г. не ставился в плоскости национального самоопределения и отделения от России. Речь шла исключительно об автономии. Российская Февральская революция способствовала росту влияния автономистских идей, однако одновременно усилила и про-российское направление, т.е. вселяло надежды на демократическое решение вопроса (национального). Активно создавались белорусские национальные организации в армии. Несмотря на умеренность программы автономии, она не была принята центральной властью. В апреле 1917 г. делегацию Белорусского

национального комитета во главе с Р. Скимунтом прибыла в Петроград для переговоров с Временным правительством об изменении статуса белорусских губерний. В условиях нарастания общенационального кризиса в стране лидеры белорусского движения стремились выработать единую платформу действий всех национальных партий и организаций. 15-25 октября 1917 г. была проведена реорганизация руководящего центра белорусского движения, создана Великая белорусская рада. Октябрьская революция радикально изменила ситуацию в крае. Войска Западного фронта почти полностью встали на сторону большевиков. Большинство же политических партий края были резко против. Это привело к вытеснению идеи автономии идеей полной государственной независимости Белоруссии, её выхода из состава России. В декабре 1917 г. состоялась попытка созвать краевое Учредительное собрание – Всебелорусский конгресс. На нём соперничали пробольшевистские и незалежническое течения. Принята была автономистская резолюция, однако создание независимого от Минского Совета центра краевой власти было для большевиков неприемлемо. Это привело к разгону съезда.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общественных наук Института истории Национальной академии наук Республики Армения, представитель Ассоциации историков Армении, ведущий научный сотрудник Ереванского государственного медицинского университета имени М. Гераци Ваган Генрикович Меликян представил доклад **«Проблема альтернативы власти в Закавказье после Октябрьского переворота 1917 года»**. По его словам, проблема альтернативы власти после Октябрьского переворота 1917 г. стала центральным вопросом внутривнутриполитической жизни Закавказья и его правительств. С ноября 1917 г. по апрель 1918 г. Велись беспрецедентные переговоры между армянской национально-демократической партией «Дашнакцутюн» (АРФД) и некоторыми лидерами Бакинского совета во главе с Ст. Шаумяном. По плану Шаумяна, путём советизации Баку и Тифлиса, появилась бы возможность решить Армянский вопрос, т.е. большевизированными частями Кавказского фронта оставить завоёванную Западную Армению в составе России.

Кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии юридического факультета Белорусского государственного университета Людмила Владимировна Слуцкая представила доклад **«Революция 1917 года как катализатор активизации иностранного влияния в Балтийском регионе (на примере Литвы)»**. После Революции 1917 г. Литва, по мнению Людмилы Владимировны, стала камнем преткновения не только региональных держав – Германии, Польши, Советской России, но Франции, Великобритании и США. Однако наибольшего успеха в межвоенный период добились Германия и Со-

ветская Россия, проводившие последовательную внешнюю политику в Балтийском регионе. Интриги французской дипломатии, неэффективная внешняя политика англичан не только не позволили минимизировать пангерманские настроения, но и способствовали усилению пробольшевистских симпатий в этом регионе.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» ГУ ВПО Белорусско-Российский университет Елена Петровна Цумарева в своем докладе **«Социально-экономические проблемы в белорусских губерниях как причины Февральской революции»** отметила, что причиной реализации угрозы социального взрыва являлось отсутствие минимального уровня обеспечения населения товарами первой необходимости. Ежедневные газеты являются важным источником в исследовании экономических проблем и роста социальной напряженности накануне Февральских событий 1917 г. Анализ статистических данных показал, что в 1916 г. затраты превосходили доходы семьи из 4 человек. Минимальный бюджет составлял 80 р. 99 к., тогда как средний заработок в г. Могилёве был 40 р. Возник конфликт между городской управой и производителями сахара, отказывавшимися продавать продукт по таксированной цене. Антагонизм между городом и деревней. Недовольство жителей деревни вызвала установка твёрдых цен только для сельскохозяйственной продукции, что понизило меновую стоимость этой продукции. В 1917 г. газеты оценивали Петроград и продовольственную политику как «центрохаос». Карточки на муку и хлеб были самыми ответственными, т.к. в рационе бедных хлеб и картофель заменяли другие продукты. Проблемы: в Гомеле распределение муки: беднейшие получали муку в наименьшем количестве: семья из 1-2 человек – 2 фунта муки на душу, семья более 5 человек - 1 фунт муки на душу. Положительный пример самоорганизации – кооперативное движение, их цель – борьба с дороговизной, закупка больших партий товаров и снабжение по умеренным ценам своих потребителей. Позитивная практика: благотворительность, устройство на работу безработных, поддержка беженцев. Негативная практика: спекуляции и взяточничество.

Заключительным докладом второй секции стало **выступление доктора философских наук, профессор, заведующего кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Ядвиги Станиславовны Яскевич**, чей доклад **«Дух революции: парадоксы существования в рамках синергетической методологии»** был посвящен осмыслению революции 1917 г. и последующей революции в нашей новейшей историографии с позиции синергетической идеологии. С этой позиции автор рассматривает революцию как точку бифуркации, высшее проявление социально-политического кризиса, который являет-

ся проявлением и следствием недостаточно рациональной деятельности правительственных структур. Доклад посвящен осмыслению революции 1917 г. и последующей революции в нашей новейшей историографии с позиции синергетической идеологии. С этой позиции автор рассматривает революцию как точку бифуркации, высшее проявление социально-политического кризиса, который является проявлением и следствием недостаточно рациональной деятельности правительственных структур. Необходимо ставить вопросы: какой ценой будет установлен парадокс; какова значимость того, что возникнет. Вывод: если бы почаще ставились подобные вопросы, прежде чем вмешиваться в социально-политический процесс, то в нашей истории было бы меньше трагических страниц, бездумно загубленных жизней, нереализованных идей, как это случилось в результате Великой русской революции 1917 г. Необходим диалог народа и науки.

В целом работа круглого стола прошла активно и плодотворно.

Отчет составлен ответственным секретарем конференции «Столетие Революции 1917 года в России» к.и.н., доц. кафедры истории России XX-XXI вв. истфака МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Остапенко на основе материалов, предоставленных руководителями секций, подсекций и круглых столов.